

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2022

Том 22

Выпуск 1

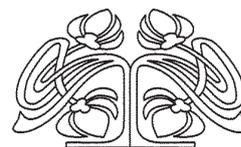
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Дуплинская Ю. М., Фриауф В. А. Амбивалентность Предвечного и Предстоящего в христианской мистике как криптомистический подтекст философской мысли 4

Ерохин В. С. Тенденции трансформации социальных практик и персональной идентификации 9

Крайнов А. Л. Постгуманизм и проблема бессмертия: социально-философский анализ 14

Кутырева И. В. Теологическое образование как базовый фактор социализации и формирования ценностных ориентиров в условиях динамично изменяющегося общества 19

Мухортов А. С. Генезис индивидуальности как философская проблема 24

Оводова С. Н. Глобальное в дискурсе метамодернизма: проблема истоков 29

Орлов М. О., Черевичко Т. В. Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ 34

Павлова Д. А. Фигура Аристотеля в отечественной интеллектуальной атмосфере XIX века 40

Пронин К. В. Роль сознания в эволюционной истории: эпифеномен или решающий адаптивный фактор естественного отбора 45

Тихонова С. В. Хронохакинг: между мысленным экспериментом и девиациями цифровых решений 50

Тонковидова А. В. С. Л. Франк: диалектика соборности 55

Устьянцев Н. Г. Сторителлинг и децентрализация идентичности в цифровой среде 59

Психология

Ромашева Ж. Ж. Институциональное доверие как медиатор связи метацинностей с эмиграционной установкой российской молодежи 64

Рягузова Е. В., Чинчевич Е. В. Психологические стратегии и типы финансового поведения студентов разных российских университетов 70

Ушакова В. Р. Механизмы эмоционального реагирования детей с задержкой психического развития 79

Педагогика

Воронина Д. К. Межкультурные виртуальные производственные туры как лингво-профессиональная составляющая обучения иностранному языку студентов технических специальностей 85

Провоторова Н. В. Профессиональная подготовка будущих специалистов сферы государственного управления к деятельности в условиях инновационного государственного управления 90

Савельева Н. Х. Генезис проблемы формирования цифровой межкультурной компетентности в период с 1970-х до начала 2000-х гг. 95

Ушакова Е. В. Образование женщин высшего и среднего сословий в Англии XVII века 100

Шерехова О. М. ESP как средство формирования универсальных и профессиональных компетенций будущих юристов 105

Приложения

Представляем книгу

Алексеева Т. А. Философия и философы во времена глобальных перемен. Рецензия на книгу: *Чумаков А. Н.* Путь в философию. Работы разных лет. М.: Проспект, 2021. 608 с. 110

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 13.00.05; 19.00.04; 19.00.05; 5.3.1; 5.3.4; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-ru.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (php.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.03.2022

Подписано в свет 31.03.2022

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,48 (14,5).

Тираж 70 экз. Заказ 13-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблицы, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Duplinskya Yu. M., Friauf V. A.** The ambivalence of the Eternity and the Coming in Christian mysticism as a cryptomystical subtext of philosophical thought 4
- Erohin V. S.** Trends in the transformation of social practices and personal identification 9
- Kraynov A. L.** Posthumanism and the problem of immortality: Socio-philosophical analysis 14
- Kutyreva I. V.** Theological education as a basic factor of socialization and the formation of value orientations in a dynamically changing society 19
- Mukhortov A. S.** The genesis of individuality as a philosophical problem 24
- Ovodova S. N.** Global in the discourse of metamodernism: The problem of origins 29
- Orlov M. O., Cherevichko T. V.** Secular and religious aspects of modern culture: A socio-philosophical and theological analysis 34
- Pavlova D. A.** The figure of Aristotle in the domestic intellectual atmosphere of the 19th century 40
- Pronin K. V.** The role of consciousness in evolutionary history: An epiphenomenon or a decisive adaptive factor in natural selection 45
- Tikhonova S. V.** Chronohacking: Between a thought experiment and deviations of digital solutions 50
- Tonkovidova A. V. S. L.** Frank: The dialectic of sobornost 55
- Ustyantsev N. G.** Storytelling and decentralization of identity in the digital environment 59

Psychology

- Romasheva Zh. Zh.** Institutional trust as a mediator of the connection of meta-values with the emigration attitude of Russian youth 64
- Ryaguzova E. V., Chincevich E. V.** Psychological strategies and types of financial behavior of students at different Russian universities 70
- Ushakova V. R.** Mechanisms of emotional response in children with mental retardation 79

Pedagogy

- Voronina D. K.** Intercultural virtual industrial tours as a means of linguo-professional component of foreign language teaching for engineering students 85
- Provotorova N. V.** Professional training of future specialists in public administration to work in the conditions of innovative public administration 90
- Savel'yeva N. Kh.** Genesis of the problem formation of digital intercultural competence in the period from the 1970s until the early 2000s 95
- Ushakova E. V.** Female education of the upper and middle classes in the 17th century England 100
- Sherekhova O. M.** ESP as a tool for the formation of universal and professional competencies of future lawyers 105

Appendices**Presentation of the Book**

- Alekseeva T. A.** Philosophy and philosophers in times of global changes. Book review: Alexander N. Chumakov. *The way to philosophy. Works of different years.* Moscow, Prospect Publ., 2021. 608 p. 110

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Крейг Камл, Ed. D (доктор), профессор (Гринвиль, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

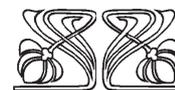
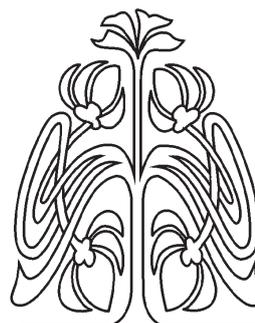
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

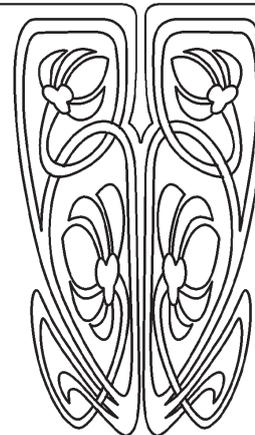
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Craig Kaml (Greenville, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryzanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

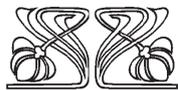
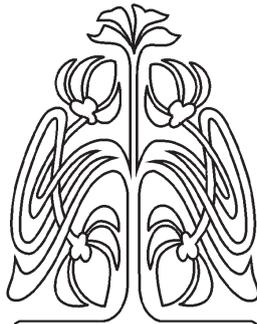

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

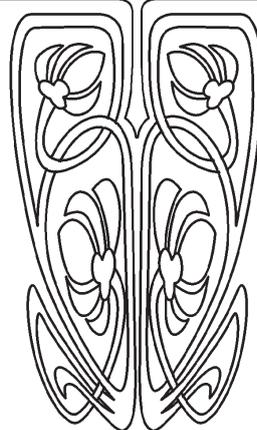

ФИЛОСОФИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 4–8
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 4–8
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-4-8>

Научная статья
УДК 111+291.1

Амбивалентность Предвечного и Предстоящего в христианской мистике как криптомистический подтекст философской мысли

Ю. М. Дуплинская¹✉, В. А. Фриауф²

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дуплинская Юлия Михайловна, доктор философских наук, доцент кафедры философии, duplinskayay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1990-6828>

Фриауф Василий Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, friauf50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6238-9144>

Аннотация. Доказывается, что сверхрациональность христианского мистического опыта качественно отличается от сверхрациональности иных мистических традиций. Помимо сверхрациональности *Предвечного* как инварианта всех сакральных традиций, христианский опыт сверхрационален в аспекте *Предстоящего* состояния обожения, которое является заданием, а не данностью. Этот аспект уникален как атрибут только христианского мистического опыта. В аспекте Предвечного мистическое единение с Богом осмысливается в метафорах *поворота*, *слияния* и *растворения*. В аспекте Предстоящего единение с Богом осмысливается в метафорах «делания»: *сорботничества* и *синергии* с Богом. Если рациональное мышление, как и культура в целом, криптомифологично и криптомистично, то криптомистичность мысли, вырастающей на почве христианского архетипа, имеет специфику. Следствием неустрашимой двухвекторности Предвечного и Предстоящего христианского архетипа являются флуктуации рациональной культуры, которых не породила никакая другая сакральная традиция. Апофатическая тайна Предвечного и Предстоящего распадается в философской мысли на два противоположных полюса. Один полюс связан с феноменологической традицией трансцендентального поворота, другой – с утопической традицией.

Ключевые слова: мистический опыт, апофатика, христианское богословие, философская вера

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

Для цитирования: Дуплинская Ю. М., Фриауф В. А. Амбивалентность Предвечного и Предстоящего в христианской мистике как криптомистический подтекст философской мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 4–8. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-4-8>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The ambivalence of the Eternity and the Coming in Christian mysticism as a cryptomystical subtext of philosophical thought

Yu. M. Duplinskaya¹ ✉, V. A. Friauf²¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaya St., Saratov 410054, Russia²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, RussiaYuliya M. Duplinskaya, duplinskayay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1990-6828>Vasilij A. Friauf, friauf50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6238-9144>

Abstract. It is proved that the superrationality of Christian mystical experience qualitatively differs from the superrationality of other mystical traditions. In addition to the superrationality of Eternity as an invariant of all sacred traditions, Christian experience is superrational in the aspect of the Coming state of adoration, which is a task, not a given. This aspect is unique as an attribute of Christian mystical experience only. In the aspect of Eternity, mystical unity with the God is understood in metaphors of rotation, fusion and dissolution. In the aspect of the Coming, unity with the God is understood in the metaphors of “doing”: co-work and synergy with the God. If rational thinking, like culture as a whole, is cryptomythologic and cryptomystical, then the cryptomysticism of thought that grows on the basis of the Christian archetype has its specifics. The result of the irremovable two-vectoriness of the Eternity and Coming of Christian archetype is the fluctuations of rational culture, which were not generated by any other sacred tradition. The apophatic mystery of the Eternity and the Coming breaks down into two opposite poles in philosophical thought. One pole is associated with the phenomenological tradition of transcendental rotation, the other – with the utopian tradition.

Keywords: mystical experience, apophatics, Christian theology, philosophical faith

Acknowledgements: This work was supported by the RFBR as part of a scientific project No. 21-011-44095 “The diversity of theological, philosophical and scientific approaches to the realization of the phenomenon of Christian religious-mystical experience: horizons and the limits of interdisciplinary synthesis”.

For citation: Duplinskaya Yu. M., Friauf V. A. The ambivalence of the Eternity and the Coming in Christian mysticism as a cryptomystical subtext of philosophical thought. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-4-8>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мистический опыт сверхрационален. Он превосходит область постижимого не только для рассудка, но и для Ума, который является более высокой инстанцией, нежели рассудок. В этом единодушны все сакральные мистические традиции: неоплатонизм, индуизм и буддизм, мусульманский суфизм и, наконец, христианская апофатика. И тем не менее непостижимость «Божественного мрака» в мистическом опыте христианства качественно отличается от непостижимости иных мистических традиций. Эта специфика проистекает из специфики отношения между Богом и человеком в христианстве. Как пишет В. Н. Лосский, «человек был создан совершенным. Это не означает, что его первозданное состояние совпадало с конечной целью, что он был соединен с Богом с момента своего сотворения» [1, с. 207]. Обожение было заданием, а не данностью. Именно поэтому сверхрациональность христианского мистического опыта есть нечто более радикальное, нежели сверхумное созерцание в неоплатонизме или недвойственные состояния сознания в восточной мистике.

Непостижимое в мистическом опыте христианства имеет два аспекта: 1) *непостижимость Предвечного*, ибо то, что порождает все, не может быть ничем из того, что порождено им. В Предвечном отсутствуют те разделения, демаркации и противопоставления, которыми оперирует ум

тварного существа. А то, что ничему не противопоставляется, не имеет определения и остается неизреченным; 2) *непостижимость Предстоящего*, которому предстоит осуществиться в жизни «будущего века». Первый аспект в большей или меньшей степени инвариантен для всех мистических традиций (сверхумное созерцание неоплатоников; недвойственные состояния сознания в индуизме и буддизме; состояние фана в суфийской мистике; свехимьянность Божественной сущности в христианской апофатике). А вот второй аспект уникален как атрибут именно христианского мистического опыта.

Внесем уточнение. Непостижимость Предвечного христианской апофатики также превосходит сверхумные состояния всех остальных перечисленных традиций. Тот, «Кто обитает во мраке», в христианской апофатике непостижим не вследствие Его абсолютной простоты или отсутствия различий, а потому, что Он по ту сторону самих таких демаркаций, как «простое и сложное», «единое и множественное», «тождественное и различное». В догмате о св. Троице, как отмечает В. Н. Лосский, «тройственное число не является количеством»; сумма трех «здесь всегда равна только единице» [1, с. 145]. Тайна числа «три» здесь выражает абсолютную инаковость христианского Бога опыту как единого, так и двойственного, в русле которых маркируется

Непостижимое в иных мистических традициях. Если единое противопоставляется множественному, если диада предполагает взаимоограничение в рамках оппозиции, то отношение в триаде – за пределами какого бы то ни было противопоставления.

Выделенным аспектам соответствуют два противоположных направления – «векторы», в русле которых душа пытается обрести соединение с Богом. *Первый – вектор возврата*: обращение тварного бытия вспять, к тому единению с Богом, которое предшествовало отпадению от Него. В более радикальных вариантах – возвращение в состояние Ничто, которое предшествовало появлению тварной реальности. Такой мистический опыт мыслится в следующих метафорах: *метафора поворота* к той сердцевине Божественного присутствия, от которой невозможно удалиться, а можно лишь отвернуться, – «в Его присутствии» (неоплатонизм) [2, с. 48]; *метафора растворения* в Божестве, подобного растворению в воде куса льда, и *метафора слияния* с Божеством, подобного слиянию капли воды с водами океана (адвайта веданта); *метафора обращения тварного процесса вспять* и возвращения к «дню Аласта», когда души были только сотворены и тварный мир был наиболее совершенным (суфизм).

Что касается христианства, такой вектор соединения с Богом присущ мистической традиции католиков, но не православных. По М. Экхарту, чтобы соединиться с Богом, душа должна всецело «погрузиться в этот бездонный колодец божественного Ничто, дабы ничто не могло ее оттуда извлечь» [3, с. 103]. Однако в таком соединении исчезает не только душа, но и Бог, ибо «пока не было творений, и Бог не был Богом; но несомненно был Он божеством, так как это имеет Он не через душу» [3, с. 139].

Второй вектор соединения с Богом – через феозис («обожение») как состояние богоподобия, еще не бывшее, не данное, но заданное в качестве *цели тварного существования*. Этот вектор ориентирован не на возвращение к единству до отпадения от Бога, а к соединению с Ним после преобразования падшего тварного естества. Достижение такого состояния осмысливается в метафорах «делания» («умного делания»): соработничества и синергии с Богом.

После всего сказанного можно констатировать глубокий парадокс. В двух вышеописанных аспектах христианской мистики (Предвечное и Предстоящее) и векторах (возврат и цель тварного существования) прорисовываются контуры глубочайшей апофатической тайны. Излишне объяснять, что противоположность данных аспектов и векторов может иметь место только

для тварного человеческого ума, но не для Бога. Все векторы и направления существуют лишь для взгляда, сфокусированного в пространстве и времени. А для Бога, Который вне времени и вне пространства, очевидно, нет различия между Предвечным и Предстоящим. Резонно поставить вопрос: может ли в Боге уже не осуществиться то, к чему еще только предстоит прийти человеку в процессе обожения? Данный вопрос не является риторическим, как это может показаться на первый взгляд. Отрицательный ответ здесь столь же не релевантен, как и ответ утвердительный. Так, для христианской ортодоксии, вероятно, неприемлема экстремистская позиция Н. Бердяева, что «Бог ждет от человека такого откровения свободы, в котором открыться должно не предвиденное самим Богом» [4, с. 163], что, однако, не означает автоматического принятия противоположного полюса антиномии, сформулированного, например, Е. Трубецким: «Как может войти в вечность то, чего там раньше не было?» [5, с. 116].

Апофатический дискурс «таинственного богословия» не позволяет ни устранить один из аспектов дилеммы в пользу другого ее аспекта, ни объединить их в рамках какой-либо «положительной» концепции. Хотя апофатическое богословие маркируется как путь *отрицательного* богопознания, отрицание здесь не следует понимать ни в формате контрарных, ни в формате контрадикторных суждений формальной логики, ни в формате «взаимоисключения и синтеза» диалектических противоположностей. Апофатический дискурс превосходит как утверждения, так и отрицания, поскольку Бог – за пределами как любого утверждения, так и любого отрицания. Сама «инаковость», по глубокому замечанию С. Франка, здесь должна пониматься «совсем иной, чем обычная». Это «совсем иное» возвышается над «противоположностью между “инаковостью” и “неинаковостью”» [6, с. 462].

Апофатический путь постижения Бога позволяет лишь очертить границы тайны, получившей в христианской мистике эпитет тайны более глубокой, чем сама «тьма кромешная». Но прежде чем исследовать флуктуации мысли, сопровождающие такое постижение, проведем дистинкции между: 1) апофатическим экстазом самого мистического опыта; 2) осмыслением этого опыта в апофатическом богословии и 3) антиномичностью как пределом осмысления мистического опыта в философском дискурсе. На каждом из выделенных уровней апофатичность имеет разное, если можно так выразиться, «качество».

Апофатический экстаз в мистическом опыте. Как ни парадоксально, такой экстаз является не отрицательным знанием, как в интеллектуальной

процедуре апофатического отрицания, а знанием *положительным*. Здесь «сознание непознаваемости Божественной природы равно опыту, встрече с личным Богом откровения» [1, с. 134]. Апофатический экстаз христианской мистики – это *опыт единения* с Богом, а не разъединения с Ним. Но опыт такого парадоксального единения, в котором даже «будучи тесно связанным с Богом, человек не знает Его иным, как только непознаваемым» [1, с. 137].

Апофатический путь познания Бога в христианском богословии. Уточним, что нас в данном случае интересует богословская традиция Восточной церкви, в которой никогда не проводилось резкого разграничения между богословием и мистическим опытом, как это имело место в традиции Запада. На этом уровне постижение апофатической тайны переходит в интеллектуальное русло. Однако, помимо интеллектуальной процедуры апофатического «вычитания предикатов», мистическое богословие Восточной церкви все же сохраняет «качество» христианского аскетического опыта. Апофатический путь познания В. Лосский сравнивает с *аскезой мысли*, удерживающей ум от «похоти» бесплодных мечтаний. Если в формате философского дискурса взаимоисключающие отрицательные определения нагнетают остроту парадокса (что можно уподобить «страстным» состояниям ума), то в формате дискурса богословского они выражают лишь смиренномудрие – своего рода аналог христианской аскезы в области мысли. Например, четыре отрицательных определения в формулировке, что две природы в Иисусе Христе соединяются «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно», «апофатически очерчивают тайну воплощения, но запрещают нам представлять себе “как” этой тайны» [7, с. 529].

Антиномичность как предел религиозно-философского дискурса. Неизбежность парадоксов при осмыслении *предельных* оснований вынуждена констатировать даже математика. Тем более, антиномия и парадокс являют предел мысли в попытках постижения *Запредельного*. Антиномический дискурс в философском осмыслении мистического опыта отличается от классических вариантов диалектики тем, что здесь не предполагается опосредствования, снятия или синтеза противоположностей. Антиномия и парадокс в данном случае – последний «трамплин», с которого мысль пытается совершить прыжок к трансцендентному. Таков антиномический дискурс П. Флоренского. Таков «антиномический монодуализм» С. Франка. Опыт «интеллектуального смиренномудрия» богословской апофатики здесь трансформируется в своеобразный

«интеллектуальный экстрим» (в иных случаях можно сказать более: «интеллектуальный экстремизм») философской антиномичности. Если в богословии отрицание лишь смиренно очерчивает границы тайны, за которую не переступает разум, то нагнетание антиномий в философском дискурсе сродни дерзновенной попытке на острие парадокса проникнуть в тайну Неизреченного. И в этом отношении философская мысль обретает «качество» своего рода опыта, хотя и иного рода, чем опыт христианской аскетики или смиренномудрие апофатического богословия.

Итак, на уровне концептуальной рефлексии апофатическая тайна являет себя в разрыве антиномий, и полюса антиномий в отличие от диалектических противоположностей не подлежат диалектическому синтезу. Однако представить дело так, будто главная линия коллизий между христианской мистикой и ее философским осмыслением проходит по демаркации «живой опыт» в первом случае и «отвлеченное мышление» во втором – было бы упрощением сути дела. Наиболее глубокие философские учения есть нечто большее, чем отвлеченное умствование. Такие учения также являют, как уже было сказано, своего рода *опыт*. Этот опыт вслед за К. Ясперсом можно назвать *опытом философской веры*. Философская вера тоже выступает разновидностью духовного опыта, но опыта иного рода, нежели опыт христианской аскетики. Впрочем, этот опыт так же крипторелигиозен, криптомистичен и криптомифологичен, как и культура в целом. Криptomистичность опыта философствования трансформирует вертикаль христианского опыта в «геологию мысли» (метафора Ж. Делеза).

Криptomистичность опыта мысли, произрастающей на почве христианского архетипа, имеет специфику. Следствием неустранимой двухвекторности Предвечного и Предстоящего является особая подвижность концептуальных схем христианского мистического опыта. Подобных полюсов и флуктуаций мысли не породила никакая другая мистическая традиция. Христианская апофатика как в самом мистическом опыте, так и в богословско-философской рефлексии есть «неведение» совершенно особого рода. Оно не имеет ничего общего с состояниями «стабильности» и «равновесия» (если здесь релевантна терминология современного естествознания), которое приводило бы к притуплению сознания и позволяло уму заснуть и упокоиться в лоне Неведомого. Приближение к Божественной тайне в христианском опыте не знает насыщения и никогда не является завершенным. Это находит продолжение в непрестанных пульсациях мысли. Рефлексирующее осмысление здесь соскальзывает

вает с любой позиции, не может удержаться ни в позиции отрицания, ни в позиции утверждения, ни в равновесии между «да» и «нет».

Апофатическая тайна соединения Предвечного и Предстоящего распадается в философской рецепции на два противоположных полюса, между которыми пульсирует философская вера: 1) в *векторе возврата* философская вера артикулируется в терминологии поворота ума, разворачивающего нас к опыту Трансцендентного как некоей очевидности, которая всегда присутствует в душе под внешним слоем напластований. В философии XX в. такой опыт связан с феноменологическим направлением. В этом ряду – мотив возвращения «домой», к духовной родине из ситуации забвения и пребывания на чужбине у М. Хайдеггера, «трансцендирование во-внутрь» С. Франка, открывающее непосредственную очевидность покоя пребывания в Боге, не замечаемого нами только из-за духовной близорукости; 2) в *векторе цели* философская вера артикулируется в терминах творчества и созидания. В этом ряду – учение Н. Бердяева о грядущей третьей эпохе Божественного откровения, которое будет *откровением творчества*, после откровения закона и откровения Искупления; всякого рода утопии построения «рая на земле» как отголоски христианской концепции «жизни будущего века»; философия русского космизма, соединявшая социальную утопию с утопией преображения всего космоса и претендовавшая быть философской расшифровкой Православия.

Если феноменологический срез философской веры является лишь суррогатом подлинного мистического опыта, то утопический срез этой веры, помимо суррогатного качества, таит в себе и великую опасность. В феноменологическом срезе философская вера суррогатна, поскольку остается лишь опытом мысли. В практиках же аскетического подвижничества мистический опыт достигается не только перефокусировкой умственного взора, но и «умным *деланием*», приводящим к трансформации всего человеческого естества. Однако утопический срез философской веры включает в себе гораздо худший соблазн преображения человеческого естества усилиями самого человека. Если в XX в. утопии такого рода еще имели неявный оккультный подтекст (немецкий

фашизм, русский коммунизм), то в XXI в. они уже, несомненно, смыкаются с оккультизмом.

Список литературы

1. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Лосский В. Н. Боговидение. М.: АСТ, 2003. С. 111–308.
2. Адо П. Плотин, или простота взгляда. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 140 с.
3. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М.: Политиздат, 1991. 192 с.
4. Бердяев Н. Смысл творчества // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 37–341.
5. Трубецкой Е. Смысл жизни // Трубецкой Е. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 4–220.
6. Франк С. Непостижимое // Франк С. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–559.
7. Лосский В. Н. Догматическое богословие // Лосский В. Н. Боговидение. М.: АСТ, 2003. С. 455–550.

References

1. Losskiy V. N. Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. In: Losskiy V. N. *Bogovideniye* [The Vision of the God]. Moscow, AST Publ., 2003, pp. 111–308 (in Russian).
2. Hadot P. *Plotin ou la simplicité du regard*. Paris, Plon, 1963. 187 p. (Russ. ed.: Hadot P. *Plotin, ili prostota vzglyada*. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Shichalina Publ., 1991. 140 p.).
3. Eckhart M. *Deutsche Predigten und Traktaten*. Hrsg. von Josef Quint, 1958. (Russ. ed.: Eckhart M. *Duhovnie propovedi i rassuzhdeniya*. Moscow, Politizdat, 1991. 192 p.).
4. Berdyayev N. The Meaning of Creativity. In: Berdyayev N. *Philosophiya tvorchestva, kulturi i iskusstva: v 2 t.* [Philosophy of Creativity, Culture and Art: in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, vol. 1, pp. 37–341 (in Russian).
5. Trubeckoy E. The Meaning of Life. In: Trubeckoy E. *Smysl zhizni* [The Meaning of Life]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 4–220 (in Russian).
6. Frank S. Incomprehensible. In: Frank S. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 183–559 (in Russian).
7. Losskiy V. N. Dogmatic Theology. In: Losskiy V. N. *Bogovideniye* [The Vision of the God]. Moscow, AST Publ., 2003, pp. 455–550 (in Russian).

Поступила в редакцию 07.09.2021; одобрена после рецензирования 17.09.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 07.09.2021; approved after reviewing 17.09.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 9–13
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 9–13
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-9-13>

Научная статья
УДК 1:316.61

Тенденции трансформации социальных практик и персональной идентификации

В. С. Ерохин

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Ерохин Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, v.s.erohin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформаций социальных практик и соответствующих им форм персональной идентификации. Определяются понятия «практика» и «социальная практика», важные их компоненты. Утверждается, что значимыми тенденциями трансформации социальных практик и персональной идентификации являются стандартизация, массовизация и виртуализация. Исследуемая проблема состоит в том, что изменения структуры общества определяют необходимость приспособления к ним личности через использование социальных практик. Таким образом, трансформация условий общественного бытия влечет за собой изменение социальных практик, реализуемых человеком, и, как следствие, трансформации его персональной идентификации. Цель работы состоит в выявлении сущности стандартизации, массовизации и виртуализации как тенденций трансформации социальных практик и персональной идентичности личности. Методологическим основанием работы становится логический анализ, позволяющий определить влияние тенденции трансформации социальных практик на достижение личностью персональной идентичности. Научная новизна исследования заключается в обосновании связи трансформаций социальных практик человека с трансформациями форм его персональной идентификации. Утверждается, что основанием такого перехода становится развитие технических средств, принципиальным образом изменяющих условия социального бытия человека.

Ключевые слова: социальная практика, стандартизация, виртуализация, массовизация, персональная идентификация

Для цитирования: Ерохин В. С. Тенденции трансформации социальных практик и персональной идентификации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 9–13. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-9-13>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Trends in the transformation of social practices and personal identification

V. S. Erohin

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Vladimir S. Erohin, v.s.erohin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>

Abstract. The article is devoted to the analysis of transformations of social practices and the corresponding forms of personal identification. The article defines the concepts of "practice" and "social practice", and indicates their important components. The author asserts that standardization, massification and virtualization are significant trends in the transformation of social practices and personal identification. The problem investigated in the article is that changes in the structure of society determine the need for an individual to adapt to them through the use of social practices. Thus, the transformation of the conditions of social existence entails a change in the social practices implemented by a person, and, as a result, the transformation of his or her personal identification. The purpose of the work is to identify the essence of standardization, mass production and virtualization as trends in the transformation of social practices and personal identity of an individual. The methodological basis of the work is a logical analysis that allows us to determine the influence of the trend of transformation of social practices on the achievement of personal identity by a person. The scientific novelty of the work lies in the substantiation of the connection between the transformations of a person's social practices and the transformations of the forms of his or her personal identification. It is argued that the basis for such a transition is the development of technical means that fundamentally change the conditions of human social existence.

Keywords: social practice, standardization, virtualization, mass identification, personal identification

For citation: Erohin V. S. Trends in the transformation of social practices and personal identification. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 9–13 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-9-13>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Практика отражает деятельность, направленную на преобразование окружающей действительности. Данный феномен имеет социальную и рациональную природу и означает способность человека к целеполаганию, а также стремление достигнуть желаемого результата. Социальная практика является видовым понятием по отношению к термину «практика» и выражает совокупность регулярно повторяющихся общественно значимых действий, которые разделяются социальными субъектами. В отличие от практики в целом данное понятие может быть использовано для описания множества повседневных практических действий.

Социальные практики содержат в себе индивидуальный и социальный компоненты, демонстрирующие способность отдельной персоны к преобразовательной деятельности и совокупность социально приемлемых моделей поведения человека. В связи с этим социальные практики могут быть поняты как основания социализации личности и способ достижения ею персональной идентификации. Последняя включает в себя единство аскриптивных и дескриптивных норм. Данные виды норм регулируют формы и способы достижения персональной идентификации личности. Как следствие, социальные практики приобретают нормативное основание и регламентируют социальное бытие персоны через формирование социально приемлемых форм персональной идентификации.

Автор трансформирует классический деятельностный подход, адаптируя его базовые принципы к социальным условиям цифрового общества, что дает возможность объяснить актуальные формы соотношения «внутреннего и внешнего» в персональном бытии личности. Применяется логика концепции П. Бурдьё, использовавшего понятия «социальная практика» и «габитус» для выражения субъективной стороны персонального бытия и деятельности личности.

В научной литературе выделяется несколько тенденций трансформации социальных практик и соответствующих им форм персональной идентификации: стандартизация, массовизация и виртуализация социальных практик. Каждая из них детерминирует изменение способов персональной идентификации личности.

Техническое перевооружение общества и стремление человека к комфорту [1] влекут за собой социальный запрос на адаптацию персональной идентификации личности к социальным изменениям. В числе значимых тенденций выделяются стандартизация и упрощение социальных практик, позволяющие творить и воспроизводить

устойчивый порядок социального бытия и давать персоне ощущение стабильности и безопасности.

Упрощение социальных практик в повседневных практиках осуществляется в форме их стандартизации и архаизации через институционализацию деятельности личности. Деятельность персоны подводится под общие правила общепринятого поведения и устойчивые формы совместного бытия людей. Достигается возможность мотивировать социально приемлемое поведение личности для реализации эффективного достижения общественно значимых способов персональной идентификации.

Стандартизация социальных практик приводит к структурированию ролевого поведения персоны, формированию наиболее предсказуемых действий субъектов социальной интеракции. Это влечет появление дополнительных ресурсов, позволяющих контролировать субъекты социальной интеракции и при необходимости управлять ими [2]. Вместе с тем стандартные социальные практики обезличиваются и не позволяют в полной мере выразить персональные свойства индивидуума.

В своей явной форме стандартизация социальных практик и персональной идентификации выражается в массовизации, суть которой состоит в тиражировании типичных моделей социального бытия персоны. Предложенные социальному субъекту модели поведения воспринимаются как легитимные.

Наиболее яркую форму идеи массовизации общества и сопутствующую ей типизацию социальных практик персональной идентификации предложил испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, представивший технизацию общества как основание массовизации социальных практик. Человек избавляет себя от повседневных затрат и перекладывает стандартные действия на технические средства, высвобождая тем самым значительный объем свободного времени. Вместе с тем ослабляется творческий потенциал человека [3, с. 203], его способность адаптироваться к условиям существования.

Формируется массовый человек [4], воплощающий себя в простейших действиях и реакциях. Так воспроизводятся стандартизированный образ человека и его психологическая установка на стереотипные механизмы мышления и деятельности. Стандартизация образа жизни и социальных практик приводит к формированию стереотипных моделей поведения. Для массового человека характерны единые психологические установки: стремление к комфорту, стереотипность схем мышления, неспособность к творчеству, эгоизм [5].

Развитие концепта массовизации социальных практик реализуется в идеях Г. Лебона о расовой и национальной идентичности. Традиционные схемы национального мышления влекут за собой формирование психологии массового человека, поэтому его использование позволяет уничтожить способность человека к критическому мышлению и творчеству, а значит, влечет за собой массовизацию социальных практик и соответствующих форм идентификации [6].

Как итог, технологическое перевооружение общества приводит к трансформации социальных практик персоны в виде стандартизации и массовизации действий личности. Такие социальные практики нормируют персональное бытие человека, поскольку определяют на повседневном уровне механизмы его существования. В качестве негативных последствий стандартизации и массовизации социальных практик и соответствующих им форм персональной идентификации можно отметить следующее: личность более не является уникальным проектом, самостоятельно определяющим собственное бытие, а оказывается проектом общества как Другого.

Значимой тенденцией трансформации социальной практики персональной идентификации является ее виртуализация. Суть ее состоит в том, что физическая форма самоидентификации заменяется на цифровую ее форму. Понятие «виртуальная идентификация» можно толковать как способность субъекта отождествлять себя с набором текстовых, графических и аудиокомпонентов, которые определяют свойства личности в онлайн-среде. Главная цель виртуальной идентификации состоит в самопрезентации персоны и отражении ее реальных характеристик в виртуальном мире в глобальной сети Интернет [7, с. 262–263].

В широком смысле актуальным становится противостояние виртуального материальному, а также реализация процесса персональной идентичности в форме символических и коммуникативных действий. В узком смысле практику виртуальной персональной идентификации можно трактовать как отождествление себя с комплексом знаков, существующих «в электронной среде, которая выступает носителем-субстратом этих знаков» [8, с.10]. Важным становится утверждение о том, что форма виртуального существования личности имеет функциональное значение: субъект социальных отношений может выполнять функцию киберсубъекта, не имеющего физического воплощения.

Виртуальная персональная идентификация базируется на стандартных основаниях, нормах и компонентах сети Интернет и регламентиру-

ется соответствующим интерфейсом. Отметим позитивное значение виртуальной идентификации как социальной практики: цифровая среда предоставляет множество возможностей для самореализации, которых нет в реальном мире, что способствует более полному развитию «идентичности личности как комплексного представления о собственной личности в контексте принадлежности к различным социоэкономическим, национальным, религиозным, профессиональным группам» [7, с. 263]. К возможностям социальной практики виртуальной идентификации можно отнести следующие:

расширение спектра возможности идентификативных практик, дающих шанс сконструировать себя из множества социальных «масок» благодаря снятию культурных рамок;

редукцию личности к тексту;

повышение роли вербальной коммуникации и сведение практики невербального общения к использованию различных эмодзи.

Вместе с тем следует отметить негативные стороны виртуализации персональной идентификации личности. Возможная утрата корреляции с физическим воплощением виртуального субъекта дает основание для беспокойства о сохранности физического, социального и иного существования персоны, поэтому требует гарантий подтверждения человечности в виртуальном субъекте, а также способности его участия в социальной интеракции. Одним из методов верификации тождества виртуальной и физической личности может стать комплекс биометрических информационных технологий, позволяющих подтвердить аутентичность личности как виртуального субъекта путем использования качественных входных данных, среди которых выделяются оцифрованные биометрические характеристики человека [9].

Такие основания верификации виртуальных социальных практик персоны материальными основаниями ее существования влекут за собой трансформацию юридических способов подтверждения виртуальной персональной идентификации личности. В специальной юридической литературе отмечается, что таковым может стать использование универсальной электронной карты, введенной в оборот в Российской Федерации в 2013 г. и заменяющей по своему функционалу ряд привычных документов, а также электронного паспорта как средства электронной идентификации личности гражданина и платежного документа. Подобная процедура осуществляется благодаря встроенному микрочипу и содержащейся на нем визуальной и электронной информации о персональных данных владельца, в том числе с описани-

ем его биометрических данных: результатов дактилоскопических исследований, рисунка радужной оболочки глаза, анализа ДНК-исследования, роста-весовых показателей человека и иных его антропометрических данных [10]. Наличие таких технологий персональной идентификации и верификации личности как субъекта социальных связей и отношений дает возможность личности реализовать право на получение государственных и муниципальных услуг и услуг иных организаций в цифровой форме и без привязки к физическому месту пребывания субъекта-заявителя.

Вместе с тем хранение столь важной информации о биологических, естественных и гражданских свойствах и правах человеке на электронном носителе ставит под угрозу правовое положение гражданина и личности, поскольку становятся возможными манипулирование и подделка официальных данных о нем как субъекте правовых взаимоотношений.

Невозможность реализации принципа свободы личности и ее убеждений вызывает следующие опасения:

вероятность массового вторжения государства в личную жизнь граждан. Невозможным становится сохранение конфиденциальной информации обо всех сторонах жизни человека. Достаточно простым оказывается отслеживание всех сторон его жизни;

трансформируется роль человека в обществе и системе социальных практик. Его социальное благополучие ставится в зависимость от электронного идентификатора, который в перспективе может стать единственной возможностью для совершения юридически и социально значимых действий. Социальное бытие человека определяется наличием, корректным функционированием и безопасностью такого идентификатора, а значит потенциальное его использование влечет за собой тотальное подчинение личности как субъекта общественных отношений;

отсутствие полной гарантии защищенности персональных данных, что не способствует перспективам планирования сколько-нибудь социально важных форм персональной идентификации и реализации социальных практик. Более перспективным становится совершение таких социальных практик, которые можно признать симулятивными и обеспечивающими хоть какую-то, пусть и невысокую степень безопасности персонального и социального бытия персоны.

Таким образом, тенденция виртуализации социальных практик персональной идентификации представляет собой переход от физической к цифровой самоидентификации персоны с набором соответствующих признаков, отличающих

конкретную личность. Цифровая идентификация содержит в себе множество знаков, отражающих возможности цифрового функционирования отдельной персоны.

Тенденция виртуализации воплощается с помощью норм и принципов компонентов сети Интернет и имеет как позитивные, так и негативные стороны. Так, к позитивным сторонам виртуальной идентификации можно отнести предоставление личности таких возможностей для самореализации, которые дополняют физическую, реальную самоидентификацию. Негативная сторона виртуализации персональной идентификации состоит в возможности утраты субъектом связи с реальной самоидентификацией и потерей социальных и гражданских свойств. Необходимой является верификация цифровой персональной идентификации юридически приемлемыми документами. Возможными становятся утрата персоной частной жизни, зависимость социального бытия личности от электронных носителей и идентификаторов, а также недостаток защищенности персональных данных личности как субъекта социальных связей и отношений.

Из сказанного следует, что тенденции стандартизации, виртуализации и массовизации формируют принципиально новые формы и способы реализации социальных практик. Деятельность персоны, выраженная в ее социальных практиках, трансформирует пути достижения персональной идентификации личности. Описанные тенденции формируют нормативное измерение личностной самоидентификации, поскольку социальные реалии создают условия виртуальной, подчас стандартной и массовой персональной идентичности. Таким же образом меняются пути достижения и способы реализации персональной самоидентификации. Формируются позитивные (например, возможность облегчения социальной деятельности) и негативные (например, возможность утраты личностью связи с реальной самоидентификацией, потеря социальных и гражданских свойств) последствия представленных тенденций.

Список литературы

1. *Зотов В. В.* Становление информационно-коммуникативной среды как основание общественных трансформаций. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/rep/4-2008-2/zotov.pdf (дата обращения: 30.06.2021).
2. *Зарубина Н. Н.* Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном обществе // Историческая психология и социология истории. 2013. № 2. С. 29–45.
3. *Соловьева С. В.* На стороне власти : очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара : Самарский университет, 2009. 248 с.

4. Алексеев Н. А. Ортега-и-Гассет о человеке в массовом обществе // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2010. № 2. С. 5–8.
5. Окатов А. В. Теории коллективного поведения Г. Лебона и Г. Тарда в контексте современного гражданского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. Т. 2, вып. 2 (6). С. 5–11.
6. Окатов А. В. Теория толпы Г. Лебона в контексте изучения современного гражданского общества // Наука. Общество. Государство. 2015. № 1 (9). С. 165–179.
7. Погорелов Д. Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4. С. 262–267.
8. Мамедов А. К., Коркия Э. Д. Идентичность в виртуальной реальности : новые альтернативы // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 9–12.
9. Маркелов К. С. Идентификация и верификация личности – комплексная биометрическая информационная технология // International Journal of Open Information Technologies. 2015. Vol. 3, № 5. P. 12–19.
10. Головин Е. Г., Большакова В. М. Электронная идентификация личности гражданина : за и против // Власть. 2014. № 8. С. 33–36.
3. Soloviova S. V. *Na storone vlasti: ocherki ob ekzistentsialnom smisle vlasti* [On the Side of Power: Essays on the Existential Meaning of Power]. Samara, Samarskiy universitet, 2009. 248 p. (in Russian).
4. Alekseev N. A. Ortega y Gasset about a person in a mass society. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of Taganrog State Pedagogical Institute], 2010, no. 2, pp. 5–8 (in Russian).
5. Okatov A. V. Theories of collective behavior by G. Lebon and G. Tarde in the context of modern civil society. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennie nauki* [Tambov University Review. Series Social Sciences], 2016, vol. 2, iss. 2 (6), pp. 5–11 (in Russian).
6. Okatov A. V. The theory of the crowd by G. Lebon in the context of the study of modern civil society. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [The Science. Society. State], 2015, no. 1 (9), pp. 165–179 (in Russian).
7. Pogorelov D. N. The structure of the virtual identity of social network users. *Kazanskiy pedagogicheskiy journal* [Kazan Pedagogical Journal], 2020, no. 4, pp. 262–267 (in Russian).
8. Mamedov A. K., Korkiya E. D. Identity in virtual reality: new alternatives. *Theoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2017, no. 2, pp. 9–12 (in Russian).
9. Markelov K. S. Identity identification and verification - a complex biometric information technology. *International Journal of Open Information Technologies*, 2015, vol. 3, no. 5, pp. 12–19 (in Russian).
10. Golovin E. G., Bol'shakova V. M. Electronic identification of a citizen's identity: Pros and cons. *Vlast'* [The Power], 2014, no. 8, pp. 33–36 (in Russian).

References

1. Zotov V. V. *Stanovleniye informatsionno-kommunikativnoy sredy kak osnovaniye obshchestvennykh transformatsiy* (The formation of the information and communication environment as the basis of social transformations). Available at: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/pep/4-2008-2/zotov.pdf (accessed 30 June 2021) (in Russian).
2. Zarubina N. N. Simplification of mass social practices as a vector of transformation of everyday life in a complex

Поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 23.09.2021; принята к публикации 20.12.2021
 The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 23.09.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 14–18

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 14–18

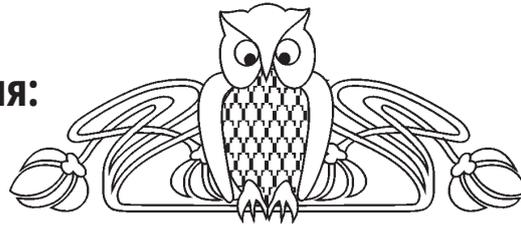
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-14-18>

Научная статья

УДК 101.1:316

Постгуманизм и проблема бессмертия: социально-философский анализ

А. Л. Крайнов

Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, г. Саратов, Театральная площадь, д. 1

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, kraival@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Аннотация. В статье анализируется проблема бессмертия в контексте философии постгуманизма, всегда волновавшая человечество. В сказках и мифах, религиозных системах и научных исследованиях она занимает центральное место, что обусловлено естественным стремлением человека жить вечно. В философии постгуманизма данная проблема обретает новые смыслы, переходя из чисто умозрительной метафизической области в сферу практики. Развитие НБИКС-технологий способствует этой метаморфозе. Такие процессы, как цифровизация, создание искусственного интеллекта, развитие генной инженерии, клонирование, проектирование киборгов и роботов-андроидов, крионизация, заставляют по-новому посмотреть на проблему бессмертия. Если в религиозном сознании бессмертие человека интерпретируется как духовное бессмертие, вечная жизнь после физической смерти тела, то в мировоззрении постгуманизма и иммортализма речь идет о телесном бессмертии, воплотить которое способны современные технологии. Таким образом происходит ценностная переориентация в сознании человека, смещающая акценты с будущей загробной жизни на текущую настоящую жизнь. В результате этого меняется не только восприятие жизни, но и вся модель социального поведения. Такие традиционные ценности, как семья и дети, гендерная идентичность и продолжение рода уходят на второй план, оставляя место ценностям постгуманизма, рассматривающим человека как промежуточный этап на пути к совершенству, т. е. к постчеловеку.

Ключевые слова: постгуманизм, трансгуманизм, биоэтика, иммортализм, цифровизация

Для цитирования: Крайнов А. Л. Постгуманизм и проблема бессмертия: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 14–18. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-14-18>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Posthumanism and the problem of immortality: Socio-philosophical analysis

A. L. Kraynov

Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov, 1 Theatre Squ., Saratov 410012, Russia

Andrey L. Kraynov, kraival@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of immortality in the context of the philosophy of posthumanism. The problem of immortality has always worried humanity. In fairy tales and myths, religious systems and scientific research, it occupies a central place, which relates to the natural desire of a person to live forever. In the philosophy of posthumanism, this problem acquires new meanings, moving from a purely speculative metaphysical field to the sphere of practice. The development of NBICS technologies contributes to this metamorphosis. Processes such as digitalization, the creation of artificial intelligence, the development of genetic engineering, cloning, the design of cyborgs and android robots, and cryonization force us to take a fresh look at the problem of immortality. If in the religious consciousness the immortality of a person is interpreted as spiritual immortality – eternal life after the physical death of the body, then in the worldview of posthumanism and immortalism we are talking about bodily immortality, which modern technologies are capable to bring to life. Thus, a value reorientation takes place in the consciousness of a person, shifting the emphasis from the future afterlife to the current present life. As a result, not only the perception of life is changing, but also the whole model of social behavior. Such traditional values as family and children, gender identity and procreation are fading into the background, leaving a place for the values of posthumanism, which consider a person as an intermediate stage on the path to perfection, that is, to a posthuman.

Keywords: posthumanism, transhumanism, bioethics, immortalism, digitalization

For citation: Kraynov A. L. Posthumanism and the problem of immortality: Socio-philosophical analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 14–18 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-14-18>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью мировоззрения постгуманизма в современном обществе. Этому способствуют достижения в области геномной инженерии и криминологии, развития нейросетей и создания искусственного интеллекта, биомедицинских и нанотехнологий. Проблема бессмертия в связи с этим постепенно переходит из области умозрительных спекуляций в сферу праксиса. Следовательно, вопрос о максимальном продлении жизни человека становится доступнее для не искушенного тонкостями религиозных и философских концепций массового сознания.

Цель настоящей работы – проанализировать трансформацию идеи бессмертия человека в контексте философии постгуманизма, показать различные варианты ее реализации в современных моделях бытия постчеловека.

Новизна исследования обусловлена его проблематикой, анализом новейших публикаций по философии постгуманизма и концепции технологического бессмертия человека.

Материалы исследования могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии.

Тайна жизни и смерти до сих пор является неразгаданной, несмотря на торжество научно-технического прогресса. Осознавая свою телесную смертность, человек всегда стремился найти источник бессмертия или максимального продления жизни, что отражено во многих сказках и мифах, легендах и эпосах. К волшебным источникам, способствующим продлить жизнь, относятся молодильные яблоки и живая вода, амброзия и амрита, хаома и эликсир бессмертия. Цари и герои, боги и демоны, – все хотят жить вечно: Гильгамеш отправляется за цветком бессмертия на дно мирового океана, Геракл похищает волшебные яблоки Гесперид, Гаруда крадет амриту у нагов, Иван-царевич едет за тридевять земель в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

Несбывшиеся мечты о телесном бессмертии отчасти компенсируются верой человека в загробную жизнь. Абсолютно во всех верованиях существует культ предков. Герои античных произведений Орфей, Одиссей и Эней спускаются в загробный мир для общения с умершими родственниками и друзьями. В сказаниях о нартах, «Старшей» и «Младшей Эдде», «Калевале» также имеет место быть общение живых и мертвых. Учение Платона о бесконечном перевоплощении души и индийская вера в реинкарнацию есть не что иное, как попытка тела взять реванш над смертью. Пусть дискретно, но зато бесконечно

телесность возрождается, внушая тем самым человеку веру в преодоление своей смертности.

Христианство, низвергнув античный космоцентризм, провозглашает духовное бессмертие. Тем не менее идея телесного воскресения является квинтэссенцией Христианства. Чудо о воскрешении Лазаря выступает наиболее значимым чудом, совершенным Христом в своей земной жизни. А само Воскресение Христа есть провозглашение новой телесности. Данная телесность является более тонкой, но именно в ней после всеобщего воскресения из мертвых будут вечно пребывать люди.

Именно идеей всеобщего воскресения был одержим русский философ-космист Николай Фёдоров, который по праву считается одним из основоположников мировоззрений транс- и постгуманизма. В отличие от христианской доктрины он решает воплотить данную идею здесь и сейчас, уповая на всемогущую науку и технику. В своей работе «Философия общего дела» он пишет, что человечество научится воссоздавать людей из атомов и молекул, а сам человек сможет принимать всякие телесные формы для того, чтобы жить в разных мирах [1, с. 404]. Опираясь на современные понятия, можно предположить, что с помощью геномной инженерии человек будет способен на ходу модифицировать свое тело для пребывания в водной, анаэробной или иных средах.

Будучи космистом, Н. Фёдоров видел в качестве цели существования человечества заселение им Вселенной. Такой масштаб мировоззрения философа был обусловлен его твердой верой в возможность воскресить всех когда-либо живших на Земле людей, начиная с Адама. Так как Земля физически не сможет вместить всех воскресших, место им было уготовлено Фёдоровым в безбрежных космических далах, начиная с планет Солнечной системы. Интересно техническое решение воскресения предков русским философом. По его мнению, рассеянный прах под воздействием новых технологий будет собираться и организовываться в тела. Сюжет, достойный современной фантастики: наночастицы умершего человека оживают и, соединяясь друг с другом в нужной последовательности, из небытия вырастают в живое тело.

В своей приверженности идеям сциентизма и технофильству философия трансгуманизма, по мнению П. Н. Барышникова, имеет общий вектор направленности с постгуманизмом в сторону киборгизации человеческого тела [2, с. 107]. Несмотря на некоторые отличия между данными направлениями современной философской мысли (трансгуманизм больше акцентирует

внимание на технических способах преодоления смерти и продления жизни, а постгуманизм на том, что эволюция человека еще не завершена, и отрицании антропоцентризма), их проблемное поле в современных реалиях совпадает и детерминировано развитием цифровых технологий. Трансгуманизм, наряду с постгуманизмом, решает вопрос достижения человеком бессмертия через призму искусственного интеллекта, виртуального мира и цифровизации, делая основной упор на технологическое бессмертие.

Согласно Е. В. Федюлиной в новейшей постгуманистической философской мысли существуют две модели реализации человеческого бессмертия: кибернетическая и цифровая [3, с. 85]. Первая основана на активном применении НБИКС-технологий для модификации и киборгизации человеческого тела. Сюда можно отнести бесконечную замену устаревших человеческих органов новыми, чипизацию человека, замену человеческого тела искусственным, создание андроидов на основе людей и т.д. Вторая модель реализации технологического бессмертия строится на человеческом сознании в цифровом мире. Данный способ продления человеческой жизни заключается в переносе сознания в виртуальный мир, где его существование будет ограничено лишь обесточкой серверов, обеспечивающих функционирование виртуальной вселенной. Если кибернетический постгуманизм близок по своей цели идеям философии трансгуманизма – реализовать телесное бессмертие человека, то цифровой, напротив, нацелен на то, чтобы обессмертить лишь человеческое сознание, т. е. единство познавательных и эмоциональных психических процессов (память, интеллект, эмоции, чувства, мышление, внимание и т.д.) посредством их оцифровки – создания цифрового дубликата человеческого мозга.

С развитием информационных технологий в обыденный и научный лексикон человека входит понятие «цифровая душа». В первом случае это сумма цифровых профилей в социальных сетях и прочей цифровой активности в Интернете, включая логины и пароли ко всем сайтам и базам данных, всю переписку в чатах, посты, а также просмотренные и скачанные файлы. После смерти человека его цифровая душа переходит по наследству к родственникам или тем, кому он ее при жизни завещал, и они продолжают поддерживать его активность в сети, реализуя таким образом его бессмертие. Сегодня есть спрос на продажу и покупку подобных цифровых душ [4].

Особый интерес представляет понятие «цифровая душа» в научном смысле. Известный

американский физик и футуролог Митио Каку на Петербургском международном экономическом форуме (2018 г.) заявил, что полная оцифровка мозга позволит воссоздать человека после смерти. Первые шаги в данном направлении уже сделаны и связаны с успешной передачей воспоминаний от одной мыши к другой через чип в гиппокампе (область головного мозга, отвечающая за перевод информации из кратковременной в долговременную память) [5]. Цифровая душа в прямом смысле этого слова будет содержать все человеческие эмоции и чувства, его память и воспоминания, его нравственную идентичность. Таким образом, умерший телесно воскреснет в новом цифровом мире и новом искусственном теле, в которое его возрожденное сознание можно будет легко импортировать. Речь идет о цифровой копии человека, но она будет не менее реалистична, чем оригинал, и сможет создать иллюзию бессмертия.

Иллюзорность постчеловеческого бытия по большей части обусловлена отсутствием у постчеловека самодостаточности. Его цифровое сознание будет во многом детерминировано и управляемо искусственным интеллектом, которым оно будет собрано на основе данных, заложенных в компьютер. Таким образом в эпоху цифрового постгуманизма существует большая вероятность возникновения усредненного сознания или коллективного. Несмотря на уникальность каждой цифровой души, все они будут собраны по единым технологиям и методам оцифровки, следовательно, будут иметь не Божественную искру в себе, а единый цифровой стандарт, согласно которому их уникальность будет нивелирована до уровня компьютера: один мощнее и быстрее, другой – слабее.

По мнению Е. Л. Яковлевой, постгуманизм может уничтожить человеческую индивидуальность и своеобразие человеческой личности [6, с. 41]. НБИКС-технологии не только улучшат человеческие способности и возможности, но и создадут бесполой гибрид машины и человека – постчеловека. Известный российский философ Фёдор Гиренок также критически относится к идее дигитализации человека, видя в этом утрату человеком самого себя, превращением его в вычислительную машину и базу данных, в числовой пробел мира [7, с. 137].

Френсис Фукуяма в своей работе «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции» предостерегает о возникновении новой евгеники со всеми вытекающими моральными последствиями на основе применения геной инженерии для модификации человеческого тела [8, с. 108]. Более того, как и Олдос Хаксли в своей антиутопии «О дивный

новый мир», Ф. Фукуяма пишет, что это приведет к созданию людей с заданными свойствами, т. е. параметры ребенка можно будет заказывать [8, с. 113–122]. В результате постобщество будет наполнено кастами постлюдей, будущее которых будет навсегда предопределено еще на стадии зарождения – в пробирке. Вследствие этого новый дивный мир постлюдей будет наполнен конфликтами и социальной напряженностью. Таким образом, степень бессмертия постлюдей, созданных искусственным путем с заданными свойствами и качествами, будет заранее прогнозироваться при их воспроизводстве. Наиболее ценные будут иметь увеличенный срок жизни (или службы).

Технологическое бессмертие, пропагандируемое философией постгуманизма, бесспорно, имеет утилитарную практическую ценность. Цифровые копии людей можно отправлять в космос [5], на военные действия, использовать для выполнения трудных и опасных операций. Постчеловека не жалко, но только с позиций этики антропоцентризма. Недаром философия постгуманизма отрицает любое ее проявление, объясняя это тем, что эволюция человека еще не завершена и нет предела метаморфозам человеческой телесности.

Очень интересно проблема использования постлюдей (репликантов) представлена в фильме Ридли Скота «Бегущий по лезвию» (1981 г.), снятого по мотивам романа Филиппа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах». Представлявшие потенциальную угрозу для человека из-за своей физической силы и мощного интеллекта, репликанты были генетически запрограммированы на самоуничтожение через 4 года жизни. Торжество антропоцентризма безоговорочно побеждает, причиной чему послужило отсутствие постлюдей в годы съемки фильма и написания романа. Любопытно будет посмотреть данный фильм в эпоху численного превосходства постлюдей, хотя с большой долей вероятности он окажется под запретом, как и все, что связано с идеей превосходства натурального человека.

В результате анализа идеи бессмертия в философии постгуманизма можно сделать следующие выводы.

Философия постгуманизма понимает бессмертие человека как технологическое бессмертие. Загробный мир древних греков и царствие небесное христиан не интересуют представителей данного философского направления, так как они хотят жить сейчас и продлить удовольствие наслаждения земной жизнью максимально долго, полагаясь на всесильную науку и технику. В связи

с этим мировоззрение постгуманизма ближе к мифологии. Молодильные яблоки и живая вода, хоть и не являются техническими продуктами (хотя изначальный смысл мог быть утерян в процессе многократной интерпретации), продлевают земную жизнь героям сказок и мифов. В современных реалиях их функции на себя берут техника и НБИКС-технологии.

В многообразии постгуманистических концепций нет единого представления о том, каким должен быть постчеловек, что объясняется отсутствием на данный момент постлюдей как таковых. Сегодня существует только жалкий эрзац постчеловека в виде роботов-андроидов, наделенных псевдоискусственным интеллектом. Тем не менее в рамках постгуманизма прослеживаются два магистральных подхода к идее постчеловека: кибернетический и цифровой, на основе которых постчеловек представляет собой либо киборга, либо оцифрованное сознание (цифровую душу). Границы бессмертия данных постлюдей будут определены самой техникой и технологиями, задействованными для их создания. И не факт, что постчеловек сможет прожить (или прослужить, так как он будет весь напичкан техникой) дольше обычного человека. неполадки с аккумуляторами или отключение энергии вмиг уничтожат цифровую душу, а низкокачественные и бракованные детали (человеческим фактором нельзя пренебрегать) выведут из строя любого киборга. Поэтому сегодня философию постгуманизма и, в частности, понимание ею идеи достижения человеком бессмертия можно отнести к разряду научных мифов.

Список литературы

1. Фёдоров Н. Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение) // Фёдоров Н. Ф. Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995. Т. 1. С. 388–441.
2. Барышников П. Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1 (7). С. 98–127.
3. Федюлина Е. В. Идея технологического бессмертия человека в философии постгуманизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (38). С. 84–92.
4. Голландский студент решил продать в интернете свою «цифровую душу». URL: <https://d-russia.ru/gollandskij-student-reshil-prodat-v-internete-svoyu-cifrovuyu-dushu.html> (дата обращения: 12.09.2021).
5. «Цифровую душу можно отправить в космос». Физик рассказал о близком будущем. URL: <https://ria.ru/20180529/1521531962.html> (дата обращения: 12.09.2021).

6. Яковлева Е. Л. Вектор движения : гуманизм – постгуманизм – трансгуманизм – техногуманизм – гуманизм // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2. С. 40–42.
7. Гиренок Ф. И. Основные принципы цифровой философии // Философия хозяйства. 2018. № 6 (120). С. 133–139.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004. 349 с.
4. *Gollandskiy student reshil prodav' v internete svoyu «tsifrovuyu dushu»* (A Dutch student decided to sell his digital soul on the Internet). Available at: <https://d-russia.ru/gollandskiy-student-reshil-prodat-v-internete-svoyu-cifrovuyu-dushu.html> (accessed 12 September 2021) (in Russian).
5. «*Tsifrovuyu dushu mozno otpravit' v kosmos*». *Fizik rasskazal o blizkom budushchem* (“A digital soul can be sent into space”. The physicist spoke about the near future). Available at: <https://ria.ru/20180529/1521531962.html> (accessed 12 September 2021) (in Russian).

References

1. Fedorov N. F. *Supramoralism, or Universal Synthesis (that is, Universal Unification)*. In: Fedorov N. F. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1995, vol. 1, pp. 388–441 (in Russian).
2. Baryshnikov P. N. Typology of Immortality in the Theoretical Field of French Transhumanism. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace], 2014, no. 1 (7), pp. 98–127 (in Russian).
3. Fedyulina E. V. The idea of technological immortality of a man in the philosophy of posthumanism. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2020, no. 4 (38), pp. 84–92 (in Russian).
6. Yakovleva E. L. Movement vector: humanism – posthumanism – transhumanism – technohumanism – humanism. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2014, no. 2, pp. 40–42 (in Russian).
7. Girenok F. I. Basic principles of digital philosophy. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy], 2018, no. 6 (120), pp. 133–139 (in Russian).
8. Fukuyama Francis. *Nashe postchlovecheskoe budushee. Posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii* [Our Posthuman Future. Consequences of Biotechnology Revolution]. Moscow, AST Publ., 2004. 349 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 19–23
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 19–23
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-19-23>

Научная статья
УДК 37.014

Теологическое образование как базовый фактор социализации и формирования ценностных ориентиров в условиях динамично изменяющегося общества

И. В. Кутырева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кутырева Ирина Викторовна, доцент кафедры теологии и религиоведения, Kutyirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0546-0746>

Аннотация. В условиях динамично изменяющегося общества проблема формирования ценностных установок и сохранения традиций выступает одной из главных и имеющих первоочередное значение для выстраивания общественных отношений. Политика государства, направленная на конструктивное взаимодействие разных институтов, отвечающих за социализацию, является залогом стабильности самих общественных отношений. Рассматривая образование как главный институт социализации, следует определить сложности и возможности в формировании ценностных ориентиров подрастающего поколения и современной молодежи. В статье отражена позиция, согласно которой теологическое образование служит основой, на которой возможно созидание. Именно духовные ценности имеют ключевое значение для становления сознания общества, укрепления основ государственности, патриотизма и личностных качеств каждого отдельно взятого индивида. Необходимость возврата к духовным ценностям обусловлена современным состоянием общества, динамикой его развития, следствием чего зачастую является отход от традиций, переосмысление культурного самосознания и идентичности. Устойчивым фундаментом, на котором создаются и держатся русская идентичность и традиционность, выступает духовность. Именно поэтому теологическое образование следует рассматривать как не просто возможный, а необходимый путь к сохранению традиций, нравственных ориентиров современного общества.

Ключевые слова: социализация, адаптация, ценностные ориентиры, теологическое образование, гуманитарное знание

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 21-011-44127).

Для цитирования: Кутырева И. В. Теологическое образование как базовый фактор социализации и формирования ценностных ориентиров в условиях динамично изменяющегося общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 19–23. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-19-23>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theological education as a basic factor of socialization and the formation of value orientations in a dynamically changing society

I. V. Kutyreva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Kutyreva, kutyirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0546-0746>

Abstract. In a dynamically changing society, the problem of the formation of value attitudes and the preservation of traditions is one of the main and paramount issues for the construction of social relations. State policy aimed at constructive interaction of various institutions responsible for socialization is a guarantee of the stability of social relations themselves. Considering education as the main institution of socialization, it is necessary to determine the difficulties and opportunities in the formation of value orientations of the younger generation and modern youth. The article reflects the position that theological education is the basis on which creation is possible. It is spiritual values that are of key importance for the formation of the consciousness of society, for strengthening the foundations of statehood, patriotism and personal qualities of each person. The need to return to spiritual values results from the current state of society, the dynamics of its development, which often leads to the departure from traditions, the rethinking of cultural awareness and identity. Spirituality is a solid

foundation on which Russian identity and traditions are created and preserved. Therefore, theological education should be considered not just as possible, but as a necessary way to preserve the traditions and moral foundations of modern society.

Keywords: socialization, adaptation, values, theological education, humanitarian knowledge

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 21-011-44127).

For citation: Kutyreva I. V. Theological education as a basic factor of socialization and the formation of value orientations in a dynamically changing society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 19–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-19-23>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях динамично изменяющегося общества тема адаптации существующих традиционных ценностей и укладов к новым возникающим форматам и формациям обретает свою практическую значимость. Проблемы конфликтов в коммуникационных отношениях, адаптации разных поколений к новым условиям порождают необходимость включения в обсуждение данной темы разных институтов и выработки путей решения. Особенным образом проявляется влияние процесса глобализации, непосредственным образом сказывающегося на образе жизни, который ведут современные молодые люди [1, с. 81]. Среди институтов, оказывающих непосредственное и самое существенное влияние на становление личности, а также отвечающих за взаимодействие разных участников общественных отношений, следует назвать институт семьи и образования. Именно семейные отношения, школа и другие образовательные учреждения формируют личность, обеспечивают ее вхождение в социум, отвечают за адаптацию в динамично изменяющихся условиях.

В настоящий момент прослеживается тенденция усиления духовного и нравственного воспитания современной молодежи, укрепления патриотического самосознания и гражданских начал, обеспечиваемая государственными институтами. Среди причин, обуславливающих данную тенденцию, можно назвать динамичность в развитии общества, которая, безусловно, оказывает существенное влияние на трансформацию традиционных ценностей, на их переосмысление. Подобное переосмысление в переломные моменты развития общества может привести к крайне негативным последствиям, а именно: ослаблению нравственных ориентиров, нарушению диалога между поколениями, утрате преемственности в передаче традиционных ценностей, ослаблению культурной обобщенности и самосознания. Поэтому в данный период необходима консолидация разных государственных и общественных институтов для реализации политики сохранения духовно-нравственных, моральных и патриотических устоев общества.

Для современного общества актуальной становится тенденция, направленная на усиление социальной роли образования и семьи как институтов.

Может ли молодой человек видеть себя активным членом общества, стремящимся к сохранению традиций, развитию своей страны, если он не владеет основными принципами, не знает таких понятий, как патриотизм, гражданственность, ответственность перед другими, взаимопонимание и взаимопомощь, преемственность ценностей и т.д.? Ответ однозначный: конечно, нет. Как отмечалось выше, образование является одним из приоритетных институтов, который обеспечивает развитие и становление личности, причем на всех ступенях – и среднее общее, и высшее.

Приоритет духовно-нравственного становления личности закреплён на законодательном уровне и в настоящее время воспитание рассматривается как одна из главнейших задач, поставленных государством.

Законом Российской Федерации «Об образовании» закреплено, что цель образования состоит в том числе в содействии развитию взаимопонимания и сотрудничества между гражданами, воспитанию толерантности, а также созданию условий для реализации прав учащихся на свободный выбор мнений и свободное представление своих убеждений (п. 4 ст. 14). Согласно Закону основные общеобразовательные программы призваны обеспечить духовно-нравственное становление личности, развитие и воспитание подрастающего поколения посредством обеспечения должного уровня качества подготовки обучающихся с формированием необходимых ценностных ориентиров.

О том, что данный вопрос являлся достаточно актуальным для системы общего образования свидетельствует тот факт, что в 2010 г. была разработана концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников, которая явилась следствием возникшего интереса к системе образования как основополагающему началу формирования национального само-

сознания со стороны представителей научной общественности и педагогов.

В соответствии с данной концепцией программы воспитания и социализации берут свое название от той ценности, освоение и усвоение которой учащимся необходимо обеспечить. К таким базовым ценностям А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков относят патристическое начало, социальную солидарность и ответственность, развитую гражданственность, традиционные российские религии, семейные, трудовые ценности и др. [2, с. 18].

Исходя из этого, программы образования следует рассматривать как способствующие формированию гражданского общества, развитию экономических систем, выстраиванию межкультурного диалога, восприятию и решению глобальных проблем всего человечества. В связи с этим образование, которое формирует личность и гражданина, не представляется возможным рассматривать лишь в теоретическом аспекте, а необходимо обсуждать с точки зрения практической применимости.

В 2020 г. по заказу Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания по проекту «Апробация и внедрение Примерной программы воспитания в общеобразовательных организациях Российской Федерации» создано методическое пособие, в котором детально рассмотрены виды и способы воспитания в различных сферах совместной деятельности детей и взрослых. Одной из немаловажных проблем, затронутых в данном пособии, на наш взгляд, является проблема сплоченности классного коллектива – достаточно сложной социальной системы, которая характеризуется единством с позиций формального закрепления и неформальной общности. Как отмечают И. С. Парфенова и Н. Л. Селиванова, для ребенка важным моментом социализации является необходимость ощущения себя членом значимой для него группы, общности, с которой ему важно быть идентифицированным. Правильным, с точки зрения конструктивной социализации, является приверженность школьному классу как общности. В случае, если подобной социальной системой не станет школьный класс, где подросток проводит много времени, такой группой может стать компания с деструктивными ценностями, сомнительными увлечениями и пр. Поэтому чем комфортнее ребенок ощущает себя в школе и классе, тем успешнее и конструктивнее выстраиваются его учебная деятельность,

дружеские взаимоотношения и, как следствие, нивелируется потребность удовлетворения недостатка общения в антисоциальных группах [3, с. 23].

На формирование такого коллектива, групповой сплоченности в том числе, должна быть направлена программа воспитания, так как именно в коллективе зарождаются ответственность перед другими, осознание принадлежности к чему-то общему и только впоследствии – ощущение себя частью традиции, устоев, культуры. Представляется, что воспитание – это комплексный процесс, который находит свое отражение и в учебной, и во внеучебной деятельности. Конечно, все дисциплины должны содержать воспитательный компонент в том или ином объеме, но для целенаправленного воздействия в структуру учебной программы на уровне среднего общего образования введены дисциплины Основы религиозных культур и светской этики и Основы духовно-нравственной культуры народов России, задачей которых непосредственно является формирование духовно-нравственных ориентиров современной молодежи.

В соответствии с п. 18.2.1 Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (утв. приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897) предметная область ОДНКНР является обязательной и должна быть представлена в учебных планах общеобразовательных организаций.

Дискуссии по проблеме введения данных дисциплин, безусловно, велись, но в большей степени вопросы содержали методический и содержательный аспекты, в том числе следующие: обязательная или факультативная это дисциплина, какой учитель-предметник может реализовывать данный курс, часовая нагрузка и т.д. Заметим, споров о целесообразности введения, актуальности целей и задач курса, необходимости повышения знаний о традиционных ценностях, формировании культурного самосознания, консолидации общества практически не было.

Политику общеобразовательных школ поддержали и высшие учебные заведения, которые стали активно включать теологическое направление подготовки в перечень реализуемых образовательных программ. Необходимо отметить, что, как правило, вузы среди новых направлений стремятся открывать те, которые будут востребованы абитуриентами, которые актуальны с точки зрения рынка труда. Со-

ответственно, мы можем констатировать тот факт, что формируется новый заказ общества. Примечательно, что государство поддерживает данную тенденцию и определяет теологию как необходимый вектор развития.

Нужность теологии для современного общества определена в работе Г. В. Флоровского «Пути русского богословия»: «Наступает время, когда богословие перестает быть личным или “частным делом”, которым каждый волен заниматься или не заниматься, в зависимости от своей одаренности, влечений, вдохновения. В нынешний лукавый и судный день богословие вновь становится каким-то “общим делом”, становится всеобщим и католическим призванием... Вновь открывается богословская эпоха... Наше время вновь призвано к богословию» [4, с. 45].

О взаимодействии и плодотворном влиянии теологии и других отраслей гуманитарного знания заявляют многие исследователи. Е. В. Кузьмина отмечает, что успехи русской философии начала XX в., а также российского богословия и в целом университетской гуманитаристики не были бы возможны без диалога разных областей и продуктивного, тесного междисциплинарного взаимодействия [5, с. 132].

Рассматривая перспективы включения теологии в сферу научного знания, С. А. Колесников отмечает, что развитие теологии в университетах способствует приданию теологии как отрасли практического характера. Особое отношение к университетской теологии в современном образовательном пространстве будет способствовать укреплению ее значимости, а также превращению университетской теологии в центр религиозной культуры в пространстве культуры светской [6, с. 78].

Представляется, что теологическое образование служит той основой, которая может и должна обеспечить укрепление базовых ценностей общества, поскольку теология является направлением, которое объединяет в себе другие отрасли гуманитарного знания. Сегодня она становится объединяющей, не только личной, но и общей, необходимой.

Принимая во внимание изменчивость сферы образования, следует отметить необходимость адаптации образовательных программ по теологическим направлениям к динамично изменяющимся условиям и возможностям образовательной среды. Думается, что внедрение проектов, разработанных на цифровых платформах, позволит активизировать

интерес к теологической отрасли знания, а также откроет многогранные возможности для всех участников образовательного процесса. Создание образовательных проектов на сегодняшний день является активной формой включения учащихся в учебную и научную деятельность, которая улучшает качество образования, повышает интерес к процессу, расширяет возможности.

Таким образом, необходимость возврата к истокам теологического образования обусловлена рядом причин, среди которых можно назвать потерю духовно-нравственных ориентиров в обществе, увеличение дистанции в понимании реалий между разными поколениями, утрату традиционных ценностей, культурного самосознания, что в целом приводит в том числе к социальной напряженности.

Среди действенных механизмов для противостояния подобной напряженности со стороны государства и социальных институтов выделяются регулирование общественных отношений, а также нацеленность на воспитание подрастающего поколения с конструктивным пониманием жизненных ценностей. В подобной ситуации нестабильности теологическое образование выступает не просто ориентиром, а единственной основой, на которой возможно созидание.

Список литературы

1. Орлов М. О. Особенности социализации человека в условиях глобализирующейся цивилизации // Вестник Омского университета. 2021. Т. 26, № 2. С. 79–82.
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М. : Просвещение, 2010. 24 с.
3. Степанов П. В., Селиванова Н. Л., Круглов В. В., Степанова И. В., Парфенова И. С., Шустова И. Ю., Черкашин Е. О., Мирошкина М. Р., Тихонова Т. Н., Добровольская Е. Ф., Попова И. Н. Воспитание в современной школе : от программы к действиям : методическое пособие / под ред. П. В. Степанова. М. : ФГБНУ «ИСРО РАО», 2020. 119 с.
4. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Киев : Путь к истине, 1991. 599 с.
5. Кузьмина Е. В. Теология и герменевтика : М. Д. Муретов // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 132–135.
6. Колесников С. А. Современная теология и современная наука : перспективы сотрудничества // Христианское чтение. 2018. № 5. С. 73–84.

References

1. Orlov M. O. Features of human socialization in the context of a globalizing civilization. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 79–82 (in Russian).
2. Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. *Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* [The Concept of Spiritual and Moral Development and Education of the Personality of a Citizen of Russia]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2010. 24 p. (in Russian).
3. Stepanov P. V., Selivanova N. L., Kruglov V. V., Stepanova I. V., Parfenova I. S., Shustova I. Yu., Cherkashin E. O., Miroshkina M. R., Tikhonova T. N., Dobrovol'skaya E. F., Popova I. N. *Vospitanie v sovremennoy shkole: ot programmy k deystviyam: metodicheskoe posobie* [P. V. Stepanov, ed. Education in a Modern School: From the Program to the Actions. A methodological guide]. Moscow, FGBNU «ISRO RAO» Publ., 2020. 119 p. (in Russian).
4. Florovskiy G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [The Paths of Russian Theology]. Kiev, Put' k istine Publ., 1991. 599 p. (in Russian).
5. Kuz'mina E. V. Theology and hermeneutics: M. D. Muretov. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2014, no. 1, pp. 132–135 (in Russian).
6. Kolesnikov S. A. Contemporary theology and contemporary science: prospects of cooperation. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2018, no. 5, pp. 73–84 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 15.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 24–28

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 24–28

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-24-28>

Научная статья

УДК 1.11.111

Генезис индивидуальности как философская проблема

А. С. Мухортов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, д. 1

Мухортов Антон Сергеевич, аспирант кафедры онтологии и теории познания, lomasterjedi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1571-9240>

Аннотация. В статье поднимается ряд философских проблем, связанных с понятием «индивидуальность». Обозначаются предметные области философии, для которых важна концептуализация индивидуальности. Основным сюжетом является противопоставление индивида и всеобщего, тотального. Таким образом, проблема статуса индивидуальности имеет гносеологические, аксиологические и онтологические аспекты. Рассматриваются возможные варианты концептуализации индивидуальности. Ключевым моментом является анализ процесса генезиса индивидуальности и установление его онтологического статуса. Подчеркивается, что подход к исследованию индивидуальности должен быть именно генетическим, а не историческим, потому что это не исследование прошлого, а исследование актуального настоящего, ведь существовавшие ранее представления об индивидуальности по-прежнему актуальны и существуют и сейчас. Таким образом, проблема генезиса индивидуальности оказывается не только проблемой определения и концептуализации, но и проблемой схватывания актуально меняющегося и преобразующегося множества представлений, которые имеют нечеткие и постоянно меняющиеся границы. Поэтому онтологический статус индивидуальности становится сложной концептуальной задачей, возможные варианты решения которой и представлены в статье. Стоит отметить, что генезис индивидуальности как философская проблема оставался на периферии философских исследований, хотя имплицитно в них присутствовал, поэтому данная работа носит актуальный характер.

Ключевые слова: индивидуальность, индивид, индивидуация, генезис, генетический метод

Для цитирования: Мухортов А. С. Генезис индивидуальности как философская проблема // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 24–28. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-24-28>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The genesis of individuality as a philosophical problem

A. S. Mukhortov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Anton S. Mukhortov, lomasterjedi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1571-9240>

Abstract. The article raises a number of philosophical problems related to the concept of “individuality”. The subject areas of philosophy, for which the conceptualization of individuality is important, are defined. The main plot is the opposition of the individual and the universal. Thus, the problem of the status of individuality has epistemological, axiological and ontological aspects. The article discusses possible options for conceptualizing individuality. The key point is the analysis of the individuality’s genesis and the establishment of its ontological status. The work emphasizes that the approach to the study of individuality should be precisely genetic, and not historical, because this is not a study of the past, but a study of the current present. The previously existing ideas about individuality still exist today. Thus, the problem of the genesis of individuality turns out to be not only the problem of definition and conceptualization, but also the problem of grasping an actually changing and transforming set of ideas. Therefore, the ontological status of individuality becomes a complex conceptual task, the outlines for the solution of which are presented in the article. It is worth noting that the genesis of individuality, as a philosophical problem, has remained on the periphery of philosophical research for a long time, although it was implicitly present in them, therefore this work is relevant.

Keywords: individuality, individual, individuation, genesis, genetic method

For citation: Mukhortov A. S. The genesis of individuality as a philosophical problem. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 24–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-24-28>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Индивидуальность имеет загадочную природу. Любую свою уникальную черту можно описывать в терминах всеобщности. Каждое чувство, каждую мысль можно понимать как детерминированную чем-то всеобщим. Сложно, почти невозможно обнаружить источник этих индивидуальных эффектов, тем не менее мы остро чувствуем свою индивидуальность, свою отличность от Других.

Проблема будет звучать так: что ценнее – нечто надличностное (истина, Бог, общество, всеобщие законы) или индивид (его самопознание, его права).

В истории мысли были представители и той и другой линии. Первая позиция отражена, например, в этике Спинозы или в учении о государстве Руссо. Вторую позицию (в некоей полемике с Руссо) отстаивал, в частности, маркиз де Сад. Причем речь идет не только об аксиологическом аспекте, но и об аспекте онтологическом (ведь только мое индивидуальное и является основой моего мира – а кроме него ничего действительно и не существует, хотя тут нет никакого ухода в солипсизм) и, естественно, гносеологическом. Именно в этом, в некотором смысле гносеологическом, аспекте и разворачивалась дискуссия вокруг индивидуальности (в некотором смысле это была реакция на систему Гегеля). Споры, связанные с процессами познания, порождают проблемы. Одна из них – взаимоотношения индивида и общества, общности, государства, некоего всеобщего подчиняющего механизма.

«Истинный человек – нация, а единичный – всегда эгоист. Поэтому сбросьте с себя свою единичность или обособленность, в которой заключается источник эгоистического неравенства и смуты, и посвятите себя вполне истинному человеку, нации или государству» [1, с. 126].

Понятно, что общество стремится в первую очередь к общественному, к общему. Однако оно состоит из индивидов, которые выступают носителями индивидуальности. Имеют место два постоянно перекликающихся и влияющих друг на друга процесса (причем это влияние очень неоднозначно и порой противоречиво): с одной стороны, генезис общественного, переходящий в генезис государственного, с другой стороны, генезис индивидуального. Эти процессы неразрывно связаны и должны рассматриваться совместно. Эта проблема также восходит к Гегелю, у которого каждый единичный есть лишь этап в саморазвертке Мирового Духа. Далее классическая социология (например Огюст Конт) рассматривает

человека как атом в социальной физике, а не как самостоятельного свободного индивида.

Яркими красками эта проблема заиграла в XX в., когда появились тоталитарные режимы, направленные на подавление индивида. Однако то, что подавляло индивида, вызывало и обратную реакцию, например, философия экзистенциализма (крайне индивидуалистичная) возникла во многом под впечатлением от страшных мировых войн, в которых участвовало огромное количество людей.

«Если бы структура общества предлагала наилучшие возможности для счастья индивида, то обе точки зрения должны были бы совпасть. Однако ни в одном обществе мы этого не встречаем, в том числе и в нашем. Разные общества отличаются степенью, до которой они способствуют развитию индивида» [2, стр. 135].

Проблема индивидуальности имеет и религиозный аспект. Особенно отчетливо это видно на примере средневековой христианской Европы: если существует только один совершенный индивид – Бог, то какое же место в этой картине мира занимает несовершенный индивид – человек?

Индивидуальность – это вся совокупность признаков, качеств, характеристик, присущих индивиду, которая делает его отличным от остальных индивидов, а следовательно, уникальным. Дать определение индивидуальности невозможно, так как определение будет означать некоторое ограничение (поиск пределов), а найти такие пределы крайне сложно по ряду причин. Дело в том, что под индивидуальными признаками мы можем понимать огромное множество вещей: это и тело, и принадлежность к некоей общности, и чувственное восприятие, и индивидуальность мышления и т.д. Поэтому представление об индивидуальности несколько расплывается. К тому же индивидуальность не следует понимать как что-то статичное: в течение жизни человек постоянно приобретает какие-то признаки, а какие-то теряет (в этой связи представляет интерес вопрос о некоем постоянном ядре, вокруг которого и концентрируются эти индивидуальные эффекты).

Предполагается, что у каждого индивида индивидуальность своя и очень странной кажется попытка определить нечто единичное (определить – подвести под общность, обозначить пределы), в то время как мы указали на постоянную изменчивость. В этом смысле стоит согласиться с Максом Штирнером, который утверждал, что Единичный – это не понятие, это Единичный.

Штирнер придал своему единичному Я, Я самого Макса Штирнера абсолютное значение и абсолютную ценность. Это, пожалуй, самая радикальная индивидуалистическая программа, которая когда-либо появлялась в истории мысли. Единичный для Штирнера не может быть определен, о нем вообще невозможно говорить, его нужно чувствовать.

«Именно потому, что “все” означает “каждо-го в отдельности”, остается кричащее противоречие, ибо “единичный” – сама исключительность» [1, с. 167]. Об индивидуальности потому можно говорить как о некоем концепте.

Как же подойти к исследованию этого концепта? Один из возможных путей и даже наиболее предпочтительный (поскольку индивидуальность постоянно находится в процессе становления, в процессе генезиса и предстает именно в таком ракурсе) это генетический подход. Данное утверждение основано на том, что индивидуальность и представления о ней нельзя воспринимать как нечто статичное и устоявшееся. Причем об изменчивости можно говорить в трех смыслах:

1) индивидуализация каждого отдельного индивида в процессе жизни (постоянное приобретение новых качеств, постоянное самопознание и самоосознание);

2) изменение индивидуальных способов существования в разные исторические эпохи. Гражданин греческого полиса ощущает себя в большей степени частью той общности, которую этот полис собой представляет, а средневековый человек чувствует себя рабом божьим и слугой своего синьора. Стоит заметить, что индивидуальность существовала всегда, и всегда люди жили, как индивиды, но несколько по-разному, а индивидуальность не осознавалась и не проблематизировалась;

3) изменение представлений об индивидуальности, ее проблематизация и концептуализация – постепенное осознание своей индивидуальности от эпохи к эпохе.

Ни один из названных процессов нельзя назвать ни завершенным, ни в принципе завершаемым.

Почему этот подход именно генетический, а не исторический?

Во-первых, изменение способов индивидуального существования и изменение представлений об индивидуальности не завершено. В настоящее время под влиянием средств массовой информации, компьютеризации, глобализации и то и другое претерпевает постоянные изменения.

Таким образом, генезис происходит и сейчас, в то время как история отсылает нас к уже случившемуся.

Во-вторых, все или почти все представления об индивидуальности, существовавшие в предыдущие эпохи, не растворились без следа, а существуют в наше время. В качестве примеров можно привести несколько подходов к пониманию индивидуальности, сложившихся исторически, но существующих и по сей день:

1) индивидуальность как принадлежность – отождествление себя с различными этническими, религиозными, социальными группами;

2) индивидуальность как роль (стоит вспомнить понятие «личность»). Также небезынтересны в этом контексте психологические концепции субличностей [3];

3) индивидуальность как тело – влияние телесных характеристик на внешнее постулирование своей индивидуальности и внутреннее мироощущение. Можно вспомнить феминистскую философию или вполне телесные переживания героя «Тошноты» Сартра. «Но стоит на секунду их удержать, как чувство уверенности и удобства сменяется чудовищной тревогой: краски, вкусы, запахи никогда не бывают настоящими, они не бывают собой, и только собой» [4, с. 233];

4) индивидуальность – это выбор (экзистенциальный подход). Наша индивидуальность проявляется в момент выбора;

5) индивидуальность – это Ничто. Очень трудно за всем набором отождествлений найти ту точку, которая представляет собой человеческую уникальность, индивидуальность. Мир человека представляется как некий круг, состоящий из различных наслоений, но предполагается, что его центр является тем самым, что собирает вокруг себя индивидуальные эффекты. Поскольку центр – точка, он постоянно ускользает от нашего взгляда.

«Мы возвращаемся к вопросу: о каком, собственно, Я идет здесь речь? Представьте себе круг с точкой в центре; если точка символизирует Я, то круг, радиус которого равен бесконечности, есть символ мира бессознания. Я может оставаться точкой и напыщенно мнить себя величиной; цена этому мнению грош, ибо точка величиной быть не может; точка есть точка, то есть, математическая фикция, и фиктивность её не исчезает оттого, что она находится в центре» [5, с. 236–237].

Подобной точки зрения придерживается Б. Латур, развивая свою концепцию плагинов. Он переносит механизм расширений, которые

мы скачиваем на свои электронные устройства, чтобы расширить их функционал, исправить ошибки, приходящие из «внешней среды» (кавычки в случае с Латуром необходимы) на процесс индивидуации. Не существует никакой исходной индивидуальности человека, равно как и не существует внешних довлеющих сил. Существует только некая информационная сущность, способная скачивать извне различные плагины, расширения, которые и придают ей индивидуальные черты.

Нет ничего, что над нами довлеет, что подавляет нашу индивидуальность. Ведь любой индивидуальный признак-плагин мы берем извне; представление о морали мы получаем, например, в семье, о любви – из книжек, о том, как надо одеваться – из модных журналов. Окружающие только намекают нам на то, какой плагин нам необходимо скачать. Таким образом, нет никакого внутри и никакого снаружи, а есть некое единое информационное поле обмена с бесконечным количеством циркулирующих в нем плагинов и определенное количество запросов, регулирующих эту циркуляцию. В конце концов представление об индивидуальности, о том, что необходимо быть индивидуальным, тоже приходит к нам извне, как это было показано ранее. Это тоже своеобразный плагин.

Возможен и вариант Юкио Мисимы из романа «Исповедь маски», где внутренний мир героя показан как запутанный клубок без четкой сердцевины.

«И все же мой склонный к самоанализу разум устроен таким затейливым образом, что я всегда ухожу от окончательной дефиниции – как лист Мебиуса, склеенная в перекрученном состоянии полоска бумаги. Ведешь пальцем по внешней поверхности, а она вдруг оказывается внутренней. И наоборот <...> Причины, следствия, противоречия перекрутились в один тугий узел, и у меня не было времени распутывать все эти нити. Я лишь видел вертящийся вокруг меня стремительный хоровод парадоксов» [6];

б) индивидуальность как становление – указание на динамический характер индивидуализации. Несмотря на то, что человек всегда сохраняет некую основу для самоидентификации (например, механизмы памяти), значительная часть индивидуальных черт может меняться в течение жизни.

Исходя из всего сказанного, сложно сделать какой-либо прогноз о том, в каких направлениях в дальнейшем будет двигаться генезис индивидуальности, а также какие новые представления

об индивидуальности появятся в будущем. Однако ясно, что эти процессы переплетутся еще более плотным образом, чем это было ранее. В эру существования Интернета все возможные представления об индивидуальности актуально существуют в нашем информационном пространстве: они могут сталкиваться, пересекаться, переплетаться самым причудливым образом [7]. И что самое важное – они доступны, их можно изучить, впитать, вобрать преобразовать. Уникальный образ генетического древа индивидуальности сейчас доступен целиком. Генезис индивидуальности напрямую зависит от того, как мы будем обращаться с этим образом.

Уже позднее Новое время показало, что представление об индивидуальности сразу же берется на вооружение и в этом смысле становится частью индивидуальности, формирует ее (точно так же и социальные процессы формируют эти представления) [8].

Когда циркуляция представлений ничем не ограничена, а индивид (например, благодаря социальным сетям) сам сливается с представлением о себе, этот процесс может быть значительно ускорен. Потому индивидуальность и представления о ней ускользают сейчас с еще большей скоростью, чем раньше. Индивид меняется постоянно, индивидуальность трансформируется в каждый момент времени. Поэтому представляется не очень фантастическим вариант некоей сингулярности, когда скорость становления, генезиса индивидуальности и представлений о ней (в тесном, почти неразличимом сплетении) будет настолько высокой, что ее станет практически невозможно проследить. При этом генетическое древо настолько разветвится и трансформируется, что перестанет быть деревом, а превратится в тот самый гигантский клубок, о котором уже говорилось применительно к конкретной индивидуальности.

Список литературы

1. Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб. : Азбука, 2001. 259 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : АСТ, 2016. 288 с.
3. Папуш М. Психотехника экзистенциального выбора. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2001. 544 с.
4. Сартр Ж.-П. Тошнота. М. : АСТ, 2013. 320 с.
5. Свасьян К. Растождествления. М. : Evidentis, 2006. 536 с.
6. Мисима Ю. Исповедь маски. СПб. : Эксмо, 2010. 256 с.

7. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Воге П. Я. Индивид в истории культуры. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 728 с.
4. Sartr Zh.-P. *La Nausée*. Paris, Gallimard, 1938. 264 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. *Toshnota*. Moscow, AST Publ., 2013. 320 p.).
5. Svasyan K. *Rastozhdestvleniya* [The Disidentifications]. Moscow, Evidentis Publ., 2006. 536 p. (in Russian)
6. Misima Yu. 仮面の告白, Tokyo, 河出書房, 279 p. (Russ. ed.: Misima Yu. *Ispoved maski*. St. Petersburg, Eksmo Publ., 2010. 256 p.).

References

1. Shtirner M. *Der Einzige und sein Eigentum*. Leipzig, Reclam jun., 1892. 427 p. (Russ. ed.: Shtirner M. *Edinstvennyy i ego sobstvennost*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001. 259 p.).
2. Fromm E. *Escape from Freedom*. New York City, Rinehart & Company, 1941. 305 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Begstvo ot svobody*. Moscow, AST Publ., 2016. 288 p.).
3. Papush M. *Psihotehnika ekzistentsialnogo vybora* [Psychotechnics of Existential Choice]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2001. 544 p. (in Russian).
7. Latur B. *Reassembling the social. An introduction to Actor-Network Theory*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 301p. (Russ. ed.: Latur B. *Peresborka sotsialnogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2014. 384 p.).
8. Voге P. Ya. *Individets kulturhistorie*. Oslo, Schibsted, 2012. 668 p. (Russ. ed.: Voге P. Ya. *Individ v istorii kultury*. St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2015. 728 p.).

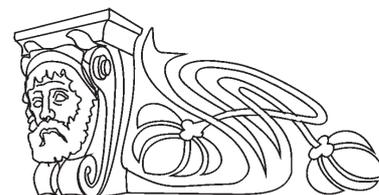
Поступила в редакцию 05.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 05.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–33
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 29–33
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-29-33>

Научная статья
УДК 130.2

Глобальное в дискурсе метамодернизма: проблема истоков

С. Н. Оводова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55

Оводова Светлана Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, snovodova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3408-1913>

Аннотация. В статье рассматривается представленность феномена глобального в дискурсах модерна и метамодерна. В отечественной рецепции метамодернизм часто мыслится вариантом постпостмодернизма. Существенное расхождение в оценках достаточно цельного явления современной философии культуры, каким является метамодернизм, может быть объяснено. Методологические установки метамодернизма все еще находятся в разработке. Теоретики метамодернизма продолжают поиски, установление взаимодействия между постиронией, аутентичностью, новой искренностью, глубиной, историчностью, аффектом, самостью, супергибридностью. В связи с этим анализ методологии метамодернизма возможен не только при изучении отдельных его установок, но в обращении к основаниям метамодернистского дискурса. Выделение ключевых моделей глобального в дискурсах модерна и постмодерна позволило нам оценить их представленность в метамодернистской программе. Для философии модерна характерно понимание глобального как идеи истории, вынесенной за ее пределы (Г. Гегель), как идеи, формирующейся в процессе истории (К. Маркс). Постмодернизм низводит данные модели до уровня симулякров. Постмодернистскому деконструктивизму свойственно различие локального. Метамодернизм в своей исследовательской практике совмещает дискурс глобального и локального, предлагая варианты возвращения истории в человеческую жизнь.

Ключевые слова: глобальное, локальное, философия модерна, метамодернизм, постмодернизм, новая искренность, историчность, исторический процесс

Благодарности: Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-1512.2020.6 «Влияние эстетических и этических установок метамодернизма на современные философские концепции культуры».

Для цитирования: Оводова С. Н. Глобальное в дискурсе метамодернизма: проблема истоков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–33. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-29-33>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Global in the discourse of metamodernism: The problem of origins

S. N. Ovodova

Dostoevsky Omsk State University, 55 Mira Ave., Omsk 644077, Russia

Svetlana P. Ovodova, snovodova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3408-1913>

Abstract. The article examines the representation of the global phenomenon in the discourses of modernity and metamodernity. In the domestic reception, metamodernism is often represented as post-postmodernism. A significant discrepancy in assessments of a fairly integral phenomenon of modern philosophy of culture, which is metamodernism, can be explained. The methodological guidelines of metamodernism are still in development. Theorists of metamodernism continue their search, the establishment of interaction between postirony, authenticity, new sincerity, depth, historicity, affect, selfhood, and superhybridity. In this regard, the analysis of the methodology of metamodernism is possible not only by studying its individual attitudes, but by referring to the foundations of the metamodern discourse. Highlighting the key models of the global in the discourses of modernity and postmodernity allowed us to assess their representation in the metamodern program. The philosophy of modernity is characterized by the idea of the global as the idea of the history taken outside of it (G. Hegel), as the idea that is formed in the process of history (K. Marx). Postmodernism reduces these models to the level of simulacra. The distinction of the local is characteristic of postmodern deconstructivism. Metamodernism in its research practice combines the discourse of the global and the local, offering options for the return of history to human life.

Keywords: global, local, philosophy of modernity, metamodernism, postmodernism, new sincerity, historicity, historical process

Acknowledgements: The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation, project MK-1512.2020.6 "Influence of aesthetic and ethical attitudes of metamodernism on modern philosophical concepts of culture".

For citation: Ovodova S. N. Global in the discourse of metamodernism: The problem of origins. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 29–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-29-33>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Дискурс метамодернизма представляет собой оперирование суммой взаимосвязанных понятий, которые предлагаются Р. ван ден Аккером и Т. Вермюленом, используются и разрабатываются в дальнейшем теоретиками метамодернизма. В 2010 г., когда Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен начинали комплексную работу по созданию теории метамодернизма, они отмечали, что метамодернизм скорее является структурой чувств, нежели философией, программой или концептом [1]. Необходимость появления новой структуры чувства предопределена возникновением феноменов культуры, которые не могут быть объяснены системой понятий постмодернизма.

Анализ метамодернистской системы свидетельствует об участии в ней нескольких взаимосвязанных методологических установок: осцилляции, постиронии, аутентичности, новой искренности, глубины, историчности, аффекта, самости, супергибридности. Представляется, что перечень активно действующих методологических составляющих метамодернизма еще не завершен. Однако метамодернизм обладает объяснительным потенциалом.

Отдельный феномен культуры, который подлежит рассмотрению в настоящем исследовании, – глобальное. Однако наша задача состоит не в фиксации данного феномена посредством метамодернистской методологии, а в изучении оснований метамодернизма. Учитывая, что тема глобального возвращается в метамодернистский дискурс после своей деконструкции и локализации постмодерном, представив теоретическое описание модернистских версий глобального, мы сможем судить об уровне преемственности указанных методологических подходов.

Любое исследование, обращенное к философии модерна, претендуя на легитимность в профессиональной среде, должно обозначить временные рамки и ключевые содержательные аспекты модерна. Как правило, одно невозможно без другого. Даже если историю философии считать историей философов, то отнесение той или иной персоналии к философии модерна должно быть аргументировано со стороны времени и высказанных идей. При установлении временных координат общим местом в работах по философии модерна является ссылка на выступление Юргена Хабермаса от 11 сентября 1980 г. по случаю присуждения премии Адорно в г. Франкфурте. «Тот, кто подобно Адорно датирует начало “модерна” приблизительно 1850 годом, смотрит на него глазами Бодлера и авангардистского искусства» [2, с. 8], – говорит Хабермас и далее рассуждает о предыстории понятия культурного модерна, не называя иных исторических дат. Стало принято

говорить о модерне как об особой эпохе от середины XIX в., когда промышленная цивилизация уверенно заявила о себе за пределами техники в изобразительном искусстве и литературе, ссылаясь или не ссылаясь на Хабермаса. Например, М. Д. Купарашвили, располагая модерн между 40-ми гг. XIX в. – 50-ми гг. XX в., утверждает что «началом современного взгляда на мир можно считать рождение марксизма» [3, с. 5–7].

История для К. Маркса и Ф. Энгельса – это «история классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития» [4, с. 13]. Самоосвобождение пролетариата, по мнению Маркса и Энгельса, будет сопровождаться освобождением всего общества от различных форм эксплуатации. Нации и национальные государства перестают быть носителями идеи глобального как пространственного модуса всеобщего (можно высказать предположение, что интернационализм Маркса вне- и даже антигосударственен, раз государство становится орудием в руках господствующего класса, оно, конечно, не может вместить всеобщее). В разных частях «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс именуют нацию, государство и право «суррогатами коллективности», «обособившимися от индивидов иллюзорными общностями», власть которых «может быть сломлена только посредством революции» [5, с. 77]. Если современный К. Марксу и Ф. Энгельсу господствующий общественный класс – буржуазия – национален или в некоторых формах своего взаимодействия транснационален, то рабочий класс лишен национальных черт, «духовно мертв», «оторван от культуры» [6, с. 355]. Место, занимаемое им в системе производственных отношений, отсекает его от суперсистемы национальной культуры, делает анонимным участником рынка труда.

Луи Альтюссер, анализируя творчество основоположников марксизма, отмечал, что пауперизация рабочего класса, ставя под угрозу исчезновения не только человеческое достоинство, но и человеческое естество самого многочисленного общественного класса, делает пролетарскую революцию неизбежной [7, с. 321].

Можно с уверенностью утверждать: пролетариат у Маркса еще не всеобщее, но он способен породить, если угодно, призвать в мир всеобщее, что еще предстоит. Вряд ли является случайностью, что большая часть работы Ж. Деррида, посвященная Марксу, построена на рецепции призрака коммунизма: «Но ведь Маркс возвещает и призывает некое грядущее присутствие. Он, по видимому, предсказывает и предписывает: то, что

пока фигурирует в идеологическом представлении старой Европы в качестве всего лишь призрака, должно в будущем стать наличной, т. е. живой, реальностью» [8, с. 150]. Столь яркий разрыв с предшествующей традицией, когда реальное объявляется подлежащим уничтожению, где пролетарии стирают предшествующее общество, дабы утвердить свое существование, а призрак будущего призывается к жизни, позволяет прийти к фиксации отношений глобального и локального в следующих маркерах: модернизации и мобилизации, проявляющихся в разрыве с прошлым (в «Немецкой идеологии» прямо высказывается мысль, что со всеми условиями, порожденными прежним производством и общением, следует обращаться как с неорганическими), интернациональности (для Маркса нет исторического и неисторического, в процесс общественного переустройства включено все человечество), обращенности в будущее (строй, создаваемый коммунизмом).

Глобальное здесь не готовая идея, вынесенная за пределы истории или составляющая ее тайный смысл. Глобальное формируется в процессе истории, но в наличных социально-экономических отношениях оно находится за пределами видимости, появляясь в качестве призрака коммунизма. Частота появлений призрака коммунизма создает «частоту некоей видимости» [8, с. 148], как говорит Деррида, вызывает общественное напряжение, ожидание неизбежного. Эта неизбежность состоит в грядущей отмене истории, что представляла собой область конкуренции или борьбы классов (на уровне сущности), наций, государств, законов и философских идей (на уровне явлений). Осознание неизбежности мировой революции становится делом философии, что согласно 11-му тезису о Фейербахе надлежит изменить мир, и делом пролетариата, выступающего силой, способной реализовать роль гегемона и отменить историю.

При таком видении ситуации избранная локальность оказывается способна не только удерживать проект глобального коммунистического общества в краткосрочной перспективе мировой революции, но и развивать его в ходе обновившейся истории в границах отдельной страны, группы стран (социалистического лагеря).

Исторические события конца XX в. показали утопичность этого мегапроекта. По крайней мере, С. Жижек и его соавторы с позиции сегодняшнего дня так оценили оптимизм Альтюссера: «Вопреки оптимизму марксистов XX в. (особенно 1960-х годов), мы утверждаем, что энергия развития не приведет к подъему рабочего класса или же уничтожению системы господства, определяющей основные черты современного мира, а потому ее результатом не станет неизбежный социализм

(сегодня это известно каждому)» [9, с. 16]. Тем не менее сформированный в марксистской философии тип взаимоотношения глобального и локального продолжает существовать вне конкретного исторического контекста.

Его специфика, кроме названных черт, состоит и в помещении глобального в пространство постистории, что еще подлежит освоению, и может восприниматься как проект, мобилирующий на свое освоение общественные ресурсы отдельных стран, продолжающих воспринимать коммунизм как стройку «века», а может прийти внезапно, когда проявит себя «скрытый субъект будущей революции» [9, с. 16] – классовая борьба, мировая революция, диктатура пролетариата – все это средства достижения цели, но не сама цель. Для данного типа принципиальна не вынесенность глобального за пределы истории (как внеисторичен и всегда равен себе разум просвещения, например, у Г. Гегеля), а после истории. Перед нами тесная, жесткая, но временная связь глобального и локального. Зато достигнутая в постистории всеобщая свобода будет вневременна, эта идея мотивировала советских людей прилагать сверхчеловеческие усилия на построение счастливого завтра, в котором счастливы будут следующие поколения, что дойдут, доживут, заглянут за конец истории...

Конечно, следует учитывать, что реакция Деррида – это реакция на марксизм со стороны постмодернизма. Но эсхатологичность возмущений о грядущем мировом рае для всех, а не только для пролетариев Деррида подмечена верно. Глобальное, что могло быть предъявлено «уже сейчас» строителям коммунизма, по сути оставалось призраком или, говоря языком постмодернистской философии, симулякрот глобального: стирание границ между умственным и физическим трудом, городом и деревней.

Для марксизма глобальный мир и единое для человечества будущее воплотимо, да, оно вынесено как цель во времени, но это реальная цель, к которой нужно стремиться. Деррида же уже исходит из характерного для постмодерна восприятия отсутствия цели, поэтому она и призрачна. Цель не просто недостижима, ее не существует. Постмодернизм деконструирует метанарративы модерна, разрушая, таким образом, и просветительские идеалы, и марксистский энтузиазм. Глобальная модерность видела будущее, которое может быть воплотимым, а постмодернизм разочаровывается в этом образе глобального будущего. Деконструируя и проблематизируя маргинальное, постмодернистский дискурс задается вопросом не только о возможности и необходимости будущего, но и о возможности и необходимости глобального.

Постмодернистские теоретики Ф. Джеймисон [10] и Д. Харви [11], будучи исследователями культуры марксистского толка, при создании и обосновании нового этапа в развитии культуры (постмодернизм) связывают его с поздним капитализмом. «Заякоренность» модернистских и постмодернистских исследователей на теме взаимосвязи экономических отношений, способах бытия человека в этих отношениях и изменений в культуре приводит нас к мысли о том, что для них глобальное воспринимается как единство по основанию всепроникающих рыночных отношений.

Метамодернизм, возникший как культурная теория в 2010 г. с публикации Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена [12], также обращен к теме глобального и будущего в этом глобальном. Воспринимаемая на тот момент метамодернизм как структура чувств, Вермюлен и ван ден Аккер в качестве его характеристики отмечают, что он проявляется в осцилляции между «энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой» [1]. Таким образом, метамодернизм признает в качестве своих оснований модерн и постмодерн, но осмысляет и сопрягает смыслы этих дискурсов по-иному. Это не выводит метамодернизм за пределы предопределенности глобальной повесткой и взглядом в будущее. Для метамодернизма крайне важным оказывается образ будущего, который они хотят вернуть.

Метамодернисты признают, что после постмодернизма невозможно конструировать однозначный образ будущего, в которое будут верить все. Однако они провозглашают усталость от постмодернистского цинизма, где разрушенные метанарративы и необходимость деконструирования привычных смыслов не давали возможность провозгласить устремленность в будущее. Сборник «Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма» начинается с переосмысления работы Ф. Фукуямы «Конец истории», после чего авторы приходят к мысли о том, что в начале нового тысячелетия мы фиксируем поворот Истории, она не завершена, а наоборот, становится ключевой темой для осмысления: «Новый толчок История получила благодаря последним мировым историческим кризисам экологического, экономического и геополитического характера» [13, с. 41]. В качестве ключевых точек, запустивших метамодернистскую рефлексию, по мнению Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, как раз также являются события и проблемы глобального масштаба. По их мнению, постмодернизм уже перестал описывать современную культурную ситуацию, этот дискурс отстаёт и не ухватыва-

ет ключевые болевые точки. Вследствие этого метамодернизм как новый способ осмысления реальности позволит «облечь в язык концепций явления в сфере культуры и искусства, связанные с ощущением возврата Истории» [13, с. 43].

Глобальная модерность и постмодернизм переосмысливаются метамодернизмом как прошлое, включенное в свою историю. Метамодернизм не возникает как критический дискурс, отрешивающийся от предыдущих нарративов, он создает свой нарратив глобального будущего с опорой на существующие культурные логики модерна и постмодерна.

Список литературы

1. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // METAMODERN : журнал о метамодернизме. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernizm/> (дата обращения: 05.12.2021).
2. Хабермас Ю. Политические работы. М. : Праксис, 2005. 368 с.
3. Купарашвили М. Д. Лекции по современной философии. Модернизм : учебное пособие. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 336 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М. : Госполитиздат, 1950. 72 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. / 2-е изд. Т. 3: 1845–1847 гг. М. : Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
6. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. / 2-е изд. Т. 2: Сентябрь 1844 – февраль 1846 гг. М. : Госполитиздат, 1955. С. 231–517.
7. Альтюссер Л. За Маркса / пер. с фр. А. В. Денежкина. М. : Праксис, 2006. 392 с.
8. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова ; под общ. ред. Д. Новикова. М. : Logos-altera ; Esse homo, 2006. 256 с.
9. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. С. Щукиной. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 176 с.
10. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Издательство института Гайдара, 2019. 816 с.
11. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.
12. Vermeulen T., R. van den Akker. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.
13. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гибсон, Т. Вермюлена. М. : РИПОЛ классик, 2019. 494 с.

References

1. Vermyulen T., van den Akker R. Zametki o metamodernizme (Notes on Metamodernism). *METAMODERN: Journal of metamodernism*. Available at: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernizm/> (accessed 5 December 2021) (in Russian).
2. Khabermas Yu. *Politicheskie raboty* [Political Works]. Moscow, Praksis Publ., 2005. 368 p. (in Russian).
3. Kuparashvili M. D. *Lektsii po sovremennoy filosofii. Modernizm* [Lectures on Contemporary Philosophy. Modernism]. Moscow, Knizhnyi Dom "LIBROKOM" Publ., 2013. 336 p. (in Russian).
4. Marks K., Engel's F. *Manifest kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Gospolitizdat, 1950. 72 p. (in Russian).
5. Marks K., Engel's F. German ideology. In: Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [The Works: in 30 vols.]. Vol. 3: 1845–1847 gg. Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 7–544 (in Russian).
6. Engel's F. The position of the working class in England. In: Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [The Works: in 30 vols.]. Vol. 2: September 1844 – February 1846. Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 231–517 (in Russian).
7. Al'tyusser L. *Za Marksa* [For Marx]. Moscow, Praksis Publ., 2006. 392 p. (in Russian).
8. Derrida Zh. *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional* [D. Novikov, ed. Ghosts of Marx. The State of Duty, the Work of Sorrow and the New International. Transl. from French B. Skuratov]. Moscow, Logos-altera Publ., Esse homo Publ., 2006. 256 p. (in Russian).
9. Zhizhek S., Ruda F., Khamza A. *Chitat' Marksa* [To Read Marx. Transl. from English D. Kralechkin; ed. S. Schukina]. Moscow, Higher School of Economics Publishing House, 2019. 176 p. (in Russian).
10. Dzheymison F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of the Late Capitalism]. Moscow, Izdatel'stvo Gaidar Institute, 2019. 816 p. (in Russian).
11. Kharvi D. *Sostoyanie postmoderna. Issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy* [Postmodern State. Exploring the Origins of Cultural Change]. Moscow, Higher School of Economics Publishing House, 2021. 576 p. (in Russian).
12. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, vol. 2, pp. 1–14.
13. *Metamodernizm. Istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma*. Eds. R. van den Akker, E. Gibson, T. Vermeulen [van den Akker R., Gibson E., Vermeulen T., eds. Metamodernism: Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2019. 494 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 34–39

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 34–39

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-34-39>

Научная статья

УДК 141.4+130.2

Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ

М. О. Орлов , Т. В. Черевичко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9645-1513>

Аннотация. В представленном исследовании с позиции теологического и социально-философского анализа рассматриваются взаимоотношения Церкви и культуры окормляемых народов. Выявляется, что многовековое взаимовлияние церковных и национально-культурных традиций привело к тому, что понимание национальной культуры ее носителем невозможно без обращения к христианской вере как основе данной культуры. Через понимание религиозной культуры происходит восприятие эстетических образцов, коммуникативных ценностей и этических принципов. Обосновывается, что культура не может отказаться от своего религиозного содержания без того, чтобы не потерять свое возвышающее и просвещающее воздействие на личность. Восстановление полноценной передачи христианского (православного) духовного опыта является фундаментальным условием преодоления кризиса духовной традиции в России. При этом «передача» подразумевает не только передачу опыта христианской жизни от поколения к поколению, но и приобщение к нему наших современников, доселе чуждых православию. Анализируется гипотеза диалектического единства религиозного и светского характера культуры. Обосновывается, что необходимым условием восстановления механизмов передачи духовного опыта христианской жизни является формирование системы культурно-просветительской деятельности Русской Православной Церкви, в которой передача традиционного духовного опыта неразрывно связана с передачей духовного опыта русской культуры.

Ключевые слова: светская и религиозная культура, православная теология, религиозные институты, социальная философия, секуляризм, конструктивная религиозная социализация

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Для цитирования: Орлов М. О., Черевичко Т. В. Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 34–39. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-34-39>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Secular and religious aspects of modern culture: A socio-philosophical and theological analysis

М. О. Orlov , Т. V. Cherevichko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Tatyana V. Cherevichko, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9645-1513>

Abstract. In the presented study, the relationship between the Church and the culture of the peoples being nourished is examined from the standpoint of theological and socio-philosophical analysis. It is revealed that the centuries-old mutual influence of church and national-cultural traditions has led to the fact that the understanding of the national culture by its bearer is impossible without referring to the Christian faith as the basis of this culture. The perception of aesthetic patterns, communicative values and ethical principles occurs through the understanding of religious culture. It is substantiated that culture cannot abandon its religious content without losing its elevating and enlightening impact on the individual. The restoration of a full-fledged transmission of Christian (Orthodox) spiritual experience is a fundamental condition for

overcoming the crisis of spiritual tradition in Russia. At the same time, "transmission" implies not only the transmission of the experience of Christian life from generation to generation, but also the familiarization of our contemporaries, hitherto alien to Orthodoxy, to it. The hypothesis of the dialectical unity of the religious and secular nature of culture is analyzed. It is substantiated that a necessary condition for restoring the mechanisms for transferring the spiritual experience of Christian life is the formation of a system of cultural and educational activities of the Russian Orthodox Church, in which the transfer of traditional spiritual experience is inextricably linked with the transfer of the spiritual experience of Russian culture.

Keywords: secular and religious culture, Orthodox theology, religious institutions, social philosophy, secularism, constructive religious socialization

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44127.

For citation: Orlov M. O., Cherevichko T. V. Secular and religious aspects of modern culture: A socio-philosophical and theological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 34–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-34-39>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Для современного российского общества Русская Православная Церковь является в первую очередь элементом исторического и культурного наследия страны, в то время как влияние данного религиозного института на духовно-нравственную атмосферу в обществе уступает ее роли в истории нашего Отечества. На протяжении многих столетий одним из основных стимулов следования истинам христианской веры значительной части верующих являлось представление о загробной судьбе человека. Образы адских мучений грешников как неотъемлемые элементы средневековой христианской культуры постоянно предупреждали о неизбежном суде, который предстоит пройти каждому человеку после его смерти. В трудах христианских аскетов постоянное напоминание себе о неминуемой смерти служило условием и началом покаяния. Высокая рождаемость и одновременно высокая смертность во всех странах вплоть до XIX в. сталкивали человека с феноменом смерти родных и близких, начиная с раннего детства, что также делало актуальным вопрос о бессмертии души и ее загробной участи.

Какими бы преувеличенными ни казались сегодня литературные и художественные образы воздаяния, их значение в воспитании в европейских народах понятий ответственности за свое поведение независимо от положения в средневековой иерархии и навыков постоянной оценки собственного поведения, с точки зрения неизменных и безусловных заповедей, неоспоримо. Не следует также видеть в них и свидетельство низкого культурного уровня средневековых христиан. Вечные муки в известном «пари Паскаля» стали рациональным доводом в пользу жизни по канонам веры.

Рационализация устройства человеческой жизни, сопряженная с развитием капитали-

стических отношений и научно-техническим развитием, обусловила снижение у современного человека ощущения бессмертия души. Жестокости XX столетия в свою очередь лишили своего стимулирующего воздействия и представления о загробной участи человека, поскольку государственные деятели, строившие «рай на земле», успешно создавали нечто, похожее на художественное описание ада. Демографические изменения послевоенных десятилетий (увеличение продолжительности жизни, снижение рождаемости), а также стремление общества минимизировать «травмирующее» присутствие смерти в человеческом (особенно детском) опыте привели к тому, что смерть и связанные с нею вопросы были отодвинуты на периферию индивидуального и общественного сознания. Своеобразным концептом светского мировоззрения современной цивилизации стало то, что человек частично уподобился бессловесным животным, «не знающим», что такое смерть. На настоящий день восприимчивость секулярного общества к вопросам вечной участи человека после смерти стала настолько низкой, что данные вопросы перестали оказывать какое-либо существенное влияние на состояние религиозной сферы. Если обратиться к современной российской христианской философии, то в ней можно выделить три основные темы: личный опыт богообщения, личный опыт восприятия тех или иных элементов Священного Предания либо церковных традиций и православное отношение к происходящим в стране и мире событиям. Обзор публикаций на основных российских православных сайтах («Православие и мир» и «Встреча с Православием»), которые концентрируют у себя все значимые публикации православного Рунета, свидетельствуют о практически полном отсутствии у современных православных авторов (пастырей и мирян) интеле-

реса к посмертной участи христианина, которая уступила место размышлениям о неисполнении человеком своего долга любви перед Создателем и ближним. Даже в пастырском слове о любви к врагам основной мотив необходимости прощения и примирения – не награда на Небесах (что современному человеку было бы не совсем понятно), а негативные земные последствия непрекращающейся вражды [1]. Возникает вопрос: если забота о посмертной участи бессмертной души перестала быть для современного человека достаточным стимулирующим фактором для погружения в христианское Предание, то что сегодня может стать первым словом, с которым Церковь обращается к человеку, находящемуся «вне церковной ограды»? Как отметил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «там, где мы видим культуру как силу и средство возвышения человеческой личности, – там собственно культура. А всякая такая культура, ориентированная на эту Божественную цель, религиозна по своей природе вне зависимости от того, называем мы её религиозной или нерелигиозной» [2, с. 456].

В настоящее время в Русской Православной Церкви не имеется отдельных документов, раскрывающих содержание и формы ее культурно-просветительской деятельности как специфической функции синодальных, епархиальных или приходских структур. «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» отражает пять основных форм миссионерской деятельности: 1) воспитательная миссия с теми, кто готовится к Крещению (т.е. по сути катехизация); 2) апологетическая миссия – свидетельство истины Православия перед другими конфессиями и религиями; 3) информационная миссия – православное свидетельство самым широким слоям населения через все доступные средства массовой информации, а также через организацию приходских библиотек и издание специальной миссионерской литературы, предполагающее информационное присутствие Церкви в средствах массовой информации, издание святоотеческих творений с комментариями и другой миссионерской литературы и т.д.; 4) внешняя миссия среди народов, не имеющих истинно христианских основ в своей национальной традиции и культуре; 5) миссия примирения – профилактика межнациональной и межконфессиональной напряженности в обществе.

Может показаться, что культурно-просветительская деятельность может быть описана

как часть информационной миссии, поскольку последняя предполагает широкое использование современного информационного пространства для ознакомления их читателей (зрителей, слушателей) с основами христианского образа жизни и церковными традициями. Однако если мы обратимся к фактической культурно-просветительской деятельности РПЦ, то увидим ее принципиальное отличие от информационной миссии.

Очевидно, что задача языковой и культурной адаптации мигрантов далека от какой-либо миссионерской цели и направлена в первую очередь на сохранение языкового и культурного единства страны как условия для понимания и принятия христианской проповеди. Отдельного упоминания среди прочих культурно-просветительских мероприятий заслуживают проводящиеся в г. Саратове ежегодные Пименовские чтения, ставшие одной из основных российских научных и общественных дискуссионных площадок, цель которых – обеспечение коммуникации религиозной и светской культуры. «Пименовские чтения» являются совместным мероприятием Саратовской митрополии и Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Традиционно в них участвуют представители научной и религиозной интеллигенции г. Саратова и многих регионов России, московских духовных школ, а также гости из других стран. В настоящее время Русской Православной Церковью проводится большая культурно-просветительская работа, отличная от миссионерской деятельности. На данный момент, как указывалось ранее, не принято основополагающих документов, определяющих значение и основные формы культурно-просветительской деятельности РПЦ. Данное обстоятельство не служит препятствием для ее реализации, но тем не менее задача полноценного участия верующих в данной работе требует осмысления ее духовного значения в общем контексте церковного Предания. В связи с этим нами предлагаются тезисы, которые могли бы стать элементом будущего основополагающего документа (например, концепции) культурно-просветительской деятельности РПЦ. Данные тезисы не претендуют на полноту и призваны стать подготовительным материалом для последующей дискуссии.

Результатом просвещения европейских народов Церковью в Средние века стало формирование национальных культур на основе образов

и дискурса, предложенного христианством. Поэтому светская культура народов, воспитанных Церковью, также может считаться отражением и энергичным продолжением богочеловеческой природы Церкви. Следовательно, смиренная забота клира и мирян Церкви о раскрытии красоты Невесты Христовой требует взятия Церковью на себя заботы о состоянии художественной культуры народов, обретших себя в Православии.

Культурная деятельность, чьим содержанием является раскрытие отдельных особенностей необъятного знания о Боге, мире и человеке, наиболее близких к духу того и иного народа, а внутри каждого народа – разным его поколениям с использованием выразительных средств, оказывающих наибольшее благоприятное воздействие на представителей этого народа в данном поколении, может быть названа православной культурной традицией. Иисус Христос в Своей проповеди жителям Иудеи и прилегающих стран в качестве одного из основных средств, позволяющих простым жителям понять существо Его спасительного учения, использовал притчи. Преисполненные вечным смыслом, образы блудного сына, мытаря и фарисея, господина и рабов, получивших таланты, стали непреходящими художественными образами, в которых каждая человеческая душа узнает себя. Русская классическая литература представила миру целый сонм современных своей эпохе образов, в которых люди не только узнавали себя, видели свои ошибки и заблуждения, но и обретали единственный путь к Тому, Кто есть Истина и Жизнь.

Сильные художественные образы, наполненные христианским содержанием, являются одним из главных средств воспитания молодого поколения, идеалами для подражания. Горе тому народу, который потерял способность предлагать своей молодежи достойные образцы поведения либо дает ей образцы антихристианского поведения.

Реализованная способность к созданию жизненных художественных образов, имеющих универсальное, общечеловеческое значение, определяет уровень развития культуры каждого народа и его место в человеческой истории, его привлекательность для представителей других стран и культур. Бедственное положение русской культуры, в котором она находится с конца XX столетия, ее неспособность предложить миру новые уникальные художественные образы является также неблагоприятным фактором для осуществления внешней миссии Русской

Православной Церкви. Впитавшая в себя свет христианского учения, русская классическая литература поистине стала богословием в образах [3], оказавших большое влияние на философскую мысль и культурное творчество лучших представителей западной цивилизации в XIX–XX вв., а также ставших культурным стержнем, позволившим сохранить этнокультурную идентичность Русского мира в рассредоточении в послереволюционный период.

Воспитание молодой души на образах, чья эстетическая и этическая структура основана на Евангелии, способствует такому формированию сознания и духовных потребностей человека, которое может быть названо православным по своей культурной матрице, даже до обращения человека к вере. Сохранение своей культурной матрицы является условием жизнеспособности любого народа, его умением противостоять внешним культурным агрессиям. Особенно важно закрепление этих аксиологических принципов в православной теологии образования [4]. Будучи первоисточником смыслов культур, окормляемых ею народов, Церковь не снимает с себя ответственности за их современное состояние и оказывает в рамках своего миссионерского служения содействие в развитии современных культур, которое позволит им генерировать новые образы, основанные на православной культурной матрице. Опираясь на приоритетность образа в художественном творчестве, Церковь последовательно выступает против искусства, основанного на манипуляции пустыми, бессодержательными формами, не отражающими никакой реальности, кроме желания их конструкторов эпатировать широкую публику и достичь дешевого успеха.

К художественным творениям, признаваемым Церковью и находящимся внутри православной культурной традиции, относятся произведения, соответствующие следующим критериям:

1) выражают красоту Божьего творения – неодушевленной и одушевленной природы и человеческого мира. С учетом специфики выразительных средств данный критерий относится прежде всего к музыкальным и изобразительным произведениям искусства;

2) раскрывают красоту и глубину человеческой души, обретшей себя во Христе. Необходимо отметить, что наличие христианской тематики в произведении искусства не превращает его автоматическим образом в художественное творение, поддерживаемое Церковью независи-

мо от качества исполнения данного творения. Уважая свободное творчество и стремления православных авторов, Церковь в то же время призывает к осмотрительности при создании и распространении произведений, представляющих упрощенную («лубочную») картину христианской жизни, не соответствующую ее глубине и разнообразию;

3) повествуют о пути человеческой души в ее поисках своего Создателя. Рассказанная Спасителем притча о Блудном сыне стала вечным символом, не теряющим своей актуальности и вдохновляющей силы независимо от эпох и цивилизаций. Наполненное жизненной правдой повествование о страждущей душе, алчущей воды живой, текущей в жизнь вечную, передаваемое посредством образов, понятных современникам, является важной духовной задачей для каждого нового поколения носителей творческого дара;

4) рассказывают в исторических повествованиях и художественных фильмах о жизни, подвигах в защиту страны, духовных свершениях героев и предшествующих поколений народов, проживающих на канонической территории Русской Православной Церкви. В таких историях внешняя динамика событий не должна заменять и вытеснять внутреннее содержание жизни во Христе, которая также не должна быть представлена искаженным или упрощенным образом;

5) создают убедительные и жизненные образы, свидетельствующие о силе и реальности евангельских идеалов, а также о губительности пути к греху и существованию без Бога в забвении Его заповедей. Промыслом Божиим многие произведения искусства, созданные внешними, в том числе инославными авторами, содержат в себе образы, приносящие безусловную пользу для молодежи и помогающие ей в понимании классических образцов православной культуры. Такие произведения не могут быть отнесены к православной культурной традиции, но могут быть признаны полезными в конкретных ситуациях культурно-просветительской деятельности.

Одним из сложившихся предрассудков относительно свободы творчества является убеждение, что автор в своих произведениях не ограничен в выборе форм и образов. Однако история высших достижений мировой культуры (античное скульптурное и драматургическое искусство, средневековая византийская и западноевропейская живопись, поэзия и

архитектура, драматургия и симфоническая музыка Нового времени и т.д.) свидетельствует о том, что совершенства художественной формы любая культура достигает только в условиях жесткого самоограничения установленным канонам. Аналогичным образом в индустрии массовых развлечений используется твердо фиксированный набор сюжетов, позволяющих достичь успеха у публики, все же остальное отбрасывается (например, авторское кино). В православной культурной традиции свобода творческого самовыражения автора ограничена соборным опытом Церкви, основанным на Божественном Откровении, этическом и эстетическом каноне. «Воцерковление культуры не означает, что непременно должно появляться больше литературных произведений, прямо касающихся религиозной или церковно-исторической тематики... Это означает, что наша творческая интеллигенция – писатели, художники, драматурги, композиторы, режиссеры – в качестве наиглавнейшей своей задачи должны видеть возрождение духовно-нравственного идеала, присущего отечественной литературе и искусству» [5, с. 87–88]. Исходя из соборного опыта, с учетом текущих духовных потребностей общества, Церковь может формировать актуальный набор тем, сюжетов, образов, раскрытие которых православными авторами принесло бы пользу современному поколению. Такой набор выстраивает текущую повестку православного культурного творчества, определяемую религиозной традицией в помощь православным авторам. Ориентируясь на свои творческие способности, православные авторы могут использовать культурную повестку Церкви в выборе тем и сюжетов своих работ либо, чувствуя призвание, продолжать творческую работу во славу Божию в других направлениях, опираясь в то же время на сформированные Церковным Преданием этический и эстетический каноны.

Список литературы

1. Духанин В., свящ. Возлюбить врага своего. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/75872.htm> (дата обращения: 15.01.2021).
2. Церковь призывает к единству. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2010. 480 с.
3. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Выступление на заседании Палаты попечителей Патриаршей литературной премии. URL:

- <http://www.patriarchia.ru/db/text/2200726.html> (дата обращения: 15.01.2021).
4. Шмонин Д. В. «Толедские принципы» и теология в школе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 72–88.
  5. Быть верным Богу. Книга бесед со Святейшим Патриархом Кириллом. Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2009. 592 с.
  3. Kirill, Svyateyshiy Patriarkh Moskovskiy i vseya Rusi. *Vystuplenie na zasedanii Palaty popechiteley Patriarshy literaturnoy premii* (Speech at the Meeting of the Chamber of Trustees of the Patriarchal Literary Prize). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2200726.html> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
  4. Shmonin D. V. «Toledo Principles» and theology at school. *Gosudarstvo, Religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad], 2017, no. 4, pp. 72–88 (in Russian).
  5. *Byt vernym Bogu. Kniga besed so Svyateyshim Patriarkhom Kirillom* [Be Faithful to God. The Book of Conversations with His Holiness Patriarch Kirill]. Minsk, Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarkhata, 2009. 592 p. (in Russian).

References

1. Dukhanin V., pbr. *Vozlyubit vraga svoego* (To Love Your Enemy). Available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/75872.htm> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
2. *Tserkov prizyvaet k edinstvu. Slovo Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [The Church Calls for Unity. The Word of His Holiness Patriarch

Поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 15.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 40–44

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 40–44

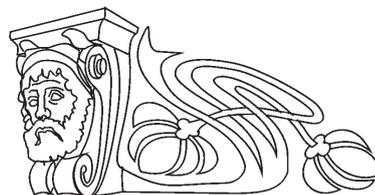
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44>

Научная статья

УДК 1(470+571)(09)+929Аристотель

Фигура Аристотеля в отечественной интеллектуальной атмосфере XIX века

Д. А. Павлова

Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Павлова Дарья Александровна, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Аннотация. Перед исследователем, занимающимся темой присутствия философии Аристотеля в современном российском пространстве гуманитарных наук, встает задача осмыслить истоки отношения к Аристотелю в истории отечественной науки. Аристотель в России, в отличие от Европы, представлен ограниченно и даже там, где он присутствует, современная отечественная философия задевает из его наследия достаточно узкий пласт мысли. Статья посвящена теме особого отношения к фигуре Аристотеля в поле отечественной социально-гуманитарной мысли XIX в. Во время формирования русской философии как самостоятельного феномена общемировой культуры в поле зрения ее основателей попадает и Аристотель. Интерес к нему изначально не носит научного (историко-философского или филологического) характера, но вытекает из актуальных общественно-политических споров, которые впоследствии станут известны как споры славянофилов и западников. Аристотель в данном случае выступает частью мировой культуры, на особое место в которой претендуют отечественные интеллектуалы XIX в. Данная эпоха рассматривается как период, заложивший базовые принципы отношения к Аристотелю в России в XX в. Одним из таких принципов является отношение к Аристотелю как к историку науки и как к части мировой культуры.

Ключевые слова: Аристотель, русская философия XIX века, Киреевский, Белинский, Гегель, западники, славянофилы, Шеллинг

Для цитирования: Павлова Д. А. Фигура Аристотеля в отечественной интеллектуальной атмосфере XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 40–44. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The figure of Aristotle in the domestic intellectual atmosphere of the 19th century

D. A. Pavlova

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Daria A. Pavlova, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Abstract. A researcher dealing with the topic of the presence of Aristotle's philosophy in the modern Russian space of the humanities is faced with the task of comprehending the origins of the attitude towards Aristotle in the history of Russian science. Aristotle in Russia, unlike Europe, is represented in a rather limited way, and even where he is present, modern Russian philosophy uses a rather narrow layer of thought from his heritage. The article is devoted to the theme of a special attitude to the figure of Aristotle in the field of domestic social and humanitarian thought of the XIX century. During the formation of Russian philosophy as an independent phenomenon of global culture, Aristotle also falls into the field of view of its founders. The interest in Aristotle was not originally of a scientific (historical-philosophical or philological) nature, but stemmed from current socio-political disputes, which would later become known as the disputes between Slavophiles and Westernizers. Aristotle in this case acts as a part of world culture, in which domestic intellectuals of the 19th century claim to a special place. This era is considered as a period that laid the basic principles of attitude towards Aristotle in Russia in the 20th century. Such principles are the attitude towards Aristotle as a historian of science and as a part of world culture.

Keywords: Aristotle, Russian philosophy of the 19th century, Kireevsky, Belinsky, Hegel, Westernizers, Slavophiles, Schelling

For citation: Pavlova D. A. The figure of Aristotle in the domestic intellectual atmosphere of the 19th century. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 40–44 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В отличие от Западной Европы, где аристотелевское наследие через католическую традицию было воспринято всей культурой [1], в России отношение к Аристотелю было принципиально иным. Чтобы раскрыть особенности этого отношения, недостаточно будет обратиться исключительно к истории русской философии, поскольку таковая как самостоятельный феномен окончательно оформилась лишь к середине XIX в. (безусловно, мы не упускаем из вида того обстоятельства, что предпосылки к созданию русской философии возникли вместе с культурой русского народа), поэтому для объяснения и понимания отношения к Аристотелю в русской мысли необходимо обратиться к дофилософской эпохе нашей культуры. При этом мы учитываем непреходящее значение очерка В. П. Зубова «К истории аристотелевской традиции на Руси», в котором автор обращается к упоминаниям Аристотеля со «Сборника Святослава 1073 года», завершая свое рассмотрение серединой XVIII в. [2]. Следует начать с того, что в период, когда Европа открыла Аристотеля (XII–XIII в.), между Восточной и Западной церковью шла ожесточенная борьба. В то время, когда на Западе властителем умов был Фома Аквинский, на Востоке шли споры по поводу учения позднего его современника Григория Паламы [3]. Неслучайно основной соперник в паламитских спорах в конечном итоге примкнул к католичеству (Никифор Григора [3, с. 411–412]). Святой Григорий Палама в своих «Триадах» всячески предостерегал православного человека от того, чтобы тот прибегал к эллинской мудрости, считая таковую вымыслом недостойных мужей [3, с. 417]. Следует отметить, что он имел в виду прежде всего Платона, а отдельно об Аристотеле речь не заходила (он упоминается всегда в ряду с Платоном, Птолемеем, Евклидом и другими античными мудрецами), поскольку имя последнего целиком и полностью, на взгляд Григория Паламы, принадлежало католикам.

Таким образом, Аристотель, открытый Европой, изначально даже не рассматривался в качестве возможного источника для молодой русской культуры. Логика Стагирита через Ивана Дамаскина [4] воспринималась в восточном христианстве постольку, поскольку ее передавала Академия Платона и неоплатоники, включая те элементы аристотелевской логики, которые были апроприированы учениками Платона [5, с. 94–105]). Так, в восточном христианстве сложилась традиция рассматривать «Органон» Аристотеля исключительно как принадлежность платоновской школе, а самого

Платона если и не критиковать (хотя критики было предостаточно), то держать на некотором интеллектуальном расстоянии.

Несмотря на то, что с того времени прошло несколько веков, в отношении Аристотеля ситуация принципиально не менялась. На протяжении всех этих лет основным античным автором классической эпохи философии, который бросал вызов русской мысли, оставался Платон. Несомненно, это связано с тем же обстоятельством, в соответствии с которым еще Блаженный Августин размышлял о том, достоин ли Платон войти в царство Божие, несмотря на то, что он язычник. Исторически сложилось так, что из-за исчезновения текстов Аристотеля с культурного горизонта становящегося христианства Платон оказался единственным серьезным мыслителем, который бросал вызов молодой христианской мысли, а все достижения аристотелизма за отсутствием источников были приписаны именно Платону. В отличие от Западной церкви, которая формировала свое учение в первые века христианства, Восточная вынуждена была проходить свой особый путь, фактически на тысячелетие позже – как раз в то время, когда Европа открыла Аристотеля. Именуя себя ортодоксальной, православной, Восточная церковь не могла не занимать консервативной позиции. Применительно к нашей теме она заключалась в том, что Европа, изначально покоренная Платоном, теперь вдруг внезапно обратилась к Аристотелю и покорилась ему. Таким образом, принятие Платона и его учения как главного античного оппонента-соучастника стало чуть ли не первым делом отстаивания приверженности изначальному христианству. А поскольку данный период совпал со временем самых активных поисков идентичности со стороны православной веры, то неприятие Аристотеля стало одним из признаков этой самой идентичности.

В связи с этим на протяжении последующих веков в государстве, где основной тон задавало восточное христианство, т. е. православие, Аристотель с его сочинениями выступал фигурой *pop grata*. В таких обстоятельствах не должен вызывать удивление тот факт, что имя Аристотеля либо вовсе не упоминалось, либо упоминалось исключительно в негативном ключе, а открытие его для русской культуры впервые состоялось в рамках становящейся в качестве самостоятельной русской философии. И даже здесь для молодых и горячих умов – основателей русской философии – Аристотель заявил о себе не напрямую, как это было характерно для XIX в. в России, его имя зазвучало в связи с самыми актуальными и злободневными спорами текущего момента.

Как известно, русская философия формировалась не как таковая, а из симбиоза общественно-политических и литературных дискуссий своего времени. Не отвлекаясь от рассматриваемой темы, мы должны, тем не менее, напомнить, что период зарождения русской философии приходится на 1820-е гг. [6, с. 136], когда молодые офицеры после наполеоновской войны вернулись в Россию. В этот период первый дискуссионной темой среди молодых интеллектуалов России стало шеллингианство (необходимо помнить о том, что к данному периоду они были знакомы только с сочинениями раннего Ф. В. Й. Шеллинга, в частности с «Системой абсолютного идеализма» [7]). Их волновал путь развития России. Ф. В. Й. Шеллинг, говоря современным языком, отстаивал «цивилизационный подход», согласно которому каждая культура вносит свой неповторимый вклад в развитие мировой истории. Культуры сосуществуют и выступают соучастниками на мировой арене истории. С этой точки зрения восточная, православная культура необходима для мировой истории. Здесь видится прообраз того направления, который впоследствии будет называться славянофильством.

Однако в 30-е гг. после процесса над декабристами вектор интеллектуальных исканий заметно сместился. Имея возможность посещать Европу и быть в курсе последних новшеств, молодые люди обратили свой взор на Г. В. Ф. Гегеля. Философ только что скончался, однако слава его как всеевропейского властителя дум еще не померкла. Гегельянцы в России представляли собой оппозицию предыдущему поколению шеллингианцев. Согласно Г. В. Ф. Гегелю Мировой Дух каждый раз избирает для себя то или иное государство, которое в данный момент более всего соответствует его целям. Таким образом, для того чтобы попасть в поле зрения мировой истории, народ и государство должны соответствовать чаяниям Мирового Духа. В таких условиях своеобразие и культурные особенности того или иного государства значимы лишь постольку, поскольку они этим чаяниям отвечают. Россия со всем ее своеобразием в глазах молодых русских гегельянцев должна развивать лишь самые «перспективные» «передовые» ожидания Мирового Духа.

Применительно к теме Аристотеля молодые русские гегельянцы вынуждены были, апеллируя к тому культурному фону, который подпитывал Мировой Дух Европы, обратить внимание и на Аристотеля. Неслучайно один из первых гегельянцев в России И. В. Киреевский, как отмечает Д. И. Чижевский, увидел параллель между

Г. В. Ф. Гегелем и Аристотелем: «Что Киреевский заметил внутреннюю связь Гегеля с Аристотелем, что от него не укрылось их сродство, не замеченное тогда никем, уже само по себе замечательно!» [8, с. 36]. Примечательно то обстоятельство, что Киреевский почувствовал зависимость западной культуры от Аристотеля, равно как и недостаточность присутствия последнего в отечественной культуре.

Однако данное наблюдение не имело существенных последствий. Поскольку молодые интеллектуалы были увлечены событиями текущего дня, то, соответственно, их выводы направлялись исключительно в «новостную повестку». Никто из них, к сожалению, не способен был открыть Аристотеля для России.

Таким образом, имя Аристотеля в контексте общественно-политических дебатов XIX в. в России было исключительно связано с именем Г. В. Ф. Гегеля. С точки зрения славянофилов, и Гегель, и Аристотель неправильно понимали особый вклад России в мировую историю.

Не уходя от заданной темы, мы все же должны сказать, что спор западников и славянофилов, касающийся исключительно текущих событий, вобрал в себя аргументы, далеко выходящие за его рамки. Решающую роль в восприятии Аристотеля в кругу интеллектуалов России сыграл В. Г. Белинский. Вдохновляясь народническими настроениями, он, ранее очарованный Гегелем [8, с. 139–141], в определенный момент стал нападать как на Г. В. Ф. Гегеля, так и на Аристотеля [8, с. 36]. Как это ни удивительно, но В. Г. Белинский произнес Гегелю приговор, который не только совпал с марксовым, но и существенно определил судьбу наследия Аристотеля в России на долгие годы вперед. Если К. Маркс намеревался перевернуть Г. В. Ф. Гегеля с головы на ноги [9, с. 22], подразумеваемая под этим, что мировая история движима не духом (головой), а экономикой (ногами), то В. Г. Белинский произнес не менее суровое обвинение: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здоровья китайского императора (т. е. гегелевской *Allgemeinheit*). Мне говорят: развивай все сокровища своего духа для свободного самонаслаждения духом, плачь, дабы утешиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись к совершенству, лезь на верхнюю ступеньку лестницы развития, – а споткнешься – падай – черт с тобою – таковский и был сукин сын... Благодарю покорно, Егор Федорович, – кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим Вашему философскому филистерству уважением честь имею донести Вам, что, если бы мне и удалось влезть

на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы Вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверий, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братии по крови, – костей от костей моих и плоти от плоти моя» [цит. по: 8, с. 166].

Таким образом, В. Г. Белинский предугадал отношение к Аристотелю, которое существовало в России вплоть до сегодняшнего времени: Аристотель – сухой наукообразный схоласт, который систематизировал весь мир, не оставив в нем места для живейшего (экзистенциального) порыва, не интересующийся жизнью конкретных людей, систематик. Данный взгляд на Аристотеля, впрочем, не является оригинальной точкой зрения на творчество Стагирита. Подобное обвинение можно услышать уже в творчестве Ф. Бэкона, который, не удовольствовавшись доступным ему «Органоном», вознамерился написать «Новый органон». Вместе с тем В. Г. Белинский, исходя из своих задач, огласил общеевропейский взгляд на наследие Аристотеля молодой Европы, которая, становясь собой, отталкиваясь от доставшегося ей наследия Средневековья.

К сожалению, в тот момент Европа уже окончательно «разобралась» с Аристотелем и вновь обратилась к Платону [10, с. 130–152]. Аристотель для Европы по большей части ассоциировался (как и сейчас) с возрождением католической догматики, т. е. с творчеством Фомы Аквинского, а потому именно фигура Платона, апроприированного Восточной церковью, стала на данный момент для европейских ученых ключевой. Подобно В. Г. Белинскому, но по другим основаниям европейские ученые полагали, что с Аристотелем «все ясно». Он был для всех, в том числе для В. Г. Белинского, «систематизатором и классификатором» античной науки, которую опередили современные науки. На этой волне позитивизма философские взгляды Аристотеля представлялись преодоленными, поскольку его биологические и астрономические наблюдения были опровергнуты. Таким образом, изначально в европейской традиции благодаря позитивизму Аристотель стал необходим, чтобы продемонстрировать собственное превосходство.

Апеллирующий изначально к Аристотелю Киреевский, равно как и В. Г. Белинский, интересовался не столько античной философией, сколько текущими обстоятельствами. Ф. В. Й. Шеллинг и Г. В. Ф. Гегель были фактически их ровесниками, в то время как Аристотель являлся лишь

громким именем, к которому в зависимости от необходимости прибегала то одна, то другая сторона. Аристотель как таковой никого из них не интересовал. Поэтому в отечественное и переводное книгоиздательское дело он изначально входит как сугубо исторический персонаж. Причем «исторический» здесь следует понимать двояко: как историк науки (там, где Россия согласилась с тем, как его понимал Запад) и как тот, кто сказал свое слово в истории Мирового Духа, к которому после Октябрьской революции Россия намеревалась примкнуть. Эта двоякая роль в понимании Аристотеля целиком и полностью определила стратегию и тактику его переводов на русский язык в XX в.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 319–328.
2. *Зубов В. П.* К истории аристотелевской традиции на Руси // *Зубов В. П.* Аристотель. М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 332–349.
3. *Бибихин В. В.* Краткие сведения о жизни и мысли Св. Григория Паламы // Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. СПб. : Наука, 2004. С. 388–427.
4. *Дамаскин Иоанн.* Источник знания. СПб. : Наука, 2006. 360 с.
5. *Диллон Дж.* Наследники Платона : исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 2005. 281 с.
6. *Зеньковский В. В.* История русской философии. М. : Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
7. *Шеллинг Ф. В. Й.* Система трансцендентального идеализма / пер. И. Я. Колубовского. Л. : Соцэкгиз, 1936. 479 с.
8. *Чижевский Д. И.* Гегель в России. СПб. : Наука, 2007. 411 с.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. 900 с.
10. *Колесников И. Д.* Фридрих Ницше и античность. Образ классической древности в немецкой гуманитарной мысли XVIII–XX веков. М. : Культурная революция, 2020. 432 с.

References

1. *Averintsev S. S.* Christian Aristotelianism as an internal form of the Western tradition and the problems of modern Russia. In: *Averintsev S. S. Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and Origins of the European

- Literary Tradition]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996, pp. 319–328 (in Russian).
2. Zubov V. P. Back to history Aristotelian tradition in Russia. In: Zubov V. P. *Aristotel'* [Aristotle]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963, pp. 332–349 (in Russian).
  3. Bibikhin V. V. Brief information about the life and thought of St. Gregory Palamas. In: *Svyatitel' Grigoriy Palama. Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchikh* [Triads for the Defense of Those Who Practice Sacred Quietude]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 388–427 (in Russian).
  4. Damaskin Ioann. *Istochnik znaniya* [Fountain of Knowledge]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 360 p. (in Russian).
  5. Dillon J. *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347–274 B.C.)*. Oxford, Clarendon Press, 2003. 252 p. (Russ. ed.: Dillon Dzh. *Nasledniki Platona: issledovanie istorii Drevney Akademii (347–274 gg. do n. e.)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Peterburgskogo universiteta, 2005. 281 p.).
  6. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Raritet Publ., 2001. 880 p. (in Russian).
  7. Schelling F. W. J. *System of transcendental idealism*. Charlottesville, University Press of Virginia, 1978. 248 p. (Russ. ed.: Shelling F. V. J. *Sistema transsental'nogo idealizma*. Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1936. 479 p.).
  8. Chizhevskiy D. I. *Gegel' v Rossii* [Hegel in Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 411 p. (in Russian).
  9. Marks K., Engel's F. *Soch.* 2-e izd. T. 23 [The Works. 2nd ed. Vol. 23]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960. 900 p. (in Russian).
  10. Kolesnikov I. D. *Fridrikh Nitszshe i antichnost'. Obraz klassicheskoy drevnosti v nemetskoj gumanitarnoy mysli XVIII–XX vekov* [Friedrich Nietzsche and Antiquity. The Image of Classical Antiquity in the German Humanitarian Thought of the XVIII–XX Centuries]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2020. 432 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 45–49
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 45–49
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-45-49>

Научная статья
УДК 159.9.01

Роль сознания в эволюционной истории: эпифеномен или решающий адаптивный фактор естественного отбора

К. В. Пронин

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Пронин Константин Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, rehndjytuen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2704-907X>

Аннотация. В статье анализируется широко распространенное в научной среде мнение о решающей адаптивной роли сознания в процессе естественного отбора. Рассматриваются гипотезы о функциях сознания как центрального элемента механизма обработки информации и выработки управляющего воздействия на поведение организма. Формулируется вывод, согласно которому такие традиционно приписываемые сознанию функции, как координация работы узкоспециализированных «интеллектуальных» подсистем мозга и обеспечение им быстрого доступа к информационным ресурсам памяти, обеспечение интенций второго порядка и регуляция сложного поведения, могут быть успешно реализованы «мозгами-автоматами», осуществляющими переработку поступающей извне информации и формирующими наиболее адекватную модель поведения исключительно на «аппаратном» уровне. Все это может свидетельствовать в пользу гипотезы об эпифеноменальной природе сознания и об отсутствии влияния сознания на процессы биологической эволюции. Отдельные аспекты данной проблемы рассматриваются с позиции гипотезы о возможности наделения субъективных состояний вообще и сознания как наиболее сложной формы реализации субъективных состояний в частности статусом фундаментального свойства материи, не сводимого ни к одному из уже известных свойств.

Ключевые слова: трудная проблема сознания, адаптивные функции, естественный отбор, эпифеномен, сложное поведение

Для цитирования: Пронин К. В. Роль сознания в эволюционной истории: эпифеномен или решающий адаптивный фактор естественного отбора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 45–49. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-45-49>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of consciousness in evolutionary history: An epiphenomenon or a decisive adaptive factor in natural selection

K. V. Pronin

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Troops, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Konstantin V. Pronin, rehndjytuen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2704-907X>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the opinion widespread in the scientific community about the decisive adaptive role of consciousness in the process of natural selection. Hypotheses about the functions of consciousness as a central element of the information processing mechanism and the development of a control effect on the behavior of the organism are considered. The conclusion is formulated according to which such functions traditionally ascribed to consciousness, such as coordinating the work of highly specialized “intellectual” subsystems of the brain and providing them with quick access to informational resources of memory, providing second-order intentions and regulating complex behavior, can be successfully implemented by “automatic brains” carrying out processing information coming from outside and forming the most adequate model of behavior exclusively at the “hardware” level. All this may testify in favor of the hypothesis of the epiphenomenal nature of consciousness and the absence of the influence of consciousness on the processes of biological evolution. Certain aspects of this problem are considered from the position of the hypothesis about the possibility of endowing subjective states in general and consciousness, as the most complex form of realizing subjective states, in particular, with the status of a fundamental property of matter, irreducible to any of the already known properties.

Keywords: difficult problem of consciousness, adaptive functions, natural selection, epiphenomenon, complex behavior

For citation: Pronin K. V. The role of consciousness in evolutionary history: An epiphenomenon or a decisive adaptive factor in natural selection. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 45–49 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-45-49>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вопрос о том, что представляет собой человеческое сознание, всегда занимал исключительное место в истории науки. Это обусловлено, прежде всего, двумя факторами – его практической значимостью и чрезвычайной трудностью для научного разрешения.

Помимо этики, где вопрос о наличии или отсутствии сознания имеет решающее значение для причисления к привилегированному классу существ, чей моральный статус гарантирует (или, по крайней мере, провозглашает) учет их интересов [1, с. 12], сознание традиционно рассматривалось как наиболее совершенный инструмент познания окружающей действительности. С развитием квантово-механической парадигмы в физике становится очевидным, что феномен сознания не только играет ключевую роль для гносеологии, но и оказывает прямое воздействие на «внешний мир» одним только актом сознательного наблюдения за квантово-механическими процессами, тем самым вторгаясь в область онтологии. Как пишет Р. Пенроуз, «зарождение сознания было неизбежно благодаря тому факту, что сознательные существа ... должны были присутствовать, чтобы наблюдать этот мир» [2, с. 351]. Кроме того, проблема сознания получила новый вектор развития с появлением таких исследовательских областей, как искусственный интеллект и компьютерные науки.

Что касается сложности разрешения рассматриваемой проблемы, то даже само ее название – «трудная проблема сознания» – свидетельствует о тех исключительных трудностях, с которыми сталкиваются исследователи в попытке объяснить данный феномен. Если вплоть до конца XIX в. еще можно было, оставаясь в русле «серьезной» науки, использовать для объяснения сознания различные интерпретации картезианского концептуального аппарата, то в настоящее время «дуализм и витализм выброшены на свалку истории вместе с алхимией и астрологией» [1, с. 30]. С другой стороны, кризис радикального бихевиоризма во второй половине XX в. с его попытками тотального игнорирования любых внутренних ментальных процессов и свойств ясно показал, что построить адекватную модель человеческого разума без учета феномена субъективных состояний и, в частности, сознания, невозможно.

Следует констатировать, что в настоящее время отсутствует сколько-нибудь убедительная теория, способная объяснить центральную проблему сознания: как субъективные переживания могут порождаться физическими явлениями и как, в свою очередь, они могут оказывать воздействие на сами физические явления. Консенсуса удалось достигнуть только в вопросе грубой локализации

тех самых физических явлений, порождающих субъективные переживания. Но о том, что именно головной мозг является «материальной основой» сознания, догадывались еще древнегреческие мыслители. Да, в вопросах, связанных с установлением локализации мозговых структур, задействованных в обеспечении тех или иных психических функций и процессов, достигнут значительный прогресс благодаря стремительному развитию аппаратно-технического обеспечения и появлению новых методик по исследованию активности головного мозга. Однако пролить свет на принципиальный вопрос о том, какое место сознание занимает в физической картине мира, в исследованиях по поиску «нейронных коррелятов сознания» пока так и не удалось.

Более того, открытым остается, казалось бы, намного более простой вопрос об эволюционной роли сознания, т. е. о том, получает ли обладатель сознания какие-либо адаптивные преимущества в процессе естественного отбора. Вопрос этот возникает отнюдь не из праздного любопытства. Как отмечает В. С. Рамачандран, «в биологических системах существует глубокое единство структуры, функционирования и происхождения. Вы не сможете достичь значительного прогресса в понимании какого-либо одного из этих вопросов, если не обращаете пристального внимания на два других» [3, с. 4]. Поэтому вопрос об адаптивных функциях сознания может оказаться недостающим «ключом» к разрешению «трудной проблемы».

Существует сильное искушение «с ходу» дать на него положительный ответ на том основании, что «...если сознание не служит целям селекции, то зачем природа занялась созданием “сознательных” разновидностей мозга, тогда как не наделенные сознанием “мозги-автоматы” ... могли бы функционировать не менее успешно?» [2, с. 330].

Однако следует исходить из того, что теоретически эволюционная успешность вполне может обеспечиваться и «мозгами-автоматами», осуществляющими переработку поступающей извне информации и формирующими наиболее адекватную модель поведения исключительно на «аппаратном»¹ уровне за счет чрезвычайной сложности и изощренности его конструкции. Использование термина «мозг-автомат» не должно

¹ В данном контексте под «аппаратным» уровнем понимается любой *материальный* элемент организма, конструктивно предназначенный для осуществления управляющего воздействия на другие материальные элементы организма или их физические, химические или физиологические свойства с целью обеспечения адаптивного поведения данного организма.

вводить в заблуждение. Сведение всех процессов обработки информации к аппаратному уровню отнюдь не означает автоматическое сведение этих процессов только к алгоритмическим (вычислимым) процедурам. Именно на аппаратном уровне, благодаря физическим, химическим или физиологическим свойствам материального носителя, возможна реализация эффектов, о которых писал Л. М. Чайлахян [4], и которые позволяют избежать тех проблем (в частности «комбинаторного взрыва»), с которыми неизбежно сталкиваются любые модели мышления, основанные исключительно на «компьютерной метафоре». Так, Б. Баарс отводит сознанию функцию «центрального процессора», координирующего совместную работу всех узкоспециализированных «процессоров» (отвечающих за отдельные «интеллектуальные» функции), а также обеспечивающего общий доступ подсистем мозга к «глобальной рабочей области». Под «глобальной рабочей областью» Б. Баарс понимает некую гипотетическую структуру мозга, которая содержит «осознаваемую» в текущий момент времени информацию [5, с. 109].

Обращает на себя внимание тот факт, что вся терминология, использованная Б. Баарсом для описания «сознательных» процессов обработки информации в структурах мозга, целиком и полностью основана на компьютерной метафоре и практически не выходит за рамки аппаратного уровня. Даже на современном уровне развития компьютерной техники реализация общего доступа нескольких «сопроцессоров» к единой информационной базе не вызывает принципиальных трудностей. Таким образом, необходимость в «осознании» какой бы то ни было информации в рамках гипотезы «единой рабочей области» Б. Баарса вызывает определенные сомнения.

Еще больше сомнений вызывает попытка обосновать существование феномена сознания адаптивной пользой «интенций второго порядка». Как указывает Д. Деннет, интенциональная система S будет системой второго порядка, если мы приписываем ей, например, следующее: « S думает, что T желает, чтобы p » [6, с. 141]. Если тигр способен мысленно поставить себя на место антилопы во время охоты и тем самым предугадать ее поведение, это существенно повышает вероятность удачного завершения охоты. С другой стороны, если такой способностью обладает потенциальная жертва, то у нее гораздо больше шансов избежать когтей хищника.

Однако в природе чрезвычайно сложное поведение очень часто демонстрируется организмами с достаточно примитивной организацией нервной системы, не позволяющей предположить

наличие у них возможности осуществлять даже интенции первого порядка. Так, способность к обману, безусловно, следует рассматривать как интенцию второго порядка – «система A , зная, что выполняется условие p , пытается убедить систему B , что условие p не выполняется». Палочник в случае опасности «притворяется», как следует из его названия, палочкой на ветке растения. А если такой «обман» не удастся, насекомое может «попытаться инсценировать» собственную смерть. Однако мало кому в голову придет мысль «заподозрить» палочника в *сознательном* поведении. Аналогичным образом в основе поведения куропатки, отвлекающей от своего гнезда хищника с помощью уловки с поврежденным крылом, лежит не сознательный обман, а заложенный на аппаратном уровне инстинкт. Поэтому слово «уловка» в данном случае тоже следует взять в кавычки.

Предполагается, что одна из основных функций сознания как раз и заключается в регуляции сложного поведения, включая произвольный выбор действия и его поддержание [7, с. 235]. Однако, помимо значительных трудностей с теоретическим обоснованием механизма реализации сознательного управления поведением на недетерминистических началах, существуют отдельные экспериментальные данные [2, 7], свидетельствующие скорее в пользу эпифеноменальной природы сознания. Суть этих экспериментов заключалась в измерении аппаратными методами мозговой активности, возникающей при принятии сознательного решения внезапно «по своему усмотрению» осуществить некоторое простое движение. Оказалось, что специфическая мозговая активность возникала за 1–1,5 с до начала выполнения движения и не сопровождалась осознаваемыми субъективными переживаниями. В трактовке результатов этих экспериментов наблюдается довольно широкий диапазон мнений. Р. Пенроуз ограничивается осторожным выводом о том, что сознание не может быть задействовано там, где ответная реакция на внешнее событие должна занимать не более 2 с [2, с. 357]. Другие исследователи считают, что эти результаты свидетельствуют о том, что «мозг принимает “волевое решение” раньше, чем это решение становится доступно самому субъекту» и, следовательно, «сознательное решение никак не может быть причиной произвольного действия, поскольку не предшествует ему во времени» [7, с. 236].

Все это настойчиво подталкивает к выводу об отсутствии какой бы то ни было адаптивной роли сознания в процессе естественного отбора. Более того, если рассматривать мозг на

всех известных к настоящему времени уровнях организации как физическую, химическую, биологическую и даже информационную системы, мы будем поражены конструктивной сложностью и согласованностью функционирования отдельных элементов системы, разнообразием различных эффектов и явлений, задействованных в обеспечении работы мозга, однако для объяснения всего этого многообразия феноменов нам не потребуется ничего, что бы выходило или могло потребовать выхода (еще далеко не все детали функционирования мозга как *материального* объекта нам досконально известны) за рамки фундаментальных законов природы, которым подчиняются все остальные элементы окружающей действительности. Как отмечает Д. Чалмерс, если бы это не было прямо засвидетельствовано с позиции первого лица, у нас вообще не было бы убедительных оснований постулировать существование сознательного опыта [8, с. 21]. И даже Р. Пенроуз, последовательный сторонник «активной» роли сознания в процессе естественного отбора, вынужден признать за сознанием возможную «роль простого “зрителя” – в противном случае нам придется так или иначе подтасовывать физические законы, чтобы не нарушить естественное развитие событий» [2, с. 360].

Однако окончательные выводы по этому вопросу делать пока преждевременно. Возможно, как предупреждает Д. Деннет, нам придется свикнуться с тем удивительным фактом, что не все открыто для исследования [1, с. 20]. Если применить к сознанию широко распространенную метафору зеркала, отражающего независимо от него существующую окружающую действительность, то попытки использовать сознание в качестве инструмента исследования самого себя будут равносильны попыткам увидеть что-то в отражении двух зеркал, установленных друг против друга. И ничего, кроме «дурных бесконечностей» и вечной регрессии, нам увидеть не суждено.

Возможно, именно «подтасовывание физических законов» окажется тем единственно правильным путем, который позволит подступиться к разгадке «трудной проблемы» сознания. Не исключено, что за механизмом возникновения субъективных состояний вообще и сознания как наиболее сложной формы реализации субъективных состояний в частности нам придется признать статус фундаментального свойства материи, несводимого ни к одному из уже известных свойств. Квантовая механика, как ни одна другая область физики, вынуждена тесно соприкасаться с фактом существования разума. Когда-то только химия и молекулярная биология

позволили понять те механизмы, которые лежат в основе процесса эволюции всего живого на Земле. Возможно, ответы на многие вопросы о сознании снова следует искать в микромире теперь уже на квантовом или субквантовом уровне. Тогда роль сознания как формы реализации нового фундаментального свойства материи в процессе естественного отбора будет всецело определяться уровнем его взаимодействия с остальными свойствами материи – может ли оно играть «активную роль» на привычном нам макроуровне материального мира.

Кроме того, нельзя исключать, что решение рассматриваемых проблем потребует выхода за пределы натуралистической парадигмы. В этом плане особый интерес представляют те «ненатуралистические» подходы (например, концепция Е. М. Иванова «экстрасоматической компоненты функции сознания» [9]), которые адекватно вписываются в существующую естественнонаучную картину мира и лежащие в ее основе постулаты, в частности о каузальной замкнутости физического мира.

Список литературы

1. Деннет Дэниел С. Виды психики : на пути к пониманию сознания. М. : Идея-Пресс, 2004. 184 с.
2. Пенроуз Р. Новый ум короля : о компьютерах, мышлении и законах физики. М. : Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
3. Рамачандран В. С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. М. : Карьера Пресс, 2014. 422 с.
4. Чайлахян Л. М. Искусственный интеллект и мозг (Можно ли моделировать мозг средствами искусственного интеллекта?) // Новости искусственного интеллекта. 2001. № 4. С. 29–43. URL: <https://raai.org/library/ainews/getainews.php?2001> (дата обращения: 09.10.2021).
5. Баарс Б. Когнитивная теория сознания. URL: https://www.herzen.spb.ru/uploads/petryarkin/files/Баарс_когнитивная_%20теория_сознания.pdf (дата обращения: 09.10.2021).
6. Деннет Дэниел С. Условия присутствия личности // Логос. 2003. № 2 (37). С. 135–153.
7. Печенкова Е. В., Фаликман М. В. Сознание и мозг : когнитивная наука по обе стороны психофизической проблемы // Когнитивная психология : феномены и проблемы : сборник статей / под ред. В. Ф. Спиридонова. М. : Ленанд, 2014. С. 229–255.
8. Чалмерс Д. Сознательный ум : В поисках фундаментальной теории. М. : УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013. 512 с.
9. Иванов Е. М. Тупики натуралистических теорий сознания и выход из них // Философская мысль. 2019. № 6. С. 13–38. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30360 (дата обращения: 05.11.2021). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.6.30360>

References

1. Dennett Daniel C. *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness*. New York, Basic Books, 1997. 192 p. (Russ. ed.: Dennet Daniel C. *Vidy psikhiki: na puti k ponimaniyu soznaniya*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2004. 184 p.).
2. Penrose R. *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and The Laws of Physics*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 640 p. (Russ. ed.: Penrouz R. *Novyy um korolya: o kompyuterah, myshlenii i zakonah fiziki*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 384 p.).
3. Ramachandran V. S. *The Tell-Tale Brain: A Neuroscientist's Quest for What Makes Us Human*. New York, W. W. Norton & Company, 2011. 357 p. (Russ. ed.: Ramachandran V. S. *Mozg rasskazyvaet. Chto delaet nas lyudmi*. Moscow, Kar'era Press Publ., 2014. 422 p.).
4. Chaylahyan L. M. Artificial intelligence and the brain (Is it possible to model the brain using artificial intelligence?). *Novosti iskusstvennogo intellekta* [Artificial Intelligence News], 2001, no. 4, pp. 29–43. Available at: <https://raai.org/library/ainews/getainews.php?2001> (accessed 9 October 2021) (in Russian).
5. Baars B. *A cognitive theory of consciousness*. New York, Cambridge University Press, 1988. 448 p. (Russ. ed.: Baars B. *Kognitivnaya teoriya soznaniya*. Available at: https://www.herzen.spb.ru/uploads/petryarkin/files/Baars_kognitivnaya_%20teoriya_soznaniya.pdf (accessed 9 October 2021) (in Russian)).
6. Dennett Daniel C. *Conditions of Personhood*. *Logos* [Logos], 2003, no. 2 (37), pp. 135–153 (in Russian).
7. Pechenkova E. V., Falikman M. V. Consciousness and the brain: cognitive science on both sides of the psychophysical problem. In: Spiridonov V. F., ed. *Kognitivnaya psikhologiya: fenomeny i problemy* [Cognitive Psychology: Phenomena and Problems]. Moscow, Lenand Publ., 2014, pp. 229–255 (in Russian).
8. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford, Oxford University Press, 1996. 432 p. (Russ. ed.: Chalmers D. *Soznayushchiy um: v poiskakh fundamentalnoy teorii*. Moscow, URSS Publ., Knizhnyy dom "Librokom" Publ., 2013. 512 p.).
9. Ivanov E. M. Deadlocks of naturalistic theories of mind and the way out. *Filosofskaya mysl* (Philosophical Thought), 2019, no. 6, pp. 13–38. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30360 (accessed 5 November 2021) (in Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.6.30360>

Поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 09.11.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 28.10.2021; approved after reviewing 09.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья

УДК 115.4:316.421

Хронохакинг: между мысленным экспериментом и девиациями цифровых решений

С. В. Тихонова

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, ¹профессор кафедры теоретической и социальной философии; ²профессор кафедры философии, культурологии и социологии, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Аннотация. Статья посвящена феномену хронохакинга, взлому времени в различных режимах цифровой темпоральности. Хронохакинг рассматривается как результат экспансии биохакинговых практик гражданской науки в нейронауки. В качестве методологической основы исследования использовалась парадигма СТС, рабочий подход – латурнианская акторно-сетевая теория, позволяющая фиксировать разнообразные сети актантов, формирующиеся благодаря различным способам измерения времени. Цифровая темпоральность рассматривается как совокупность цифровых хронополитик, режимов управления временем различных активностей в средах, формируемых цифровыми ресурсами. Эпистемическая и прагматическая возможности хронохакинга, по мнению автора, заданы двумя полюсами – теоретическим и технологическим. Теоретическим полюсом выступает мысленный эксперимент как моделирование невозможных или маловероятных ситуаций. В рамках мысленного эксперимента аккумулируются представления о том, как меняется социальная реальность в условиях изменения базовых объективных характеристик времени, к каким социальным последствиям приведет различие в течении и направлении времени. Технологическим полюсом является разработка конкретных цифровых ресурсов индустрии тренировки мозга, используемых для калибровки восприятия времени, соматической дрессуры погружения в конкретный темпоральный контекст. В качестве кейса индустрии тренировки мозга, включающей нейрохакингские разработки, используется компьютерная игра EndeavorRX – лекарственное средство для детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности. Развитие самой индустрии усиливает рост числа разногласий и новых компромиссов между наукой, гражданской наукой и потребителями. Важную роль в этом процессе играют «анекдотические данные» о девиациях в применении нейротехнологий, эпистемический статус которых близок по непроверяемости к мысленному эксперименту.

Ключевые слова: СТС, хронополитика, цифровая темпоральность, гражданская наука, биохакинг, нейрохакинг, хронохакинг

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований («Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики» № 20-011-00297).

Для цитирования: Тихонова С. В. Хронохакинг: между мысленным экспериментом и девиациями цифровых решений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 50–54. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-50-54>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Chronohacking: Between a thought experiment and deviations of digital solutions

S. V. Tikhonova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya St. Petersburg St., Veliky Novgorod 173003, Russia

Sophia V. Tikhonova, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Abstract. The article deals with the phenomenon of chronohacking, hacking of time in different modes of digital temporality. The author considers chronohacking as a result of the expansion of biohacking practices of civil science into neuroscience. Methodological basis of the study is the STS paradigm, the working approach is the Laturnian actor-network theory, which allows to fix a variety of networks of actors formed due to various ways of measuring time. Digital temporality is considered as a set of digital chronopolitics, time management modes of various activities in environments formed by digital resources. The epistemic and praxeological possibility of chronohacking, according to the author, is set by two poles, theoretical and technological. The theoretical pole is a thought experiment as a simulation of impossible or unlikely situations. Within the

framework of a thought experiment, ideas are accumulated about how social reality changes in the conditions of changes in the basic objective characteristics of time, to what social consequences the difference in the course and direction of time will lead. The technological pole is the development of specific digital resources of the brain training industry used to calibrate the perception of time, somatic training of immersion in a specific temporal context. As a case study of the brain training industry, which includes neurohacking developments, the computer game EndeavorRX is used – a medicinal agent for children with attention deficit hyperactivity disorder. The development of this industry itself increases the number of disagreements and new compromises between science, civil science and consumers, an important role in this process is played by “anecdotal evidence” about deviations in the use of neurotechnologies, the epistemic status of which is close to the thought experiment in terms of non-verifiability.

Keyword: STS, chronopolitics, digital temporality, civil science, biohacking, neurohacking, chronohacking

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No.20-011-00297 “Time mythologization in the modern media environment: the risks of transformation, construction strategies, discursive practices”).

For citation: Tikhonova S. V. Chronohacking: Between a thought experiment and deviations of digital solutions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 50–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-50-54>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из примет цифровой эпохи является новый этап в развитии науки, ее поворот к «простому человеку». Концепты «открытой науки», «персонализированной науки», «гражданской науки» отражают тенденцию переориентации научного познания на потребности конкретного индивида, связанные с самопроектированием и саморазвитием. Потребление научных данных и наукоемких технологий все чаще подчиняется логике лайфхака, хитроумного приема, приспособляющего наличные ресурсы к решению актуальных повседневных задач. Взлом науки означает возможность ее присвоения неинкорпорированными агентами, равнозначен открытию элитарного и закрытого для широких масс. Как считает А. Делфанти, взломать биологию значит не взломать ДНК, гены и клетки, а «изменить и рекомбинировать технонаучные культуры и научные учреждения» [1, р. 130]. Именно поэтому отличительным признаком биохакерских практик является демонстрация «ремикса культур, обновляющих более традиционный научный этос элементами, пришедшими из хакерства и бесплатного программного обеспечения» [1, р. 1]. Широкое распространение решений с открытым доступом во многом воспроизводит идеологию открытого доступа классических IT-хакеров, перенося ее на человеческую природу. Самоулучшение человека в рамках движения “do-it-yourself” (DIY) во втором десятилетии нынешнего века начало свою интервенцию в область нейронаук, выбрав в качестве цели совершенствование работы человеческого мозга. В результате домашних экспериментов биохакерские практики гражданской науки переросли в нейрохакинг, который А. Векслер определяет как деятельность людей, стремящихся «оптимизировать свой мозг для достижения более высокой производительности» [2, р. 224].

Появление практик нейрохакинга связано с весьма широким спектром самоулучшений. В рамках этой статьи в фокусе исследовательского внимания окажется хронохакинг как стратегия

взлома времени на основе нейротехнологий. Применение последних весьма вариативно и может быть описано в рамках латурнианского акторно-сетевого подхода, чувствительного, во-первых, к многообразию сетей актантов, включающих самые разные виды технологических нечеловеков, и, во-вторых, к способам перераспределения экспертного знания. Второе направление акторно-сетевой методологии представляет идеями о силовом поле разногласий как источнике новых способов отношений между наукой и демократией [3]. Несогласным всегда приходится открывать новые пути, тем самым обеспечивая расширение горизонтов. Вряд ли кто из живых людей согласен с необратимостью и конечностью времени человеческой жизни, а потому интерес к хронохакингу предполагает обращение к самым различным репертуарам перемещений и моделирования темпоральных режимов.

Цифровые стратегии нейрохакинга инициируют модификацию сетевых хронополитик, появляющихся там, где активности квантифицируются на основе цифровых технологий. Часовое время сегодня уживается с компьютерным временем, временем смартфонов и временем quantified self гаджетов, онлайн-время гибридуется с офлайн-временем часовых поясов, а время повседневности дробится на школьное, офисное, досуговое, культурное, время шопинга и т.п. Различные модусы повседневной темпоральности формируются на основе разных способов измерять и демонстрировать время, синхронизируясь в стратегиях множественной хронополитики, учитывающей биологические и социальные ритмы. Все более актуальным становится вопрос о том, как возможен хронохакинг во множественных режимах цифровой темпоральности, комбинирующей широкий спектр хронополитик?

Ответ на этот вопрос задан двумя полюсами – теоретическим и технологическим. Во-первых, это стратегии мысленного эксперимента,

отрабатывающего принципиально возможные логики игр со временем. Во-вторых, это конкретные цифровые среды и девайсы, поддерживающие нетипичные способы переживания времени. Рассмотрим их подробнее.

Начнем с теоретического полюса мысленного эксперимента, для которого необходимо отразить последствия изменений в направлении времени. В реальности возможно наблюдение за изменениями в восприятии времени, однако смоделировать среду так, чтобы время поменяло свое направление или совпали изменения в его восприятии большого числа людей, нельзя, во всяком случае до тех пор, пока мы не научимся приближаться к черным дырам или воспроизводить их. Кроме того, изменения в восприятии времени связаны в основном с нарушениями работы центральной нервной системы и сами по себе отнюдь не безобидны. Поэтому моделирование изменения времени осуществляется в формате мысленного эксперимента и требует такого значимого человеческого ресурса, как воображение.

Как справедливо отмечает Т. А. Вархотов, связь воображения и мысленного эксперимента куда чаще демонстрируется, чем раскрывается, и самой яркой такой демонстрацией является метафора Дж. Брауна, согласно которой все, что можно сказать определенного о мысленных экспериментах, это то, что они ставятся в лаборатории разума [4, с. 201]. Лаборатория разума, основанная на воображении, отличается весьма широким спектром техник и приемов, в конце концов, на то оно и воображение, чтобы представлять невероятное. Тем не менее практика мысленных экспериментов существенно различается в зависимости от используемых объектов и поставленных задач. Д. Н. Дроздова приводит различные подходы к типологизации мысленного эксперимента, отмечая, что критерием типологии могут быть как характер отношения с проверяемой научной теорией (критический, эвристический, апологетический), так и способ использования в научной аргументации (деструктивный и конструктивный и их подвиды) [5].

Изначально мысленный эксперимент формировался как разновидность логического аргумента в естествознании. Согласно данным А. А. Шевченко в XIX в., когда было сформулировано понятие «мысленный эксперимент», его рассматривали как полную аналогию и часть эксперимента физического, тогда как в наше время «мысленный эксперимент используется в тех случаях, когда проведение реального эксперимента или невозможно, или затруднено по тем или иным причинам» [6, с. 57]. Переход

эксперимента в поле философии всегда предполагает внимание к вымышленным ситуациям, многие философские проблемы (особенно это характерно для этики при выдвигании моральных дилемм [7, с. 33]) по формулировке являются мысленными экспериментами. Т. А. Вархотов отстаивает позицию, согласно которой мысленный эксперимент – это «предельный вывод из заданных посылок, где предполагается, что посылки и вывод относятся к действительности; как правило, мысленный эксперимент имеет форму модели» [8, с. 404]. Иначе говоря, данные, полученные в результате мысленного эксперимента, отнюдь не отличаются той степенью надежности, которую обеспечивают эксперименты реальные. Время – один из таких объектов. Никто никогда не проверял эмпирически эффекты близнецов, бабочки, Бенджамина Баттона и других в силу отсутствия реальной возможности их проверить. Тем не менее опыт представления того, как могут восприниматься рассогласования, реверсии и рекурсии времени, мысленными экспериментами науки, философии и культуры накоплен в весьма солидном объеме. Этот опыт открывает широкие возможности для перехода от моделирования изменения направления времени к управлению распределения собственной активности в личном времени, предполагающему понимание множественности темпоральных режимов, т.е. речь идет о переходе от теоретических конструкций к технологическим.

К технологическому полюсу отнесены цифровые решения конкретных задач, связанных с восприятием времени. Частным случаем нарушений управления ритмами собственной активности, весьма при этом распространенным, является синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), неврологическо-психическое расстройство, развитие которого начинается в детском возрасте (встречается у 5% детского населения [9]). В основе расстройства лежат нарушения функционирования центральной нервной системы, вызывающие трудности с концентрацией и поддержанием внимания, и, как следствие, нарушения памяти. Дети с этим синдромом сталкиваются с серьезными проблемами при школьном обучении в силу своей невнимательности и неспособности долго сосредоточиваться на одном виде деятельности. По мнению Н. Н. Заваденко, синдром начинается с гиперактивности и импульсивности в раннем детстве, в школьные годы перетекает в сложности с вниманием при обучении, в подростковом возрасте «становятся очевидными отсутствие самостоятельности, неспособность работать без посторонней помощи, низкая успеваемость в школе, частые конфликты

с окружающими, плохие взаимоотношения со сверстниками, тревожность и низкая самооценка. Одновременно могут наблюдаться рискованное поведение, трудности в соблюдении правил, подчинении нормам и законам» [9, с. 32]. В итоге проблемы, связанные со СДВГ, сохраняются у 50% пациентов во взрослом возрасте, хотя диагностические критерии МКБ-10 не отражают возрастную динамику развития синдрома. Произвольное внимание как осознанная избирательная направленность восприятия тесно связано с процессами возбуждения и торможения нервной системы и в конечном счете со способностью человека управлять ритмами своей активности и приспособляться к ним. В этом качестве оно является основой темпорального суверенитета личности, поскольку обеспечивает переключение с выполнения разных задач в конкретные интервалы времени.

Лечение СДВГ традиционно является комплексным, лекарственная терапия сочетается с поведенческой и психотерапией, педагогической коррекцией и просветительской работой. В рамках данной статьи крайне любопытным кейсом являются попытки использовать компьютерные игры как лекарственное средство при СДВГ. С одной стороны, для детей со СДВГ существует повышенный риск игровых аддикций. С другой стороны, и родители, и педагоги отмечали пользу для них компьютерных игр формата «тетрис», «три в ряд», «найди предмет», «запомни и повтори». Широкое хождение имеют подборки игровых приложений для смартфонов и планшетов, созданные пользователями для детей со СДВГ (например, игры компании Fox and Sheep? <https://n-e-n.ru/bestapps/>).

В 2020 г. впервые в мире студия Akili Interactive смогла добиться того, чтобы разработанная ею игра EndeavorRX была разрешена FDA (Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США) в качестве рецептурного лечения СДВГ для возрастной группы 8 – 12 лет (<https://www.endeavorrx.com/treatment/>). Саму игру разработчики позиционируют как медицинское устройство, использование которого (продолжительность курса и сеансов) контролируется лечащим врачом и не заменяет приема других лекарств. В разработке игры участвовали нейробиологи, задачей которых было смоделировать красочную цифровую среду, в которой сенсорные стимулы и одновременные двигательные задачи активизируют разные области мозга, играющие ключевую роль в поддержании внимания. Игра учит избеганию отвлекающих факторов, погружая ребенка в многозадачную активность.

Итак, конкретная цифровая платформа выступает площадкой своеобразной соматической дрессуры игрока-пациента, помогая ему выстраивать темпоральный контекст. Описанный кейс не является единичным, в последние годы складывается целая индустрия тренировки мозга. Она становится значимой площадкой тестирования взаимодействия ученых, представителей гражданской науки и потребителей и накопления так называемых «анекдотических данных», т.е. сведений, полученных пользователями в результате нарушения стандартных протоколов [10, с. 20]. Анекдотические данные имеют весьма неоднозначный эпистемический статус, близкий к результатам мысленного эксперимента. С одной стороны, они не проверены и не обоснованы, отличаясь характером незапланированной девиации. С другой, при этом они способны влиять на моделирование нейро- и хронохакерских практик, поскольку обнажают уязвимости и несовершенства внедряемых технологических решений.

Таким образом, эпистемическая и праксеологическая возможность хронохакинга задана противоречивым отношением мысленного эксперимента и конкретных цифровых решений, моделирующих нестандартный темпоральный режим.

Список литературы

1. *Delfanti A.* Biohackers. The Politics of Open Science. London : PlutoPress, 2013. 176 p.
2. *Wexler A.* The Social Context of “Do-It-Yourself” Brain Stimulation: Neurohackers, Biohackers, and Lifehackers // *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 11 (May 2017), p. 224.
3. *Whatmore S.* Mapping knowledge controversies: science, democracy and the redistribution of expertise // *Progress in Human Geography*. 2009. Vol. 33 (5). P. 587–598. <https://doi.org/10.1177/0309132509339841>
4. *Вархотов Т. А.* Воображение как граница понимания : о функции воображения в мысленных экспериментах // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. Вып. 2 (24). С. 199–224. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-2-199-224>
5. *Дроздова Д. Н.* Использование мысленных экспериментов в современной экспериментальной философии // *Радио.гу*. 2018. № 1 (19). С. 53–69.
6. *Шевченко А. А.* Мысленные эксперименты как нормативные модели // *Философия науки*. 2018. № 2 (77). С. 55–68. <https://doi.org/10.15372/PS20180205>
7. *Троцкий К. Е.* Гипотеза подлинной моральной дилеммы и метод мысленного эксперимента в этике // *Этическая мысль*. 2021. Т. 21, № 1. С. 24–39. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2021-21-1-24-39>
8. *Вархотов Т. А.* Мысленный эксперимент как средство исследования в общественных науках // *Ученые записки Таврического национального университета*

- имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2012. Т. 24, № 4 (65). С. 399–405.
9. *Заваденко Н. Н.* Синдром дефицита внимания и гиперактивности: новое в диагностике и лечении // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. № 1. С. 31–39.
  10. *Петров К. А.* Картографируя разногласия в нейронауках: пластичный мозг и «анекдотические данные» // Социология власти. 2020. Т. 32, № 2. С. 183–207. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-2-183-207>
  1. *Delfanti A.* *Biohackers. The Politics of Open Science.* London, PlutoPress, 2013. 176 p.
  2. *Wexler A.* The Social Context of “Do-It-Yourself” Brain Stimulation: Neurohackers, Biohackers, and Lifehackers. *Frontiers in Human Neuroscience*, vol. 11 (May 2017), pp. 224.
  3. *Whatmore S.* Mapping knowledge controversies: science, democracy and the redistribution of expertise. *Progress in Human Geography*, 2009, vol. 33 (5), pp. 587–598. <https://doi.org/10.1177/0309132509339841>
  4. *Varkhotov T. A.* Imagination as the boundary of understanding: on the function of imagination in thought experiments. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki* [Praxeme. Problems of Visual Semiotics], 2020, iss. 2 (24), pp. 199–224 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-2-199-224>
  5. *Drozdova D. N.* The use of thought experiments in modern experimental philosophy. *Ratzio.ru* [Ratio.ru], 2018, no. 1 (19), pp. 53–69 (in Russian).
  6. *Shevchenko A. A.* Thought experiments as normative models. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2018, no. 2 (77), pp. 55–68 (in Russian). <https://doi.org/10.15372/PS20180205>
  7. *Troitskiy K. E.* The hypothesis of a genuine moral dilemma and the method of thought experiment in ethics. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2021, vol. 21, no. 1, pp. 24–39 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2021-21-1-24-39>
  8. *Varkhotov T. A.* A thought experiment as a means of research in social sciences. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. Series: Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Sociology], 2012, vol. 24, no. 4 (65), pp. 399–405 (in Russian).
  9. *Zavadenko N. N.* Attention deficit hyperactivity disorder: New in diagnosis and treatment. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University], 2014, no. 1, pp. 31–39 (in Russian).
  10. *Petrov K. A.* Mapping differences in neuroscience: Plastic brain and “anecdotal data”. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2020, vol. 32, no. 2, pp. 183–207 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-2-183-207>

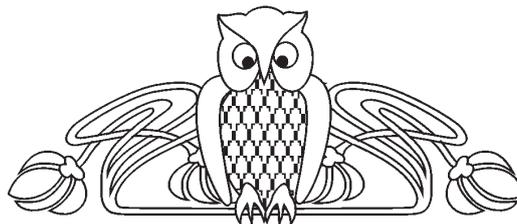
Поступила в редакцию 07.11.2021; одобрена после рецензирования 14.11.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 07.11.2021; approved after reviewing 14.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 55–58
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 55–58
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-55-58>

Научная статья
УДК 1(470+571)(09)+929Франк

С. Л. Франк: диалектика соборности

А. В. Тонковидова

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Россия, 350015, г. Краснодар, ул. Буденного, д. 161

Тонковидова Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, tonkovidova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2756-9577>

Аннотация. Концепт соборности в философии С. Л. Франка рассмотрен на основании диалектического подхода. Соборность раскрывается в «диалектике нераздельно-неслиянного» двуединства, богочеловечности человека в социальной реальности от абстрактных форм к конкретному своему звучанию в определяемых нами на основании обращения к гегелевским текстам значениях бытия, сущности и понятия. В выделяемой в работах С. Л. Франка религиозной социальности присутствует бытийная форма соборности, в светской социальности прослеживается сущностная форма соборности, в религиозно-светской социальности – понятийная форма соборности. В своем онтологическом значении соборность целостна, едина, а ее раздельность связана с личностью, через деятельность которой и происходит актуализация соборности. Изолированный индивид по Франку – это абстракция, человек подлинно реален лишь в «соборном бытии». Каждому уровню раскрытия соборности соответствует тип личности и деятельности. Становление личности происходит не под влиянием личных субъективных потребностей, а в требовании божественной реальности. Человек родственен с этой реальностью в своей «спонтанности», или свободе. Общественный идеал основывается на религиозных ценностях и воплощается в деятельности личности, реализующей соборность в социальной реальности. Соборность лежит в основании социальности.

Ключевые слова: С. Л. Франк, соборность, «диалектика нераздельно-неслиянного» двуединства, социальность, богочеловечество

Для цитирования: Тонковидова А. В. С. Л. Франк: диалектика соборности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 55–58. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-55-58>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

S. L. Frank: The dialectic of sobornost

A. V. Tonkovidova

Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, 161 Budenny St., Krasnodar 350015, Russia

Anna V. Tonkovidova, tonkovidova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2756-9577>

Abstract. The concept of sobornost in the philosophy of S.L. Frank is considered on the basis of a dialectical approach. Sobornost is revealed in the “dialectic of inseparable-unmerged” bi-unity, the divine-humanity of a man in social reality from abstract forms to its concrete expression, each stage reached qualitatively or categorically changes our being, making up for our potentiality with partial relevance. In its ontological meaning, sobornost is integral, united, and its separation is associated with the personality, through whose activity various forms of sobornost are actualized. In the religious sociality distinguished by the authors, there is an existential form of sobornost, and in secular sociality, the essential form of sobornost is traced, in religious-secular sociality we can speak of the conceptual form of sobornost. An isolated individual, according to Frank, is an abstraction; a person is truly real only in “conciliar being”. Each level of disclosure of sobornost corresponds to a type of personality and activity. The formation of personality occurs not under the influence of personal subjective needs, but in the demand for the trans-subjective reality of God. A man is related to this reality in his “spontaneity” or freedom. The community has its origin in the sobornost, and the social ideal, which has religious grounds, must be fundamentally realizable, that is, we not only need to know moral principles, we must implement them, moving away from the meaning of the moral ideal as an abstract concept and moving on to the will of a man, the activity of a personality, which actualizes it.

Keywords: S. L. Frank, sobornost, dialectic of inseparable-unmerged bi-unity, sociality, God-manhood

For citation: Tonkovidova A. V. S. L. Frank: The dialectic of sobornost. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 55–58 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-55-58>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В связи с продолжающимися поисками оснований общественности и согласования в ней религиозности и светскости в диалектическом синтезе актуальным становится обращение к категории соборности, которая глубоко изучена в философии С. Л. Франка [1–3]. Вместе с тем остаются открытыми вопросы определения метода, отражающего раскрытие соборности в социальности, а также установления, каким образом происходит актуализация соборности в социальной реальности.

Обращаясь к первому вопросу, можно отметить, что исследователи наследия С. Л. Франка пишут о наличии в его работах отрицательной диалектики, антиномичности, «антиномического монодуализма», диалектики «Я–Ты–Мы» [4–7]. На наш взгляд, именно диалектика в аспекте «диалектики нераздельно-неслиянного» двуединства, богочеловечности человека служит основанием для рассмотрения соборности [8, с. 211]. По Франку мы не идем к состоянию богочеловечества, а находимся в нем. Человек на всех стадиях своего бытия выступает как «проводник» и соучастник актуализации высших начал и ценностей [9, с. 125]. Согласно С. Л. Франку история всего общества – это судьба Бога в сердце человека [9, с. 125]. Это означает, что онтологически соборность, всеединство как основание всего существуют целостно, а диалектика соборности связана с душой человека, который развивается и в религиозности, и в светскости, что свидетельствует о некоей «человечности» диалектики соборности [9, с. 174; 10].

С. Л. Франк отмечает, что все формы внешней организации общества выражают его внутреннее соборное единство, или соборность [9, с. 89]. Соборность, как считает С. Л. Франк, обладая онтологической необходимостью, может под воздействием внешней эмпирической необходимости по-разному находить свою актуализацию в действительности [9, с. 43]. Исходя из этого, можно выделить в учении С. Л. Франка описание религиозной, светской и религиозно-светской социальностей. Находясь в гегелевской традиции, мы обозначаем проявление соборности в социальном бытии как бытийный, сущностный и понятийный уровни раскрытия соборности [11].

Исходным этапом диалектического становления соборности в общественности в форме своей бытийности выступает религиозная социальность. С. Л. Франк для описания личности в ситуации религиозной социальности использует понятие «изгнанник» [8, с. 185]. Выделяются смирение и самоотдача как пути «обожения» человека [8, с. 210]. В человеке диалектически взаимосвязаны ничтожество, трагическое бессилие,

обреченность вне Бога и величие, спасенность, богочеловечность. В религиозной социальности присутствует религиозный аскетизм спасения, осознание себя частью иного, реального начала бытия Бога, трансцендирование за пределы самого себя [12, с. 176, 196]. Действует индивидуальное восхождение к Богу в акте самосознания, в «доме моей души» [8, с. 200]. Диалектика «сверхрационального отношения» присутствует в понимании богопознания, которое представлено в текстах Франка [8, с. 200].

Франк обозначает диалектический процесс перехода от бытийного статуса соборности в религиозной социальности к сущностному в светской социальности ввиду диалектики имманентного и трансцендентного, что приводит к возвеличанию человека и диалектическому противоречию ложного «оцерковления мира», влекущего ее обмирщение [9, с. 170]. Происходит отрицание нераздельно-неслиянного двуединства богочеловеческого [8, с. 220]. Диалектику также можно найти в текстах С. Л. Франка, где философ отмечает, что переход от религиозности к гуманизму произошел в виде «скачка» из одной крайности «веры в Бога» в другую – «веру в человека», который позиционирует себя как земной Бог [8, с. 219]. При этом вера сохраняется, меняется лишь ее объект. Франк выделяет диалектическое противоречие в безрелигиозном гуманизме между верой в безграничные возможности и мощь человека и верой либо в независимые нравственные ценности, которые от него самого не зависят, и в соответствии с которыми он должен реализовывать жизнь, либо в субъективные моральные правила, ведущие к обожествлению индивидуального и коллективного [8, с. 222].

Конкретная реальность – это реальность индивидуальной личности, которую Франк обозначает как «героизм» [8, с. 223]. Стирание человеческой личности происходит через отрицание религиозности и переход к идейности и принципиальности, которые приводятся к статусу «святости». Трагизм человеческого существования Франк усматривает в эгоизме, обособленности, противоборстве «я» и «ты», «я» и «они», одиночестве, «коренном и инстинктивном индивидуализме» светской социальности [9, с. 72].

Для светской социальности характерен и коллективизм, который называется «муравейником», подменяя собою соборность [8, с. 226]. Франк отмечает присутствие идеи «избранности» в светской социальности, в которой отражаются разделенность, выделение коллектива людей, провозглашающих себя земным Богом среди всех «неизбранных». Данную черту, или «избранность», Франк прослеживает и в религиозной

социальности, но в этом случае она носит религиозный характер и понимается как богоизбранность в достижении единства с Богом [8, с. 225]. «Избранные герои», или коллектив, реализуют «земное царство Божие» на основе корысти и антиморализма за счет «неизбранных», включаемых в «муравейник» [8, с. 226]. Происходит обожествление коллективной стихии человека, у которой отрицаются душа и личностный характер [8, с. 226]. Личность утрачивается в служении общественным идеалам и следовании дисциплине. С. Л. Франк отмечает такую черту светской социальности, как мученичество, выражающееся в «жертвах жизнью, достоянием» ради прогресса [12, с. 146; 9, с. 11].

Однако «герой» в светской общественности должен быть преодолен, так как его совершенство отрицается, присутствует стремление к сверхчеловеку, или человекобогу, подобное тому стремлению, что есть в христианстве – к «обоженному человеку». При этом нет четкого определения цели, а присутствует бесцельность. Отрицается богочеловеческое двуединство человека, подменяющееся самопревращением его в человекобога, или «бестиализмом», что ставит человека на уровень светской общественности в свете потухания человеческой личности [8, с. 229].

Франк отмечает, что в общественной жизни как в выделяемой нами светской социальности, так и в религиозной социальности, присутствует противоречие, связанное с борьбой солидарности и индивидуализма, центрированных и центробежных сил [9, с. 167]. Здесь можно усмотреть диалектический момент развития к началу, третьему, синтезу в абсолюте, служению Богу, где они находят согласованность, общественное единство в святине, в религиозно-светской общественности, где соборность восходит на уровень понятия [9, с. 168].

В текстах Франка прослеживаются следующие «жизненные» формы соборного единства, первая из них – брачно-семейное единство, из которой следует духовно-культурное единство. Вторая жизненная форма – это религиозная жизнь, в которой имеет место сопричастность абсолютному началу. В основе вселенской соборности бытия лежит абсолютное начало, делающее возможным онтологически-реальное, соборное единство. Детерминантами третьей формы соборности являются общность социальной жизни, общность судьбы [9, с. 92, 94, 95].

В своем первом значении соборность – это единство «мы», свободная объединенность «я». Здесь прослеживается диалектика части и целого, где целое «мы» и части «я» рассматриваются

как диалектически объединенные [9, с. 97]. Категория соборности, понимаемой как «внутренняя гармония между иной личной душевностью и надьиндивидуальным единством», рассматривается Франком на основании введения понятия «мы-мировоззрения» [13, с. 179]. Соборное единство по Франку должно перейти от статуса абстрактного к конкретному соборному единству в форме понятия. «Мы», или соборное целое, конкретно-индивидуально, «живая личность» также конкретно-индивидуальна. «Мы» как онтологический пласт соборности носит сверхвременной характер единства будущего, настоящего и прошлого. Франк отмечает, что в настоящем содержатся наше прошлое и будущее – это определяет соборный характер общества. Настоящее общество «живет внутренней сверхвременной соборностью», в которой, как и в Церкви, прослеживаются единство, соборность внешнего эмпирического и внутреннего онтологического [9, с. 98–100, 102]. Целое, соборное, всеединное – это только и есть основа всего общественно-го. Общество всегда представляет собой комплекс фактических человеческих сил, сверхчеловеческих идеальных идей, это жизнь богочеловеческая [9, с. 125]. Человек как свободное существо может либо следовать онтологической закономерности божественных законов, либо попадать под власть эмпирической закономерности. Социальный идеал должен основываться на онтологической закономерности [9, с. 24, 45, 47].

Таким образом, согласно С. Л. Франку возможно осуществление всеединства в общественной жизни. Всеединство в русле диалектической традиции рассматривается как потенциальное, возможное состояние мира и человека, раскрывающееся в диалектическом развитии от своих абстрактных форм к конкретному звучанию в религиозной социальности, светской социальности, религиозно-светской социальности. Внутренняя соборность актуализуется в эмпирической действительности, преображая ее через «обожение мира», воплощение в нем Божественной правды. Итогом общественной жизни выступает «обожение человека», что находит свое выражение в триединстве служения, солидарности и свободы [9, с. 189]. Свобода выступает основанием человеческого развития, жизни, коммуникации, первой обязанностью человека. Равенство на уровне соборности как понятия – это солидарность и избранность всех людей без исключения [9, с. 204, 222].

Общественность берет свое начало в соборном, а общественный идеал, имеющий религиозные основания, должен быть принципиально

реализуемым, т. е. мы должны не только знать нравственные принципы, но и осуществлять их, отходя от значения нравственного идеала как отвлеченного понятия и переходя к воле человека, деятельности личности, которая его и актуализует.

Список литературы

1. Ягубова С. Я. Категория «соборность» в философской антропологии С. Л. Франка // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2009. № 2 (Философия). С. 90–98.
2. Масалов А. Г. Концепт соборности С. Л. Франка как основание социальной герменевтики // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5, № 3. С. 25–31.
3. Кудрявцев В. А., Грудина Т. Н. Религиозные детерминанты общественной жизни : социологическое наследие С. Л. Франка и его применимость к современности // Социология. 2021. № 2. С. 21–29.
4. Астапов С. Н. Отрицательная диалектика в философии религии С. Л. Франка // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 6 (43). С. 81–84.
5. Мочинская К. А. Антиномия любви и страдания в религиозной философии С. Л. Франка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 174–177. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-174-177>
6. Рыбина Л. Б. Диалектика философских воззрений С. Л. Франка // Вестник Костромского государственного университета. 2013. Т. 19, № 2. С. 80–82.
7. Долин В. А. Религиозно-философская концепция С. Л. Франка в контексте западной христианской теологии // Концепт : философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 1. С. 34–43. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-34-43>
8. Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. М. : Директ-Медиа, 2016. 389 с.
9. Франк С. Л. Духовные основы общества : введение в социальную философию. М. : Директ-Медиа, 2014. 270 с.
10. Krasicki J. “The tragedy” of German philosophy. Remarks on reception of German philosophy in the Russian religious thought (of S. Bulgakov and others) // Stud East Eur Thought. 2010. Vol. 62. P. 63–70. <https://doi.org/10.1007/s11212-010-9100-4>
11. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / пер. с нем. Б. Столпнера. М. : АСТ, 2019. 416 с.
12. Франк С. Л. Сочинения. М. : Правда, 1990. 608 с.
13. Франк С. Л. Русское мировоззрение / сост. и отв. ред. А. А. Ермичев. СПб. : Наука, 1996. 736 с.

References

1. Yagubova S. Ya. The category of “sobornost” in the philosophical anthropology of S. L. Frank. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin], 2009, no. 2 (Philosophy), pp. 90–98 (in Russian).
2. Masalov A. G. Concept of collegiality by S. L. Frank as the basis of social hermeneutics. *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Scientific Result. Social and Humanitarian Research], 2019, vol. 5, no. 3, pp. 25–31 (in Russian).
3. Kudryavtsev V. A., Grudina T. N. Religious determinants of social life: the sociological heritage of S. L. Frank and its applicability to the present. *Sociologiya* [Sociology], 2021, no. 2, pp. 21–29 (in Russian).
4. Astapov S. N. Negative dialectics in philosophy of religion by S. L. Frank. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and Socio-Economic Sciences], 2008, no. 6 (43), pp. 81–84 (in Russian).
5. Mochinskaya K. A. Antinomy of love and suffering in the religious philosophy of S. L. Frank. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 174–177 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-174-177>
6. Rybina L. B. Dialectics of S. L. Frank's philosophical views. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2013, vol. 19, no. 2, pp. 80–82 (in Russian).
7. Dolin V. A. The religious and philosophical concept of S. L. Frank in the context of Western Christian theology. *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture], 2021, vol. 5, no. 1, pp. 34–43 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-34-43>
8. Frank S. L. *Real'nost' i chelovek. Metafizika chelovecheskogo bytiya* [Reality and a Man. Metaphysics of Human Existence]. Moscow, Direct-Media Publ., 2016. 389 p. (in Russian).
9. Frank S. L. *Duhovnye osnovy obshchestva: vvedenie v social'nuyu filosofiyu* [Spiritual Foundations of Society: An Introduction to Social Philosophy]. Moscow, Direct-Media Publ., 2014. 270 p. (in Russian).
10. Krasicki J. “The tragedy” of German philosophy. Remarks on the reception of German philosophy in the Russian religious thought (of S. Bulgakov and others). *Stud East Eur Thought*, 2010, vol. 62, pp. 63–70. <https://doi.org/10.1007/s11212-010-9100-4>
11. Hegel' G. V. F. *Nauka logiki* [Science of Logic. Trans. from German by B. Stolpner]. Moscow, AST Publ., 2019. 416 p. (in Russian).
12. Frank S. L. *Sochineniya* [The Works]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 608 p. (in Russian).
13. Frank S. L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian Worldview. Comp. and ans. ed. A. A. Ermichev]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 736 p. (in Russian).

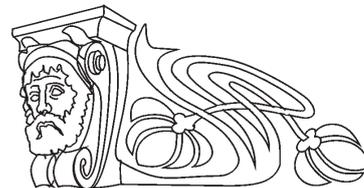
Поступила в редакцию 25.08.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 25.08.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 59–63
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 59–63
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-59-63>

Научная статья
УДК 316.61

Сторителлинг и децентрализация идентичности в цифровой среде

Н. Г. Устьянцев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Устьянцев Никита Глебович, аспирант кафедры социальных коммуникаций, nikyst.55@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0633-1586>

Аннотация. В статье рассматривается такая сфера современной действительности, как репрезентация личности в цифровой среде посредством высказывания. Проводится анализ процесса, механизмов и способов репрезентации посредством сторителлинга. Исторический аспект предстает как неотъемлемая часть экспозиции отношения личности к внутренней и окружающей действительности, что передается не только в форме отрефлексированного монолога, но и в виде инсталляции, мнения, взгляда. Отмечается многоуровневое использование рассказывания историй в контексте социального пространства и построения цифровой идентичности. Определены философско-методологические основания исследования, подробно описаны положения фрагментарности и множественности цифровой идентичности, формы развития сторителлинга как коммуникативной технологии; обоснованы основные формы воздействия на формирование идентичности и ее транслирование в цифровой среде. Показано, как трансмедийность и кроссплатформенность выступают в роли соединительной ткани для преодоления фрагментарности передаваемых смыслов. Таким образом, сохраняется последовательность в формировании единого образа. Также учитываются проблема технологической отчужденности и способы ее преодоления, одним из которых и является сторителлинг. Задействованность данной технологии коммуникации и саморепрезентации выступает существенным элементом для социокультурного анализа цифровой действительности и выработки нового проблемного поля, связанного со значимостью цифровой истории индивида.

Ключевые слова: сторителлинг, нарратив, высказывание, саморепрезентация, цифровая идентичность

Для цитирования: Устьянцев Н. Г. Сторителлинг и децентрализация идентичности в цифровой среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 59–63. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-59-63>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Storytelling and decentralization of identity in the digital environment

N. G. Ustyantsev

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moscovskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikita G. Ustyantsev, nikyst.55@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0633-1586>

Abstract. This article is devoted to the consideration of such a sphere of modern reality as the representation of a person in the digital environment through the statement. The study analyzes the process, mechanisms and ways of representation through storytelling. The historical aspect appears as an integral part of the exposure of the individual's attitude to the inner and surrounding reality, which is transmitted not only in the form of a reflexive monologue, but also in the form of an installation, an opinion, and a look. The author notes the multi-level use of storytelling in the context of social space and in building digital identity. The work defines the philosophical and methodological foundations of the study, describes in detail the provisions of fragmentation and plurality of digital identity. The content of the article indicates the forms of development of storytelling as a communication technology, substantiates the main forms of influence on the formation of identity and its broadcasting in the digital surroundings. The article shows how transmedia and cross-platform play the role of connective tissue for overcoming the fragmentation of transmitted meanings. Thus, the consistency in the formation of a single image is maintained. It also takes into account the problem of technological alienation and the ways to overcome it, one of which is storytelling. The involvement of this communication technology and self-presentation appears to be an essential element for the socio-cultural analysis of digital reality and the development of a new problem field associated with the significance of the digital history of the individual.

Keywords: storytelling, narrative, statement, self-presentation, digital identity

For citation: Ustyantsev N. G. Storytelling and decentralization of identity in the digital environment. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 59–63 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-59-63>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время разделение между цифровой и физической действительностью вызывает ряд ценностных и визионерских вопросов к будущему положению и участию индивида в обществе. Совершенствование форм коммуникации в обществе приводит к расширению и видоизменению платформ для обмена сообщениями, контентом и пр. Как следствие, это означает, помимо интеграции все большего количества новых пользователей в сети Интернет, и влияние на их культуру самосознания и способы репрезентации. Развитие собственной цифровой идентичности складывается с учетом ее желаемого облика, наполнения и продвижения. И среди многообразия форм предлагаемых и транслируемых как в публичных, так и закрытых сообществах, индивид находится в постоянном поиске близкого и знакомого, вследствие чего многое, что наличествует в повседневности, перекочевывает в цифровую среду, трансформируясь и изменяясь. Так, личное для жизни индивида становится публичным контентом, дополняющим его историю и устанавливающим элементы его идентичности. Среди различных новых форм для собственной саморепрезентации, таких как эмодзи или короткие GIF-анимации, сама речь в виде рассказывания истории также приобрела существенное значение, ибо хорошо переданная история собственной жизни становится уникальным и востребованным контентом. В ней происходит рефлексия индивида над собственной жизнью, желание ее рассказать и приобщить себя к жизни общественной. В свою очередь и другие пользователи сети и социальных сетей, приобщаясь к такой форме взаимодействия, преодолевают технологическое отчуждение.

Отметим ряд факторов, присущих сторителлингу как важному элементу в формировании цифровой идентичности. Рассмотрим, как это влияет на остальные сферы общества и культуры. Также отметим, что в разделе между цифровым и аналоговым миром происходит уменьшение границ и возрастание значимости личности через сотворение и передачу персональной истории для расширения собственных границ и снижения чувства своей отчужденности.

Сторителлинг и история

В XXI в. общество вступило в цифровое пространство и активно развивается в нем. Цифровая среда (the digital) посредством сетевой культуры, глобализации и транзитивности актуализирует значимость коммуникации и креативности, где реализация происходит посредством особенности слова как языка кодирования, так и лингвистики.

Создание нового кода, символа, формы и способов их трансляции приводит к развитию и постоянной реактуализации уже ранее принятых форм. Это позволяет устранить невостребованность огромных массивов данных, которые составляют цифровую материю с присущим ей фундаментальным значением для всей структуры.

Обилие информации, доступ к ней и к формам ее распространения приводят к трансформации основных способов передачи знания, таких как журналистика, художественная публицистика и методы обучения, что в конечном итоге сказывается на публичной форме высказывания в целом.

В истории человечества рассказывание историй как о себе, так и для себя является одной из старейших форм деятельности. Искусно рассказанная история остается в археологии человеческой памяти, переживая как рассказчика, так и главного героя и публику. Одним из первых в нынешней классификации сторителлером можно назвать Платона. В его диалогах, передающих определенную интонацию рассказа, настроение и тему, в качестве главного героя фигурировал Сократ. Диалоги соединяются воедино по общим местам и объединяются в нарратив платонического дискурса – «Диалоги». За счет уникальности своих составляющих частей и авторского стиля они получили возможность распространения и даже больше – продолжения, но уже за чужим, более поздним авторством.

Рассказ истории, таким образом, сохраняется не столько благодаря исключительности материала, сколько за счет воздействия, оказанного им. И чем больше успешно взаимодействующих способов воздействия присутствует в рассказывании, тем успешнее будет оказанное воздействие. С середины XX в. начинается развитие медийных жанров: новая американская журналистика, новая волна в кинематографе, корпоративная этика в транснациональных компаниях. Среди течений новой журналистики выделяется направление погружения и направление «гонзо», где первоочередной целью является, с одной стороны, эффект погружения читателя в пространство сюжета, а с другой – стремление сохранить максимально свободу автора и рассказчика через элемент собственного присутствия и восприятия. Режиссерские и операторские элементы передачи деталей и смыслов во французском кинематографе основаны на оказании длительного эффекта переживания и рефлексии относительно полученного опыта как понятия авторского кино. В развитии корпоративной этики рассказывание истории компании и ее сотрудников становится неотъемлемой частью для обучения новых сотрудников и партнеров.

Так, согласно позиции О. В. Тодоровой сторителлинг в корпоративных отношениях «выступает как инструмент осмысления и передачи опыта, ценностной и культурной идентификации», где к «рациональной составляющей добавляются эмоции, что многократно увеличивает запоминаемость полученной информации» [1, с. 2]. О. А. Фадеева указывает на нарративную функцию сторителлинга в развитии «истории-мифа» для усиления впечатления и влияния на поведение людей [2, с. 2]. Следовательно, наблюдается тенденция к установлению эмоциональной связи и вовлеченности при рассказывании истории. Цифровой сторителлинг является по сути его современной манифестацией [3, р. 2].

Передача мнения, идеи, наблюдения или новости смогла преодолеть различные виды текстологических конструкций. В частности, в журналистике и художественной публицистике прорабатывалась и объективная сторона с уходом как в абстрагирование автором передачи информации, так и в контекст границы (к примеру, «лонгрид» – объемный текст, близкий к статье, короткий «твитт» – ограниченный текст до 300 символов в «микроблоге»). Формат передачи информации играет важную роль в начале зарождения новой платформы для привлечения внимания и репрезентации собственной исключительности в плане работы с изложением и передачей. Унификация определенного набора возможностей и их глобализация на различных платформах внутри одной сферы является итоговой, но не окончательной ступенью развития платформы на пути к созданию постоянной автономной зоны. Следует полагать, что это также может идти параллельно с созданием ряда теневого временных автономных зон, в которые пользователи могут попадать как на периферию массовой культуры в поисках новых возможностей для собственной реализации и удовлетворения своих желаний. В связи с этим, с экономической точки зрения, представляют интерес малые стартапы, направленные на каталогизацию и распространение целевого контента, как фрагменты более крупных систем впоследствии.

С совершенствованием программного обеспечения наполнения контекста и возможностью использовать различные медиаформаты развивается трансмедийный, или цифровой сторителлинг. Так как по сути своей трансмедийность и кроссплатформенность являются частью понятия «digital», мы остановимся на использовании последнего, считая его частью общего нарратива «цифровизация».

Личное присутствие и участие в цифровой среде

Коммерческая заинтересованность в использовании сторителлинга отражается и на проявлениях внешней цифровой идентичности индивида, в его персонификации. В итоге саморепрезентация становится искусством самовыражения, ведь использование слов, образов и различных медиаформатов в собственной реализации поощряется при его виртуозном исполнении. В данном случае рассказчик и главный герой, как правило, являются одним голосом повествования. Формируется образ сторителлера посредством фотографии или видео, задается его мировоззренческая ориентация в пространстве через заметки и высказывания. И с проработкой авторского стиля наполнения рассказчик уже пытается не столько передать некоторую информацию о себе, сколько транслировать эмоции, настроение и мысли, чтобы привлечь и удержать внимание. Его цифровое окружение становится цифровой публикой, а каждое наполнение – контентом и публичным высказыванием, что приводит к реализации влияния и возможных социальных изменений [4, с. 288], т. е. близко к журналистике.

Личная история, взятая сама по себе, представляет собой уникальный предмет. В ней есть определенная система взглядов, опыта и неповторимости переживаний. Ее передача также предполагается быть оригинальной и неповторимой при распространении на различных платформах. История своей жизни по сути является пластичной поверхностью, работа с которой, ее осмысление и подготовка к передаче показывают рефлексию о самом себе индивида и рассказчика. Это открывает путь к раскрытию нового горизонта событий и капсулированию различных элементов личности в систему индивидуальных нарративов, из которых уже строится развитие индивидуальной картины мира и собственного ритма.

В своем развитии цифровой сторителлинг перенимал опыт журналистики и публицистики. Его использование в личных целях представляет собой смесь методик для преобразования в постоянно возобновляемый нарратив личной истории. Собственные взгляды, мнения и мысли как координаты могут изменяться, то же происходит и с рассказом о них. Это приводит к мобильности и гибкости как определенным условиям для того, чтобы история продолжала интересовать и после просмотра, воздействовать и возобновляться. В конечном итоге различные части рассказываемой истории складываются в цельный образ повествования, сохраняя свою самодостаточность.

Здесь явно прослеживается тенденция, в соответствии с которой множественность и изменчивость цифрового пространства ведут не только к персонификации цифровой среды, но и к разнообразию стратегий поведения, возрастанию роли адаптивности к изменяющимся факторам и их самоорганизации.

Децентрализация и фрагментарность

Одним из элементов современной социальной системы ценностей является положение индивида в коммуникативном пространстве. Проявление значимости и продуктивности индивида в цифровой среде связано с тем, насколько активно индивид осваивает новые платформы и успешно на них себя реализует по причине аттракции новостного потока. С переходом на платформу, набирающую популярность, возрастает количество потенциальных контактов и способов развития представлений о коммуникативной среде и собственной субъективности. Цифровые медиа порождают быстрые темпы развития использования новых форм данных. Как следствие, парадигмы понимания сущности чьей-либо идентичности в основном не сосредоточены на их реальной жизненной деятельности или принадлежности к какому-либо обществу, а скорее идентифицируются через просмотр определенных веб-сайтов, членство в определенных платформах социального взаимодействия, сообщения, которыми они делятся, типами сообщений, приводящими к одобрению, распространению и комментариям.

В случае поливариативности платформ для сторителлинга и множественности способов для рассказывания истории индивид превращается из фрагментарного элемента цифрового пространства в один из его связующих элементов. В этом есть противоречие, так как, с одной стороны, имеют место тенденции, кроме законодательных и территориальных интенций, локализовать и контролировать цифровую среду государствами, объединениями или корпорациями. С другой стороны, развивается культура независимых гетерогенных сообществ, связанных в том числе и с сопротивлением ко внешним формам контроля и распределению информации. В данном случае представляет интерес понятие культуры участия Генри Дженкинса в разрезе социальной и личной активности в развитии предметов культуры в противовес коммерциализации. Оно показывает, как под воздействием внешних сил, к примеру, стандартизации, нормализации и экономической релевантности в отношении предметов, имеющих культурную ценность, происходит сопротивление, под влиянием которого сообщество вырабаты-

вает и самовоспроизводит внутренние нормы и структуры в противовес внешним. Следовательно, цифровая идентичность активно проявляется в сетевых сообществах в создании информационной культуры и потенциально служит причиной нелинейного гетерогенного производства новых экономических, политических и культурных смыслов и идентификаторов [5, р. 114].

Заключение

Творческое осмысление собственной истории индивидом является одним из ключевых феноменов к понимаю тенденций XXI в. После периодов «постправды» и популизма в политике, страха перед потерей личных данных, перед неминуемостью климатических изменений и стирания человеческого облика, перед техногенным кризисом и другими приводящими к панике и чувству страха неопределенностями собственного будущего, как будущего личности, так и общества, личность обращается не к трансцендентной помощи, а к внутреннему резерву неиссякаемого творческого потенциала. Взамен практик симуляции, копирования и повторения образов определенных медиа индивид стремится к пониманию и переосмыслению своего поведения, эмоций и действий, которые в темпоральном развертывании представляют собой личную историю с ее событиями, временными отрезками и ключевыми моментами. Таким образом, индивид преодолевает мотив повседневного автономного существования, постепенно повышая уровень осознанности и личной значимости, не только подтверждает свое существование, но и постоянно актуализирует свою сущность.

На порядок выше изменений от личного участия в собственной жизни происходят изменения в жизни коллективной. Самоорганизация малых сетевых сообществ отражается и на становлении малых сетевых сообществ вне «онлайн», т.е. временных автономных сообществ, например, различных закрытых фестивалей типа рейв культуры. Важно отметить, что развитие и интеграция цифровых способов репрезентации в значительной степени приводят к снижению технологической отчужденности. Возможность рассказать свою историю, производя нематериальный контент, остающийся в архивах «всемирной паутины», позволяет сохранить свою личность в цифровом эквиваленте, выйти на уровень безвременности.

Неразличимость границ цифровой действительности, а также увеличение объемов исследования пространства цифровой среды и цифровой идентичности самоорганизующихся сообществ с внутренней историей создают поле для транс-

дисциплинарных актуальных исследований психологов, политологов, культурологов, социологов и социальных философов.

Список литературы

1. Тодорова О. В. Сторителлинг как инновационный PR-инструмент // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14130> (дата обращения: 19.10.2021).
2. Фадеева О. А. Сторителлинг как символическая информационно-коммуникативная технология // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 150–153.
3. Ohler J. *Digital storytelling in the classroom: New media pathways to literacy, learning, and creativity*. Corwin : A SAGE Company, 2013. 228 p.
4. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология : трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287–290. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290>
5. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York : University Press, 2006. 336 p.

References

1. Todorova O. V. Storytelling as an innovative PR tool. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14130> (accessed 19 October 2021) (in Russian).
2. Fadeeva O. A. Storytelling as a symbolic information and communications technology. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2015, no. 4, pp. 150–153 (in Russian).
3. Ohler J. *Digital storytelling in the classroom: New media pathways to literacy, learning, and creativity*. Corwin, A SAGE Company, 2013. 228 p.
4. Tikhonova S. V., Frolova S. M. Digital society and digital anthropology: Transdisciplinary foundations of social and epistemological research. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 287–290 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290>
5. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York, University Press, 2006. 336 p.

Поступила в редакцию 11.11.2021; одобрена после рецензирования 13.11.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 11.11.2021; approved after reviewing 13.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 64–69
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 64–69
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-64-69>

Научная статья
УДК 159.9

Институциональное доверие как медиатор связи метаценностей с эмиграционной установкой российской молодежи

Ж. Ж. Ромашева

Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия, 127051,
г. Москва, ул. Сретенка, д. 29

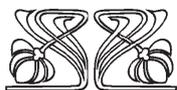
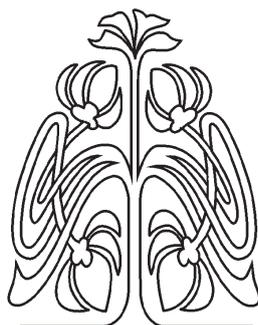
Ромашева Жанагуль Жумабековна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, zhanagul.rom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8609-2676>

Аннотация. В настоящее время отсутствуют исследования институционального доверия как посредника связи эмиграционной установки с метаценностями, что актуализирует данную проблему. Цель исследования – определить роль институционального доверия в связи метаценностей с эмиграционной установкой. *Гипотеза исследования* – институциональное доверие опосредует связь метаценностей: а) Сохранение; б) Открытость изменениям; в) Самоутверждение; г) Самопреодоление с эмиграционной установкой. Исследование выполнено на выборке (N = 646) в возрасте от 17 до 35 лет, в числе которых 78% (504) женщин, с применением PVQ-21–ESS7 версии опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца; методики «Шкала миграционных установок» С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко, модифицированная в «Шкалу эмиграционных установок»; опросника «Уровень институционального доверия» и медиационного анализа, посредством использования макроса PROCESS к программе IBM SPSS 26.0. Установлено, что институциональное доверие опосредует связь эмиграционной установки с метаценностями Сохранение, Открытость изменениям и Самоутверждение. В то же время она не является медиатором в связи эмиграционной установки с метаценностью Самопреодоление. Результаты исследования демонстрируют роль институционального доверия в возникновении эмиграционной установки у молодежи, что позволяет использовать их для прогнозирования эмиграционной активности молодежи, в психологической работе с потенциальными эмигрантами, а также при разработке программ государственной молодежной политики.

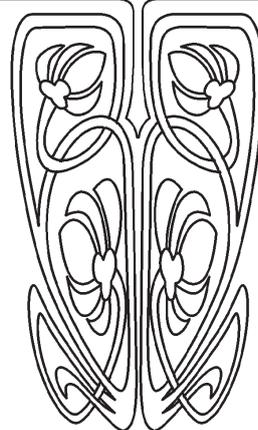
Ключевые слова: эмиграция, эмиграционная установка, метаценности, институциональное доверие, эмиграционное поведение, российская молодежь

Для цитирования: Ромашева Ж. Ж. Институциональное доверие как медиатор связи метаценностей с эмиграционной установкой российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 64–69. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-64-69>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Institutional trust as a mediator of the connection of meta-values with the emigration attitude of Russian youth

Zh. Zh. Romasheva

Moscow State Psychological and Pedagogical University, 29 Sretenka St., Moscow 127051, Russia

Zhanagul Zh. Romasheva, zhanagul.rom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8609-2676>

Abstract. In science, there have been no attempts to study institutional trust as an intermediary between the emigration attitude and meta-values, which actualizes this problem. The purpose of the study: to determine the role of institutional trust in the connection of meta-values with the emigration attitude. Research hypothesis: institutional trust mediates the connection of meta-values (a) Conservation, (b) Openness to change, (c) Self-enhancement (d) Self-transcendence with the emigration attitude. The study was carried out on a sample (N = 646) aged 17 to 35 years, including 78% (504) women, using: PVQ-21 – ESS7 version of the questionnaire measuring individual values of Sh. Schwartz, Methods “Scale of migration attitudes” by S. A. Kuznetsova, I. Y. Kuznetsov, A. V. Feshchenko, modified into “Scale of emigration attitudes”; questionnaire “Level of institutional trust” and mediation analysis, through the use of the macro PROCESS to the IBM SPSS 26.0 program. It is established that institutional trust mediates the connection of the emigration attitude with the meta-values of Conservation, Openness to change and Self-enhancement, at the same time it is not a mediator in connection with the emigration attitude with the meta-value of Self-transcendence. The results of the study demonstrate the role of institutional trust in the emergence of an emigration attitude among young people, which allows them to be used to predict the emigration activity of young people, in psychological work with potential emigrants, as well as in the development of state youth policy programs.

Keywords: emigration, emigration attitude, meta-values, institutional trust, emigration behavior, Russian youth

For citation: Romasheva Zh. Zh. Institutional trust as a mediator of the connection of meta-values with the emigration attitude of Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 64–69 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-64-69>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время в мире, в том числе и в России, сохраняется тенденция эмиграции среди молодого населения [1, 2]. При этом наблюдается недостаточная изученность предикторов возникновения эмиграционных установок потенциальных мигрантов, что актуализирует данную проблему. Под эмиграционной установкой понимается психологическое состояние predisposition индивида к определенным действиям в отношении социальных объектов в конкретной ситуации, включающее в себя аффективный, когнитивный, интенциональный и поведенческий компоненты [3, 4].

Высокой прогностической силой эмиграционной активности индивида обладают его ценности [5, 6]. Эмпирически доказано наличие положительной связи эмиграционной установки с ценностями Самоутверждение и отрицательной – с ценностями Сохранение [5, 6]. В то же время данные о наличии взаимосвязей эмиграционной установки с ценностями Открытость изменениям и Самопреодоление неоднозначны: одни авторы указывают на их присутствие, другие – на их отсутствие [5, 6]. Противоречивость результатов исследований побуждает нас к рассмотрению третьих факторов, оказывающих влияние на связь эмиграционной установки с метаценностями. Таким фактором может стать институциональное доверие. Во-первых, доверие тесно связано с установочными образова-

ниями, выступая в роли предиктора намерений к покупке различных товаров [7], гендерных [8], политических [9], а также эмиграционных установок [10]. Во-вторых, институциональное доверие положительно связано с ценностями Сохранение, Самоутверждение и Самопреодоление, отрицательно – с ценностью Открытость изменениям [11].

Цель исследования – определить роль институционального доверия в связи метаценностей с эмиграционной установкой.

Гипотеза исследования – институциональное доверие опосредует связь метаценностей а) Сохранение; б) Открытость изменениям; в) Самоутверждение; г) Самопреодоление с эмиграционной установкой.

Материалы и методы исследования

Процедура и выборка. Данные собраны в ходе проведения социально-психологического онлайн-опроса в период с декабря 2020 г. по март 2021 г. Респондентами выступили 646 чел., идентифицировавшие себя как русские, из Московской, Саратовской, Ростовской, Ульяновской, Свердловской, Челябинской, Самарской областей, Приморского, Краснодарского краев, республик Калмыкия, Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, в числе которых 504 женщины (78%). Средний возраст – 21,4 года (SD = 3,67).

Методики. Исследование индивидуальных ценностей проведено с помощью PVQ-21 – ESS7 –

версии опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца [12]. Для исследования эмиграционных установок применялась методика «Шкала миграционных установок» С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко [4], модифицированная в «Шкалу эмиграционных установок». Для исследования уровня институционального доверия был составлен опросник «Уровень институционального доверия» на основе вопросов социологического опроса CSI центра стратегических инициатив

[13]. Внутренняя согласованность методик была проверена с помощью коэффициента α -Кронбаха. Для проверки гипотез проведен медиационный анализ посредством надстройки PROCESS macro [14] к программе IBM SPSS 26.0.

Результаты исследования и их обсуждение

В табл. 1 представлены психометрические характеристики методик. Коэффициент α -Кронбаха свидетельствует о достаточной надежности всех шкал.

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика по результатам исследования (N = 646)
Descriptive statistics on the results of the study (N = 646)

Метаценности	M	SD	α
Открытость изменениям	4.28	1.03	0.82
Сохранение	3.87	0.93	0.70
Самопреодоление	4.55	1.07	0.83
Самоутверждение	4.19	1.09	0.78
Институциональное доверие	2.43	1.18	0.97
Эмиграционная установка	3.81	1.32	0.97

В тестируемых моделях прямого эффекта метаценностей на эмиграционную установку не выявлено (табл. 2), что допустимо в медиационном анализе и свидетельствует о полном посредническом влиянии медиатора на результат [15]. Для проверки значимости не прямой связи метаценностей и эмиграционной установки мы использовали функцию бутстрапа и рассчитали на базе 10000 повторных выборок (bootstrapped resamples) 95%-ные доверительные интервалы. Непрямые эффекты на эмиграционную установку метаценностей Сохранение (95% CI [-0.16; -0.05]), Открытость изменениям (95% CI [0.02; 0.12]), Самоутверждение (95% CI [0.03; 0.12]) значимы, так как «0» не попадает в доверительные интервалы, а метаценности Самопреодоление (95% CI [-0.05; 0.05]) незначимы, так как «0» попадает в доверительные интервалы.

Выявленная значимая связь метаценностей Сохранение, Открытость изменениям, Самоутверждение через институциональное доверие и отсутствие связи метаценности Самопреодоление через институциональное доверие с эмиграционной установкой (рисунок) частично подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Отрицательная связь метаценности Сохранение с эмиграционной установкой через институциональное доверие говорит о большей направленности на эмиграцию молодых людей, которые

в меньшей степени доверяют институтам власти [10] и следуют социальным правилам и нормам, придерживаются семейных традиций и обычаев, стремятся к стабильности [5, 6, 16].

Выявленная положительная связь метаценности Открытость изменениям с эмиграционной установкой через институциональное доверие свидетельствует о возникновении эмиграционной установки у молодых россиян, стремящихся к переменам в жизни, получению новых ощущений, удовольствия, развитию своих способностей, ценящих свободу [6, 16] и с более низким уровнем институционального доверия [10].

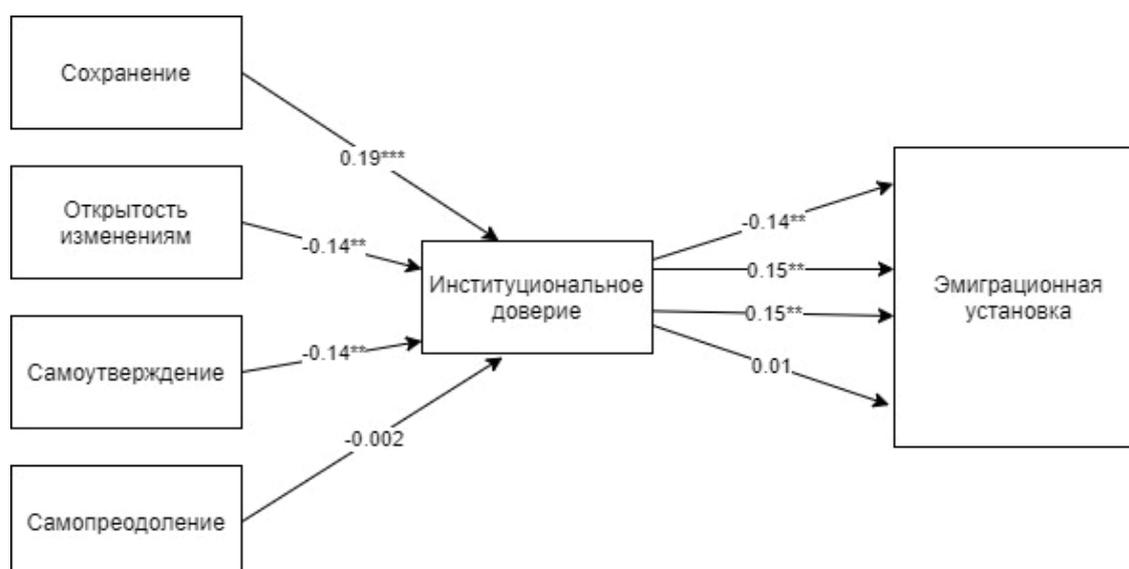
Обнаруженная положительная связь метаценности Самоутверждение с эмиграционной установкой через институциональное доверие указывает на выраженность эмиграционной установки у молодых людей, которые желают улучшить свое материальное положение, стремятся к лидерству, успеху [5, 6, 16] и имеют низкий уровень доверия к институтам власти [10].

Отсутствие связи метаценности Самопреодоление с эмиграционной установкой через институциональное доверие объясняется незначимостью прямого эффекта ценности Самопреодоление на институциональное доверие и свидетельствует о том, что ориентация молодых россиян на понимание, терпимость, поддержание благополучия всех людей и природы не влияет на возникновение

Результаты медиационного анализа связи метаценностей с эмиграционной установкой через институциональное доверие (N = 646)
The results of the mediation analysis of the connection of meta-values with emigration attitudes through institutional trust (N = 646)

Переменные	М (институциональное доверие)		Y (эмиграционная установка)		Y (эмиграционная установка) total effect	
	Coeff.	SE	Coeff.	SE	Coeff.	SE
X (сохранение)	0.19**	0.05	-0.04	0.05	-0.14*	0.06
M (институциональное доверие)	-	-	-0.53**	0.04		
	R ² = 0.02		R ² = 0.23			
	F = 15.6		F = 95.1		F = 6.25	
X (открытость изменениям)	-0.14*	0.04	0.07	0.04	0.15*	0.05
M (институциональное доверие)	-	-	-0.53**	0.04		
	R ² = 0.01		R ² = 0.23			
	F = 9.4		F = 96.62		F = 8.66	
X (самоутверждение)	-0.14*	0.04	0.07	0.04	0.15*	0.05
M (институциональное доверие)	-	-	-0.52**	0.04		
	R ² = 0.02		R ² = 0.23			
	F = 10.83		F = 96.95		F = 10.09	
X (самопреодоление)	-0.002	0.04	0.01	0.04	0.01	0.05
M (институциональное доверие)	-	-	-0.53**	0.04		
	R ² = 0.00		R ² = 0.22			
	F = 0.003		F = 94.8		F = 0.04	

Примечание / Note. * – $p < 0.01$; ** – $p < 0.001$.

Институциональное доверие как медиатор связи метаценностей с эмиграционной установкой: результаты проверки моделей

Institutional trust as a mediator of the connection of meta-values with the emigration attitude: the results of model verification

эмиграционной установки и не зависит от степени доверия к государственным органам власти. Иначе говоря, формирование установки к смене страны проживания не определяется направленностью молодежи на заботу о благе других и уровнем институционального доверия.

Заключение

В ходе проведенного эмпирического исследования было установлено, что институциональное доверие в связи эмиграционной установки с ценностями Сохранение, Открытость изменениям и Самоутверждение выступает в качестве медиатора, но в то же время не опосредует данную связь с ценностью Самопреодоление, что указывает на частичное подтверждение выдвинутой нами гипотезы о посреднической роли институционального доверия в связи эмиграционной установки с ценностями Сохранение, Открытость изменениям, Самоутверждение и Самопреодоление.

Результаты представленного исследования требуют уточнения и дополнительного анализа в силу имеющегося ряда ограничений. Во-первых, преобладающее большинство опрошенных составляют девушки (78%), что свидетельствует о несбалансированности выборки по полу. Во-вторых, в исследовании не было учтено влияние третьих факторов, таких как пол, возраст, уровень образования.

В перспективе планируется исследование связи эмиграционной установки с метаценностями, контроль действий ковариат: пола, возраста, уровня образования, наличия социальных связей на родине и в предполагаемой стране переезда.

Список литературы

1. McAuliffe M., Khadria B. World Migration Report 2020. Migration and migrants: A global overview // International Organization for Migration. 2020. P. 19–51. <https://doi.org/10.18356/b1710e30-en>
2. Левада-центр / Эмиграция. 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/09/emigratsiya-2/> (дата обращения: 30.04.2021).
3. Девяткин А. А. Явление социальной установки в психологии XX века. Калининград: Калининградский университет, 1999. 309 с.
4. Кузнецова С. А., Кузнецов И. Ю., Феценко А. В. Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83–90.
5. Мураценкова Н. В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 77–93. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>
6. Tartakovsky E., Schwartz S. H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // International Journal of Psychology. 2001. Vol. 36, № 2. P. 88–99.
7. Mahmud Sh., Islam N., Ali R., Mehjabin N. Impact of Electronic Word of Mouth on Customers' Buying Intention Considering Trust as a Mediator: A SEM Approach // Global Business Review. 2020. P. 1–15. <https://doi.org/10.1177/0972150920976345>
8. Dutta N., Giddings L., Sobel R. S. Does trust always help gender role attitudes? The role of individualism and collectivism // Social Indicators Research. 2022. № 159. P. 379–408. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02755-y2021>
9. Kulin J., Seva I. J. Who do you trust? How trust in partial and impartial government institutions influences climate policy attitudes // Climate Policy. 2021. Vol. 21, № 1. P. 33–46. <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1792822>
10. Чувашов С. В. Социально-психологический капитал как фактор эмиграционных намерений молодежи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 2. С. 169–177.
11. Davide M., Spini D., Devos T. Human values and trust in institutions across Countries: A multilevel test of Schwartz's hypothesis of structural equivalence // Survey Research Methods. 2012. Vol. 6, № 1. P. 49–60. <https://doi.org/10.18148/srm/2012.v6i1.5090>
12. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. Т. 1. С. 33–58.
13. Центр стратегических инициатив / Общество неверующих. Почему казахстанцы не доверяют институтам власти. 2019. URL: https://forbes.kz/stats/obschestvo_neveryuschih_pochemu_kazahstantsyi_ne_doverayut_institutam_vlasti (дата обращения: 10.05.2020).
14. Igartua J. J., Hayes A. F. Mediation, moderation, and conditional process analysis: Concepts, computations, and some common confusions // Spanish Journal of Psychology. 2021. Vol. 24, № e49. <https://doi.org/10.1017/SJP.2021.46>
15. Huang Y., Xiao Y., Jing D., Li J. et al. Association of chronic spontaneous urticaria with anxiety and depression in adolescents: A mediation analysis // Front. Psychiatry. 2021. Vol. 12, № 655802. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.655802>
16. Ромашева Ж. Ж., Калиниченко О. В., Малышев И. В. Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 4. С. 323–333. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-323-333>

References

1. McAuliffe M., Khadria V. World Migration Report 2020. Migration and migrants: A global overview. In: *Inter-*

- national Organization for Migration*, 2020, pp. 19–51. <https://doi.org/10.18356/b1710e30-en>
2. *Levada-centr / Emigratsiya*. 2021 (Levada Center / Emigration. 2021). Available at: <https://www.levada.ru/2021/06/09/emigratsiya-2/> (accessed 30 April 2021) (in Russian).
  3. Devyatkin A. A. *Yavlenie social'noy ustanovki v psikhologii XX veka* [The Phenomenon of Social Attitudes in Psychology of the Twentieth Century]. Kaliningrad, Kaliningradskij universitet Publ., 1999. 309 p. (in Russian).
  4. Kuznetsova S. A., Kuznetsov I. U., Feshchenko A. V. Working out migratory attitudes scale of the personality. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogy], 2014, no. 1, pp. 83–90 (in Russian).
  5. Murashchenkova N. V. Interrelation of values and emigration intentions of student's youth of Smolensk. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2021, vol. 12, no. 1, pp. 77–93 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>
  6. Tartakovsky E., Schwartz S. H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journal of Psychology*, 2001, vol. 36, no. 2, pp. 88–99.
  7. Mahmud Sh., Islam N., Ali R., Mehjabin N. Impact of Electronic Word of Mouth on Customers' Buying Intention Considering Trust as a Mediator: A SEM Approach. *Global Business Review*, 2020, pp. 1–15. <https://doi.org/10.1177/0972150920976345>
  8. Dutta N. Giddings L. Sobel R. S. Does trust always help gender role attitudes? The role of individualism and collectivism. *Social Indicators Research*, 2021, no. 159, pp. 379–408. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02755-y> 2021
  9. Kulin J., Seva I. J. Who do you trust? How trust in partial and impartial government institutions influences climate policy attitudes. *Climate Policy*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 33–46. <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1792822>
  10. Chuvashov S. V. Socio-psychological capital as a factor of emigration intentions in youth. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Journal of the Higher School of Economics], 2014, vol. 11, no. 2, pp. 169–177 (in Russian).
  11. Davide M., Spini D., Devos T. Human Values and Trust in Institutions across Countries: A Multilevel Test of Schwartz's Hypothesis of Structural Equivalence. *Survey Research Methods*, 2012, vol. 6, no. 1, pp. 49–60. <https://doi.org/10.18148/srm/2012.v6i1.5090>
  12. Magun V., Rudnev M. The life values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion Data. Analysis. Discussions], 2008, vol. 1, pp. 33–58 (in Russian).
  13. *Centr strategicheskikh iniciativ. Obshchestvo neveruyushchih. Pochemu kazahstancy ne doveryayut institutam vlasti. 2019* (Center for Strategic Initiatives. Society of Non-Believers. Why Kazakhstanis do not trust the institutions of power. 2019). Available at: https://forbes.kz/stats/obshchestvo_neveruyushchih_pochemu_kazahstanciy_ne_doveryayut_institutam_vlasti (accessed 10 May 2020) (in Russian).
  14. Igartua J. J., Hayes A. F. Mediation, moderation, and conditional process analysis: Concepts, computations, and some common confusions. *Spanish Journal of Psychology*, 2021, vol. 24, no. e49. <https://doi.org/10.1017/SJP.2021.46>
  15. Huang Y., Xiao Y., Jing D., Li J. et al. Association of chronic spontaneous urticaria with anxiety and depression in adolescents: A mediation analysis. *Front. Psychiatry*, 2021, vol. 12, no. 655802. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.655802>
  16. Romasheva Zh. Zh., Kalinichenko O. V., Malyshev I. V. The connection of basic values with the emigration attitudes of Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2021, vol. 10, iss. 4, pp. 323–333 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-323-333>

Поступила в редакцию 11.11.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 11.11.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 70–78

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 70–78

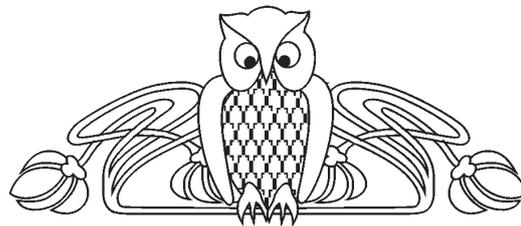
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-70-78>

Научная статья

УДК 316.6:159.9

Психологические стратегии и типы финансового поведения студентов разных российских университетов

Е. В. Рязузова¹✉, Е. В. Чинчевич²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал), Россия, 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

Рязузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Чинчевич Елена Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, e.chinchevich@odin.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2111-6793>

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого выступает сравнительный анализ стратегий финансового поведения и экономических притязаний российских студентов (N = 80, возраст – 19–20 лет), обучающихся в столичном и региональном университетах (г. Москва и г. Саратов). В качестве методов исследования использовались опрос и тестирование (опросник субъективного экономического благополучия В. А. Хашченко; тест диспозиционного оптимизма в модификации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина; опросник самоорганизации деятельности в адаптации Е. Ю. Мандриковой; портретный опросник Ш. Шварца). В двух группах студентов обнаружены как сходства (детерминанты финансового поведения, экономно-осторожная стратегия управления бюджетом, избегание финансового риска, небольшие сберегательные практики, финансовый инфантилизм, отсутствие финансовой осведомленности, привлекательность некоторых форм инвестирования, выраженность оптимизма, схожесть профилей ценностных ориентаций), так и различия (структурирование личного бюджета, экономические притязания и мечта, готовность идти на финансовый риск). Утверждается, что выявленные сходства детерминируются принадлежностью респондентов к определенной социальной группе, тогда как различия обусловлены субкультурными особенностями территории обучения и проживания. На основании оценки субъективного экономического благополучия и жизненных перспектив, конфигурации ценностных ориентаций, специфики стратегического целеполагания предложена типология финансового поведения студентов, обучающихся в разных университетах. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в возможности использования результатов в разработке программ социально-психологической адаптации студентов к условиям обучения и проживания; образовательных программ, направленных на ликвидацию экономической безграмотности студентов; программ психологического сопровождения и консультирования студентов.

Ключевые слова: финансовое поведение, поведенческие стратегии, экономические притязания, финансовая неосведомленность, психологические типы финансового поведения, студент

Для цитирования: Рязузова Е. В., Чинчевич Е. В. Психологические стратегии и типы финансового поведения студентов разных российских университетов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 70–78. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-70-78>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Psychological strategies and types of financial behavior of students at different Russian universities

Е. В. Rязузова¹✉, Е. В. Chинчевич²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²MGMIMO University (Odintsovo), 3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo 143007, Moscow region, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Elena V. Chinchevich, e.chinchevich@odin.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2111-6793>

© Рязузова Е. В., Чинчевич Е. В., 2022

Abstract. The article presents the results of empirical research aimed at a comparative analysis of financial behavior strategies and economic aspirations of Russian students (N = 80, age 19–20 years) studying at metropolitan and regional universities (Saratov and Moscow). As methods of research were used survey and testing (questionnaire of subjective economic well-being V. A. Khashchenko; test of dispositional optimism in modification of T. O. Gordeeva, O. A. Sychev, E. N. Osin; questionnaire of self-organization of activity in E. Yu. Mandrikova adaptation; Schwarz portrait questionnaire). In two groups of students both similarities (determinants of financial behavior, economically cautious strategy of budget management, avoidance of financial risk, small savings practices, financial infantilism, lack of financial awareness, attractiveness of some forms of investment, optimism expression, similarity of profiles of value orientations) and differences (personal budget structuring, economic aspirations and dream, readiness to take financial risk) were found. It is asserted that the identified similarities are determined by the respondents' affiliation with a certain social group, while the differences are caused by the subcultural features of the territory of study and residence. Based on the assessment of subjective economic well-being and life prospects, configuration of value orientations, specifics of strategic goal-setting, the typology of financial behavior of students studying at different universities is proposed. The applied aspect of the problem under study consists in the possibility of using the results in the development of programs of socio-psychological adaptation of students to the conditions of learning and living; educational programs aimed at eliminating economic illiteracy of students; programs of psychological support and student counseling.

Keywords: financial behavior, behavioral strategies, economic pretensions, financial ignorance, psychological types of financial behavior, student

For citation: Ryaguzova E. V., Chinchevich E. V. Psychological strategies and types of financial behavior of students at different Russian universities. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 70–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-70-78>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Глобализация, информатизация и цифровизация современного мира приводят к трансформации всех сфер функционирования российского общества – экономики, политики, права, культуры, науки, образования. Происходящие изменения предъявляют повышенные требования, обусловленные необходимостью формирования важных профессиональных качеств и мягких навыков социальных акторов, их готовности к инновациям, креативности и освоению широкого набора метакомпетенций, которые способствуют тому, что человек не просто адаптируется к изменяющимся условиям, но и может преобразовывать их в конкурентные преимущества, необходимые для успешной самореализации, а также развития и процветания всего общества. Одной из таких метакомпетенций выступает экономическая культура, включающая финансовую грамотность и позволяющая человеку принимать взвешенные, ответственные и обоснованные экономические решения, обеспечивая финансовое благополучие, экономическую эффективность, успех и безопасность. Вместе с тем можно с уверенностью говорить о наличии определенных проблем в экономическом самоопределении современных россиян, уровне их экономического сознания и эффективности экономического поведения. В связи с этим изучение психологических аспектов экономической активности современного человека представляется важным, актуальным и своевременным, а обращение к финансовому поведению именно студенческой молодежи обусловлено ее социальной активностью, высоким творческим потенциалом, направленностью на достижения и ориентацией на будущее.

Дизайн эмпирического исследования

Цель: сравнительный анализ психологических стратегий и типов финансового поведения российских студентов, обучающихся в столичном и региональном университетах.

Гипотеза: существующие инвариантные стратегии, характеристики экономических притязаний студенческой молодежи, детерминированные возрастом, социальной ролью, статусом, ведущей деятельностью, и специфические атрибуты, обусловленные субкультурными особенностями территории их обучения (проживания), позволяют сконструировать типологию финансового поведения студентов, обучающихся в разных российских университетах.

Методы исследования: опрос и психологическое тестирование с использованием следующего диагностического инструментария: опросник субъективного экономического благополучия В. А. Хащенко [1]; тест диспозиционного оптимизма в модификации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина [2]; опросник самоорганизации деятельности в адаптации Е. Ю. Мандриковой [3]; портретный опросник Ш. Шварца [4].

Эмпирическая выборка: студенты 2-го курса неэкономических специальностей в возрасте 19–20 лет двух российских университетов, один из которых находится в Москве (N = 40, студентов женского пола – 26, мужского пола – 14), а другой – в Саратове (N = 40, студентов женского пола – 27, мужского пола – 13).

Результаты исследования и их обсуждение

Проанализируем данные проведенного опроса, направленного на выявление представлений личности о своем финансовом поведении,

управлении собственным бюджетом и субъективных экономических притязаниях. Одной из значимых детерминант финансового поведения человека выступает источник его доходов. Мы приводим обобщенные данные по всей совокупной выборки, поскольку все исследуемые нами студенты по этому показателю практически не отличаются друг от друга. В связи с тем, что для студентов ведущим видом деятельности является учеба, то среди источников своих доходов ими были обозначены следующие: стипендия – 26%; временные заработки – 22%; сдача квартиры в аренду – 10%; доходы от собственного бизнеса – 14%; помощь родителей, родственников – 48%. Среди всех опрошенных полностью или частично живут на иждивении родителей или пользуются их материальной поддержкой – 92%, тогда как без поддержки родителей – только 8%.

Полученные данные согласуются с опубликованными результатами исследований, направленных на изучение потребительского поведения студентов, обучающихся в разных вузах страны и живущих в разных регионах [5–8].

Что касается управления собственным бюджетом и готовности идти на финансовый риск, то эти данные (табл. 1) мы проанализируем в сравнительном контексте. При этом сразу же оговоримся, что, безусловно, состав студенческой выборки в обеих группах неоднороден, но поскольку нас интересуют не индивидуально-психологические характеристики, а общие тенденции, обусловленные местом обучения (проживания) и поведенческими стратегиями, то мы сочли возможным оперировать обобщенными результатами.

Таблица 1 / Table 1

Управление бюджетом, экономические притязания и готовность к финансовому риску в двух группах
Budget management, economic claims and financial risk preparedness in two groups

Показатель	Первая группа	Вторая группа
	Распределение бюджета, %	
Более 70% я трачу на общественный транспорт и еду, при этом в большей части готовлю сам или готовят в моей семье, о накоплениях не думаю	2	22
Более 50% я трачу на общественный транспорт и еду, при этом в большей части готовлю сам или готовят в моей семье, о накоплениях не думаю	25	33
Более 50% я трачу на кафе (рестораны), развлечения	44	0
Стараюсь не тратить весь доход, а часть дохода направляю на накопления	29	45
Финансовый риск, %		
Желание отсутствует или очень слабое	26,8	66,17
Не готов идти на риск, если я могу потерять то, что имею	41	32,83
Очень сильное желание, готов потерять то, что есть, ради больших перспектив	32,2	1

Анализируя полученные данные, можно выделить важные отличия между двумя группами студентов. Первое имеет отношение к количественным различиям, связанным с расходной частью студенческого бюджета: 55% саратовских студентов большую его часть (от 50 до 70%) тратят на общественный транспорт и о накоплениях не думают, тогда как только 27% московских студентов указали на эту расходную статью. Полученный результат позволяет констатировать наличие сниженного стандарта потребления и достаточно низкого уровня финансово-экономических возможностей саратовских студентов, для которых управление собственным бюджетом сводится только к контролю расходов

и доходов. Вместе с тем именно для этой группы студентов в большей степени, чем для другой, характерно наличие сберегательного финансового поведения как обеспечивающего минимальную финансовую безопасность человека в будущем.

Второе отличие связано с разными способами структурирования собственного бюджета на проведение досуга. Например, 44% студентов, обучающихся в Москве, тратят до 50% собственного бюджета на посещение кафе и ресторанов. Обратим внимание, что такая статья расходов вовсе отсутствует в бюджете региональных студентов, что обусловлено разными факторами, действие которых в мегаполисе существенно отличается от региональных контекстов. Прежде

всего, это масштаб города и достаточно большие расстояния между местами проживания его жителей, что формирует такую коммуникативную практику, как встреча с друзьями в кафе, позволяющую хорошо провести время в приятной компании, расслабиться и зарядиться положительными эмоциями. Другим фактором мы считаем новую, вернее возрождающуюся гастрономическую культуру, представляющую собой «еду вне дома», выступающую как социально-экономический феномен. Прием гостей на кухне как символ дружеского отношения и приглашения к доверительному общению, очень распространенный в советское время, сейчас используется все реже и реже (мы не имеем в виду ограничительные меры, связанные с пандемией, а говорим об общей культурной закономерности).

Третье различие касается финансового риска: обнаружены существенные отличия студентов, обучающихся в условиях мегаполиса, и студентов областного центра. Обобщенные результаты указывают на то, что наличие сберегательных стратегий при низких финансовых поступлениях заметно снижают стремления личности идти на финансовый риск ради призрачных, но больших перспектив.

Обобщая полученные данные, можно выделить как минимум две финансовые стратегии, применяемые исследуемыми студентами. Первая – экономно-осторожная стратегия – связана с вынужденным распределением достаточно незначительных доходов, ориентацией на ограничение потребностей, избегание финансового риска, небольшие сберегательные практики; вторая – стихийно-рискованная стратегия – проявляется в значительной доле доходов на развлечения,

а также ярко выраженной готовности идти на финансовый риск. Заметим, что если первая стратегия встречается в обеих исследуемых группах, где имеющийся уровень доходов позволяет обеспечивать только текущее потребление, то вторая стратегия реализуется лишь студентами, обучающимися в престижном вузе мегаполиса.

Еще один важный вывод касается финансовой неосведомленности исследуемых студентов или отсутствия финансовой грамотности как совокупности знаний и навыков в области денежного оборота и финансовых инструментов, позволяющих принимать эффективные решения, управлять личными финансами, оптимизировать расходы, осуществлять финансовое планирование, делать накопления, приобретать без лишнего риска финансовые продукты и услуги. В связи с этим вопросы о необходимости повышения, а иногда и овладения финансовой культурой студентами неэкономических специальностей, важности и значимости финансовой социализации молодежи активно обсуждаются в современной литературе [9].

Проанализируем сравнительные данные экономических притязаний студентов двух исследуемых групп, которые включают в себя не только стремления респондентов получить определенный материальный доход в будущем, способный обеспечить их субъективный уровень достойного благосостояния, но и ориентации на конкретную экономическую мечту, связанную с финансовой целью (табл. 2).

Приведенные данные свидетельствуют о наличии существенной и зеркальной разницы в экономических притязаниях относительно величины заработной платы в двух группах студентов.

Таблица 2 / Table 2

Сравнительный анализ экономических притязаний в двух группах
Comparative analysis of economic claims in two groups

Показатель	Первая группа	Вторая группа
Экономические притязания, руб.		
Нижняя граница	45 тыс., в среднем 150 тыс.	18 тыс.
Верхняя граница	2,5 млн (1 чел.), в среднем 250–300 тыс.	1 млн (1 чел.), в среднем 75–150 тыс.
Экономическая мечта, %		
Тратить на себя	10,7	0
Улучшить жилищные условия	8,9	8
Купить автомобиль, мотоцикл	10,7	0
Дорогое путешествие	5,4	7
Престижное обучение	14,8	17,3
Инвестирование	46,4	67,7
Другое	3,1	0

Зеркальность проявляется в том, что нижняя граница экономических притязаний студентов первой группы, обучающихся в Москве, выраженная в рублевом эквиваленте, представляет верхнюю границу экономических притязаний представителей второй группы студентов, обучающихся в Саратове. Получается, что притязания на высокую оплату труда диагностируются в обеих исследуемых группах, тогда как субъективные представления о ее величине существенно различаются. На наш взгляд, это можно отчасти объяснить той же низкой финансовой грамотностью определенной части студентов, поскольку доказано, что она обуславливает ожидания более низкой стартовой заработной платы [10]. Другое объяснение полученных результатов мы связываем с наличием существенных различий в уровнях жизни сравниваемых регионов, что совпадает с опубликованными данными [11].

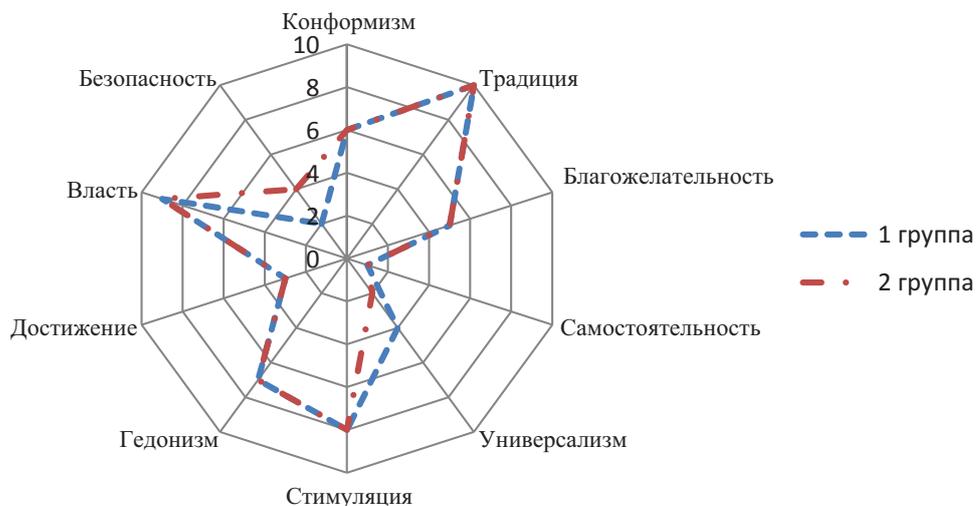
Что касается экономической мечты как значимого и притягательного субъективного образа, внутреннего ресурса личности, связанного с финансовыми достижениями и надеждами, то можно увидеть некоторые сходные результаты. Они имеют отношение к таким сферам финансовых целей, как инвестирование и продолжение обучения, что свидетельствует об ориентации большей части студенчества на будущее, связи между субъектностью студентов и их временной направленностью, личностной саморегуляцией и временной перспективой. Выявленные различия обусловлены индивидуально-психологическими особенностями, а также статусными и репутационными детерминантами. Наши результаты в целом подтверждаются данными, полученными на молодежной выборке, согласно которым мечты как эмоционально окрашенные образы

желаемого будущего характеризуются большей ориентированностью нового поколения на ценности рыночной экономики, материальные блага и зачастую связаны с потреблением престижных товаров или услуг [12].

Диагностирован общий высокий уровень диспозиционного оптимизма, отражающий позитивные ожидания студенческой молодежи относительно будущего в исследуемых группах. Выявленный существенный разброс индивидуальных показателей оптимизма – пессимизма свидетельствует о наличии значимых различий между студентами, обучающимися в Москве и Саратове (t -критерий = 2.009 при $\alpha = 0,05$), что объясняется разными темпами экономического роста и развития мегаполиса и регионов, разными индикаторами качества жизни, способствующими формированию разных горизонтов планирования жизни у представителей студенческой молодежи.

Обнаружено, что все показатели, характеризующие сформированность способностей к тактическому планированию как созданию алгоритма достижения цели и стратегическому целеполаганию как когнитивно-деятельностной характеристики личности, обусловленной желаемым результатом, находятся в диапазоне нормы в обеих группах. Значимые различия по шкале «Планомерность» (t -критерий = 2,83) указывают на то, что студенты второй группы более серьезно озабочены возможной самореализацией и карьерным самоопределением, что обусловлено ситуацией на региональном рынке труда, а также большей степенью принятия ответственности на себя при планировании профессиональной карьеры.

Сравнительный анализ профилей приоритетных ценностей в исследуемых группах (рисунок)

Профили приоритетных ценностей в исследуемых группах (цвет online)
Profiles of priority values in the study groups (color online)

свидетельствует об одинаковой выраженности ценностей у студентов и указывает на то, что ценности как стандарты и оценочные эталоны при принятии решений в любой жизненной сфере личности обусловлены не только социальными и культурными детерминантами, но и принадлежностью к возрастной и поколенческой когорте [13].

Полагаем, что гомогенность ценностей молодого поколения связана с глобализацией и тотальной информатизацией, приводящим к унификации жизненных сценариев, когнитивных схем и поведенческих алгоритмов.

Проведенный иерархический кластерный анализ выявил 3 кластера, сравнительные характеристики которых представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Результаты кластеризации и характеристики кластеров
Clustering results and characteristics of clusters

Кластер	N	Среднее и стандартное отклонение	Оптимистические ожидания	Пессимистические ожидания	Финансовая депривированность	Экономическая тревожность	Финансовый риск	Планирование	Целеустремленность	Настойчивость	Фиксация	Самоорганизация	Ориентация на настоящее
1	64	М	11,08	4,08	8,7	21,1	0,22	13,2	32	16,8	18,1	6,8	8,1
		Σ	2,94	3,6	2,1	5,3	0,4	4,5	5,7	6,1	4,4	3,4	2,9
2	12	М	11,6	2,5	9,6	23,4	0,23	21,5	40	24,3	22,2	13,5	9,2
		Σ	3,7	2,3	2,1	5,7	0,4	3,5	2,97	7,1	4,6	4,6	2,68
3	4	М	10	8,5	9	24,5	0,5	17,5	9,5	6,5	16,5	8	10
		Σ	5,7	4,95	0	4,95	0,71	10,6	0,71	3,5	7,8	4,2	2,8

К первому кластеру – самому многочисленному – относятся студенты, представляющие обе изучаемые группы. Обобщенно этот тип характеризуется следующими особенностями: преобладание оптимистических ожиданий над пессимистическими установками; наличие недостатка денежных средств на актуальный момент времени на фоне уверенности в благоприятной будущей перспективе; полное отсутствие склонности к рискованному поведению в финансовой сфере; достаточная целеустремленность и настойчивость при низких показателях по самоорганизованности. Рассматривая самоорганизованность как индикатор личностной зрелости, можно констатировать некоторую инфантильность представителей данной группы, не принявших на себя роль взрослого – автономного актора и субъекта своей жизни. Полученный результат согласуется с достаточно большим числом публикаций, посвященных инфантилизму современной студенческой молодежи, который объясняют чаще всего нарушением механизмов социализации в эпоху постмодерна, изменением функций семьи как института первичной

социализации, существенной трансформацией ценностной сферы в обществе консьюмеризма; тотальной виртуализацией и цифровизацией жизни, ролью и влиянием масс-медиа, ориентированных на игру, получение удовольствия, радость и беззаботность [14], а также многообразием траекторий взросления в современном обществе, длительностью периода обучения, внешними и внутренними показателями инфантилизации [15].

Отмечается, что сочетание инфантилизма и финансовой безграмотности способствует совершению молодыми людьми импульсивных, нерациональных, часто нелегитимных финансовых операций и приводит к существенным финансовым рискам [16].

Что касается второго кластера, то в него вошли только студенты, обучающиеся в Москве. Для них характерны следующие показатели: преобладание оптимистических ожиданий на фоне повышенной экономической тревожности; ярко выраженная целеустремленность и настойчивость в достижении поставленных целей; высокие экономические притязания и наличие

фиксированного жизненного алгоритма; направленность на достижения и высокая оценка своих жизненных шансов; четкое планирование жизни и отсутствие желания идти на финансовый риск; ориентация на актуальное настоящее, высокие показатели самоорганизации личности. Полагаем, что показатели тревожности, в том числе и финансовой, могут быть связаны с жизнью в мегаполисе, для которой характерны разного рода риски – перенаселенность, транспортные коллапсы, информационные перегрузки, ускоренный ритм жизни, выделенные в некоторых исследованиях [17].

Однако необходимо отметить и то, что адаптационные ресурсы молодых москвичей существенно выше, а сама молодежь, проживающая в мегаполисе, позиционируется как группа с высоким адаптационным потенциалом. В исследованиях показано, что молодежь Москвы в большей степени характеризуется чертами «инновационной культуры», связанной с активностью, предприимчивостью и восприимчивостью к новшествам и нововведениям, и в меньшей степени чертами «культуры моральной аномии», касающейся отрицания социальных норм, правил и конвенций [18]. Более того, такие факторы, как высокий уровень семейного дохода, активный поиск дополнительных заработков, развитая инфраструктура мегаполиса, богатство культурной жизни и разнообразие форм проведения досуга, возможности для самореализации, высокий уровень образования, позитивная направленность на достижение значимых целей, усиливают адаптивные возможности молодежи Москвы и формируют эффективные модели адаптации [19].

Третий кластер – самый малочисленный – включает в себя студентов, максимально ориентированных на текущий момент, рассматривающих достижения в настоящем как инвестиции в будущее, не готовых идти на финансовый риск, с незначительным преобладанием оптимистических ориентаций, испытывающих финансовую депривированность и финансовый стресс на фоне относительно низких материальных запросов и высоких экономических ожиданий, имеющих амбициозные и четкие стратегические планы, но, что самое удивительное, при этом не обладающих достаточной степенью выраженности настойчивости, целеустремленности и самоорганизованности. Складывается впечатление, что студенты, включенные в эту группу (2 московские и 2 саратовские студентки) просто рассчитывают на быстрый результат, в том числе и финансовый, не прикладывая для этого никаких личностных усилий.

Выводы

Определены инвариантные особенности финансового поведения студенческой молодежи разных университетов, обусловленные схожестью источников доходов, ориентацией на изначально высокий уровень оплаты профессионального труда, низкой финансовой грамотностью и направленностью на ценности рыночной экономики. Проанализированы специфические различия финансового поведения студентов, обучающихся в разных университетах, имеющих отношение к способам структурирования личного бюджета, формам проведения досуга, стандартам потребления и уровням финансово-экономических возможностей.

Выявлено, что показатели финансовой депривированности и показатели экономической тревожности находятся на уровне выше среднего в обеих исследованных группах, что объясняется актуальной экономической несамостоятельностью студентов, рассогласованностью их потребительских запросов и имеющихся доходов, а также достаточно высоким уровнем неопределенности, связанным с эпидемией COVID-19, и опасениями по поводу возможной личностной нереализованности и несостоятельности.

Установлено наличие разных стратегий финансового поведения: экономно-осторожная стратегия, характерная для обеих групп, и стихийно-рискованная стратегия, специфичная только для некоторой части студентов, обучающихся в Москве.

Утверждается, что выявленные сходства финансового поведения детерминируются принадлежностью респондентов к определенной социальной группе, тогда как различия обусловлены субкультурными особенностями территории обучения и проживания.

Сконструирована психологическая типология финансового поведения студентов, обучающихся в разных российских университетах, критериями которой выступают уровень субъективного экономического благополучия, оценка жизненных перспектив, конфигурация ценностных ориентаций, специфика стратегического целеполагания.

Список литературы

1. Хащенко В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение : построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 1. С. 106–127.
2. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (ЛОТ) // Психологическая диагностика, 2010. № 2. С. 36–64.

3. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
4. Schwartz S. H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. № 32. P. 268–290.
5. Агирбова Д. М. Психологические аспекты представлений студентов о способах получения доходов // Мир науки. Психология и педагогика. 2018. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/62PSMN218.pdf> (дата обращения: 28.10.2021).
6. Гоголева Е. Н., Маркина Н. Л. Социально-экономическое положение студентов (по результатам социологического мониторинга) // Известия Тульского государственного университета. 2019. № 1. С. 70–77.
7. Матюшина Ю. Б., Петров Д. С., Петрова В. Д. Доходы в бюджете современного российского студента // Социология. 2020. № 1. С. 173–185.
8. Соколова М. В., Петросян Д. И., Голубкина Т. М. Экономические представления и экономическое поведение студенчества в сфере персонального бюджетирования (на примере студентов города Владимира) // Социодинамика. 2020. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32681 (дата обращения: 28.10.2021).
9. Лукьянова Н. Ю., Зонин Н. А., Щепкова И. В., Тищук М. О. Инновационный подход к повышению финансовой грамотности студентов неэкономических специальностей вузов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 1. С. 107–118.
10. Artavanis N., Karra S. Financial literacy and student debt // The European Journal of Finance. 2020. Vol. 26, iss. 4–5. <https://doi.org/10.1080/1351847X.2019.1711435> 152
11. Смирнова Н. П., Шабашова Е. В. Взаимосвязь представлений об иерархии благосостояния и уровня дохода человека // Развитие психологии в системе комплексного человекознания / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. Ч. 2. М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 385–387.
12. Скрипкарь М. В. Место мечты в процессе становления копинга молодежи // Перспективы науки и образования. 2013. № 4. С. 133–136.
13. Рягузова Е. В., Чинчевич Е. В. Ценностные профили современных студентов и преподавателей : согласованность или разрыв? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 315–321. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321>
14. Ардельянова Я. А., Саидов Б. Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. 2018. № 4. С. 1–5.
15. Микляева А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе. Социально-психологический подход к проблеме инфантилизации личности в условиях современной социальной действительности. Дюссельдорф : LAP LAMBERT, 2018. 224 с.
16. Ниворожкина Л. И., Синявская Т. Г., Новиков Д. С. Статистическая оценка подверженности студенческой молодежи финансовым рискам // Финансовые исследования. 2014. № 4 (45). С. 215–221.
17. Шлыкова Е. В. Социальное настроение молодежи в условиях повседневных рисков мегаполиса // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 395–418.
18. Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве : концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. № 4. С.13–25.
19. Шлыкова Е. В. Ресурсы успешной адаптации к условиям экономического кризиса и факторы развития адаптационного потенциала молодежи Москвы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 443–457.

References

1. Hashchenko V. A. Subjective economic well-being and its measurement: constructing and validating a questionnaire. *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2011, vol. 4, no. 1, pp. 106–127 (in Russian).
2. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. Development of the Russian-language version of the dispositional optimism test (LOT). *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics], 2010, no. 2, pp. 36–64 (in Russian).
3. Mandrikova E. Yu. Development of a questionnaire for self-organization of activity. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics], 2010, no. 2, pp. 87–111 (in Russian).
4. Schwartz S. H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective. *Journal of Cross Cultural Psychology*, 2001, no. 32, pp. 268–290.
5. Agirbova D. M. The psychological aspects of the students' ideas about ways for acquisition of income. *Mir nauki. Psikhologiya i pedagogika* (World of Science. Pedagogy and Psychology), 2018, no. 2. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/62PSMN218.pdf> (accessed 28 October 2021) (in Russian).
6. Gogoleva E. N., Markina N. L. Economic and social situation of students (by results of sociological monitoring). *Bulletin of the Tula State University*, 2019, no. 1, pp. 70–77 (in Russian).
7. Matyushina Yu. B., Petrov D. S., Petrova V. D. Incomes in the budget of a modern Russian student. *Sotsiologiya* [Sociology], 2020, no. 1, pp. 173–185 (in Russian).
8. Sokolova M. V., Petrosyan D. I., Golubkina T. M. Economic perceptions and economic behavior of students in the field of personal budgeting (on the example of students from the city of Vladimir). *Sotsiodinamika* (Sociodynamics), 2020, no. 4. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32681 (accessed 28 October 2021) (in Russian).
9. Lukyanova N. Yu., Zonin N. A., Shchepkova I. V., Tishchuk M. O. An innovative approach to improving the

- financial literacy of students of non-economic specialties of universities. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], 2020, no. 1, pp. 107–118 (in Russian).
10. Artavanis N., Karra S. Financial literacy and student debt. *The European Journal of Finance*, 2020, vol. 26, iss. 4–5. <https://doi.org/10.1080/1351847X.2019.1711435> 152
  11. Smirnova N. P., Shabashova E. V. The relationship of ideas about the hierarchy of welfare and the level of human income. In: A. L. Zhuravleva, V. A. Kol'tsova, ans. eds. *Razvitiye psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniiya* [Development of Psychology in the System of Complex Human Knowledge. Part 2]. Moscow, Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", 2012, pp. 385–387 (in Russian).
  12. Skripkar' M. V. Dream place in the process of youth coping formation. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects for Science and Education], 2013, no. 4, pp. 133–136 (in Russian).
  13. Ryaguzova E. V., Chinchevich E. V. Value profiles of modern students and teachers at universities: Consensus or gap? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 315–321 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321>
  14. Ardel'yanova Ya. A., Saidov B. Sh. Factors and conditions of infantilization of modern youth. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2018, no. 4, pp. 1–5 (in Russian).
  15. Miklyaeva A. V. *Lichnostnyy infantilizm v postindustrial'nom obshchestve. Sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k probleme infantilizatsii lichnosti v usloviyakh sovremennoy sotsial'noy deystvitel'nosti* [Personal Infantilism in a Post-Industrial Society. Socio-Psychological Approach to the Problem of Personality Infantilization in the Context of Modern Social Reality]. Düsseldorf, LAP LAMBERT, 2018. 224 p. (in Russian).
  16. Nivorozhkina L. I., Sinyavskaya T. G., Novikov D. S. Statistical Assessment of the Exposure of Students to Financial Risks. *Finansovyye issledovaniya* [Financial Research], 2014, no. 4 (45), pp. 215–221 (in Russian).
  17. Shlykova E. V. The social mood of young people in the face of everyday risks of the metropolis. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia], 2017, no. 15, pp. 395–418 (in Russian).
  18. Chuprov V. I. Self-regulation of youth life in the cultural space: The concept of the socio-cultural mechanism. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], 2018, no. 4, pp. 13–25 (in Russian).
  19. Shlykova E. V. Resources for successful adaptation to the conditions of the economic crisis and factors in the development of the adaptive potential of Moscow youth. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Sotsiologiya* [Journal of Sociology], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 443–457 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 05.12.2021; accepted for publication 20.12.2021

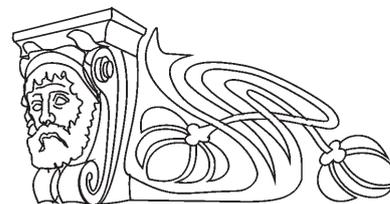

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 79–84
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 79–84
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-79-84>

Научная статья
УДК 159.973

Механизмы эмоционального реагирования детей с задержкой психического развития

В. Р. Ушакова

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Россия, 295015, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8

Ушакова Владислава Романовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Vladislava.psychologist@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8317-2518>

Аннотация. В статье рассматриваются характерные механизмы эмоционального реагирования детей с задержкой психического развития. Исследования отечественных авторов по данной проблематике осуществляются в рамках установления специфики эмоциональных проявлений и оценки эмоционального реагирования у детей и взрослых. Проводится сравнение особенностей восприятия, дифференцирования и понимания различных эмоций, идентификации эмоциональных реакций детьми с ограниченными возможностями развития и детьми с нормальным психическим развитием. В исследовании приняли участие 260 детей в возрасте 9–10 лет, из них 130 детей с задержкой психического развития и 130 школьников с нормальным протеканием психического развития. Методы исследования – проективные и беседа. Дети с задержкой психического развития осуществляют идентификацию эмоций с помощью в основном невербального канала, дифференцируют телесную реакцию на ситуации, испытывают затруднения в вербализации своих эмоций и выделении причинно-следственных связей между ситуацией и эмоцией. Дети с нормальным психическим развитием воспринимают и дифференцируют эмоции посредством вербальных проявлений, выделяют причинно-следственные связи между ситуацией и эмоцией и вербализируют свою эмоциональную выраженность.

Ключевые слова: эмоциональное реагирование, дети с задержкой психического развития, телесные реакции, идентификация эмоций, невербальный канал

Для цитирования: Ушакова В. Р. Механизмы эмоционального реагирования детей с задержкой психического развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 79–84. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-79-84>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Mechanisms of emotional response in children with mental retardation

V. R. Ushakova

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, 8 Uchebnyj Alleyway, Simferopol 295015, Russia

Vladislava R. Ushakova, Vladislava.psychologist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8317-2518>

Abstract. The article examines the characteristic mechanisms of the emotional response of children with mental retardation. The study of domestic authors on this issue is carried out within the framework of identifying the specifics of emotional manifestations and assessing the emotional response in children and adults. A comparison is made of the characteristics of perception, differentiation and understanding of various emotions, the manifestation of emotional reactions by children with disabilities and children with normal mental development. The study involved 260 children aged 9–10 years, including 130 children with mental retardation and 130 schoolchildren with normal mental development. Research methods are projective methods and conversation. Children with mental retardation carry out the identification of emotions using a more non-verbal channel, differentiate the bodily response to situations, experience difficulties in verbalizing their emotions and isolating cause-and-effect relationships between the situation and the emotion. Children with normal mental development perceive and differentiate emotions through verbal manifestations, highlight causal relationships between the situation and emotion, and verbalize their emotional manifestations.

Keywords: emotional response, children with mental retardation, bodily reactions, identification of emotions, non-verbal channel

For citation: Ushakova V. R. Mechanisms of emotional response in children with mental retardation. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 79–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-79-84>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Умение воспринимать и дифференцировать эмоциональные проявления формируется еще в раннем детском возрасте. Это неотъемлемая и значимая составляющая, которая обуславливает успешность развития личности и ее взаимодействия с социальным окружением. Эффективное социальное взаимодействие определяется уровнем развития эмоционального интеллекта и умением использовать имеющийся личный эмоциональный опыт в индивидуальном и групповом общении.

Отношение как семьи, так и социума, к проявлению и переживанию тех или иных эмоций, способу их выражения предполагает характерные механизмы эмоционального реагирования в детском и взрослом возрасте.

Изложение основного материала

По мнению отечественных психологов, эмоциональное реагирование представляет собой сложный, многоуровневый процесс, который включает в себя идентификацию эмоций, их когнитивную оценку и обращение к прошлому опыту, базирующемуся на телесных ощущениях [1–4].

Эмоциональное реагирование осуществляется на двух уровнях. Физиологический уровень основан на невербальных и телесных реакциях – изменениях вегетативной нервной системы, нейробиологической реакции, нейронных процессах жестах, мимике и пантомимике. Психический уровень – эмоциональные переживания личности и сопровождающие ее мысли и убеждения, обращение к предыдущему опыту реагирования в подобных ситуациях [5, 6].

Е. П. Ильин выделяет три основных компонента эмоционального реагирования. К импресивному компоненту он относит полюс, модальность, интенсивность и глубину эмоциональных переживаний. Физиологический компонент представлен вегетативными, двигательными и психомоторными реакциями человека на ситуацию. Экспрессивный компонент включает вербальные и невербальные проявления эмоций, т.е. внешние способы их выражения [7].

По мнению С. Томкинса, первичной реакцией младенца на внешний и внутренний раздражители является аффект как следствие нервного возбуждения, которое передается посредством вегетативных реакций и приводит к особым ощущениям. Осознаваемый аффект является чувством. Воспоминания подобных чувств с опорой на прошлый опыт выражаются эмоциями. В памяти сохраняется способ получения определенных ощущений и чувств как некий алгоритм или сценарий, что основано на нейронном уровне и возбуждении нервной

системы. Автор считает, что личность способна изменить свои сценарии, что повлечет изменения эмоциональных реакций [8].

Е. И. Изотова в априорной теории эмоционального развития выделяет когнитивный компонент как первичный аспект, который состоит из знаний и представлений об эмоциях, способности понимать и осознавать эмоции, вербализовать эмоциональные проявления и обращаться к архиву эмоциональной памяти. Аффективный компонент – разномодальные и разнополюсные переживания эмоций, порог и степень интенсивности эмоциональных переживаний, их глубина и длительность. Реактивный (поведенческий) компонент представлен способностями произвольной и непроизвольной регуляции эмоциональных проявлений, умением контролировать и регулировать их интенсивность и неосознанным использованием невербальных способов кодирования эмоций [9].

Таким образом, учитывая многогранность процесса эмоционального реагирования, важно определить и описать механизмы эмоционального реагирования, специфику взаимодействия его компонентов. В литературе довольно полно изучен вопрос особенностей эмоциональной сферы и проявления эмоций в детском возрасте, в том числе у детей с задержкой психического развития (далее – ЗПР), но недостаточно исследований, посвященных характерным особенностям механизмов эмоционального реагирования детей с ЗПР.

Цель статьи – определить характерные механизмы эмоционального реагирования детей с ЗПР в сопоставлении с детьми с нормальным психическим развитием.

Выборка и методики исследования

Исследование проводилось на базе общеобразовательных и специализированных школ Республики Крым. В нем участвовали 260 школьников в возрасте 9–10 лет. Группа I – 130 детей с ЗПР неорганического генеза (70 мальчиков и 50 девочек), средний возраст $9,2 \pm 0,4$ года. Группа II – 130 детей с нормальным психическим развитием (65 мальчиков и 65 девочек), средний возраст $9,12 \pm 0,7$ года.

В настоящей статье представлены результаты факторного анализа, который позволяет говорить о характерных механизмах эмоционального реагирования детей с ЗПР в сопоставлении с детьми с нормальным психическим развитием. Использовались проективные методы исследования и беседа. Математическая обработка данных осуществлялась с помощью компьютерного пакета статистических программ Statistica 20.

Результаты исследования

В ходе исследования на первом этапе были выявлены различия и сходства в идентификации эмоциональных проявлений у детей с ЗПР и детей с нормальным психическим развитием. Цель второго этапа исследования состояла в определении различия и сходства в механизмах эмоционального реагирования детей с ЗПР и детей с нормальным психическим развитием.

Установлено, что школьники с ЗПР успешнее идентифицируют такие эмоциональные проявления, как грусть и страх, дети с нормальным психическим развитием – злость (гнев) и радость. В табл. 1 представлены параметры по фактору 1 «Грусть» у школьников с ЗПР.

Таблица 1 / Table 1

Факторная структура грусти у детей с ЗПР
Factor structure of sadness in children with mental retardation

	Параметры	Сила связи
Фактор 1 «Грусть»	Стеснение	0,6
	Серый	0,63
	Низ живота	0,78
	Диафрагма	0,8
	Расстроился	0,75
	Расплакался	0,72
	Вина	0,55
	Невербальная грусть	0,75
	Соотнесение с ситуацией в прошлом	0,67

Полученные данные свидетельствуют о том, что школьники с ЗПР идентифицируют грусть как стеснение. У них возникает затруднение назвать представленную на картинке эмоцию грустью или печалью. Место локализации эмоционального проявления грусти у детей с ЗПР находится в низу живота, ассоциируется с серым цветом, символизирующим пассивность, апатию, меланхолию и эмоциональную незрелость. У детей эмоция грусти сопряжена с такими эмоциональными реакциями, как расстроиться и расплакаться. Важно отметить, что при плаче и всхлипываниях происходит расслабление диафрагмы и нижней части живота. Дети успешно идентифицируют грусть по мимике и пантомимике. В свою очередь, восприятие и дифференциация эмоции грусти по тону и интонации голоса у школьников затруднена.

Дети с ЗПР успешно соотносят эмоцию грусти с ситуациями из прошлого опыта. Важно отметить, что маркером таких ситуаций по воспоминаниям детей являются их плач и суровый

взгляд родителя, в большей степени мамы. Следовательно, на фоне стрессовых ситуаций накопленное напряжение в теле (мышечный панцирь) дети снимают посредством плача, проживая грусть.

В табл. 2 представлена факторная структура страха у младших школьников с ЗПР.

Таблица 2 / Table 2

Факторная структура страха у детей с ЗПР
Factor structure of fear in children with mental retardation

	Параметры	Сила связи
Фактор 2 «Страх»	Страх	0,8
	Черный	0,58
	Ноги	0,75
	Заберет планшет	0,65
	Расскажет папе	0,73
	Стыд	0,64
	Невербальный страх	0,7
	Соотнесение с ситуацией в прошлом	0,65

Согласно данным табл. 2 дети с ЗПР идентифицируют страх со страхом и со стыдом. Это может быть связано с социокультуральным запретом испытывать и проявлять страх, в особенности для мужчин. Место локализации страха большинство детей указали в ногах и присвоили ему черный цвет.

В стрессовых ситуациях на фоне инстинкта самосохранения человек действует одним из трех способов – бегство, ступор и нападение. Следовательно, ноги наиболее задействованы при реализации этих способов, что и выявлено в настоящем исследовании. Черный цвет означает высокий уровень напряжения и силы при пассивном поведении. Таким образом, когда дети с ЗПР испытывают страх, они ощущают возрастающую силу и напряжение, но ступор приводит к бездействию, что локализуется в ногах. Дети боятся, что за провинность, про которую мама расскажет папе, папа накажет или родители заберут планшет. Дети с ЗПР существенно лучше распознают страх по невербальным проявлениям (мимика, жесты, пантомимика), нежели по вербальным. Также быстро и успешно они вспоминают ситуации, где переживали эмоцию страха. В рассказах дети акцентируют внимание на переживании страха как ответной реакции на возможное наказание за провинность и демонстрируют позу страха – замирание, ноги прикованы к полу, большие глаза.

В табл. 3 содержатся результаты факторного анализа у детей с нормальным психическим развитием по фактору 1 «Радость».

Таблица 3 / Table 3

**Показатели фактора 1 «Радость»
у детей с нормальным психическим развитием**
**Indicators of factor 1 «Joy» in children
with normal mental development**

Фактор 1 «Радость»	Параметры	Сила связи
	Радость	0,84
	Желтый	0,63
	Голова	0,55
	Грудь	0,5
	Удовольствие	0,74
	Вербально радость	0,7
	Я так счастлив(а)	0,59
	Получил(а), что хотел(а)	0,65
	Соотнесение с ситуацией в прошлом	0,54

Согласно данным, представленным в табл. 3, дети с нормальным психическим развитием распознают эмоцию радости, которая ассоциируется с получением удовольствия. Младшие школьники переживают радость в голове и в области грудной клетки, изображая ее желтым цветом, что говорит об активности и удовольствии. Детская радость обусловлена получением желаемого и ощущением счастья. Дети распознают и дифференцируют эмоцию радости более успешно по вербальным проявлениям – тембр голоса, интонация. Они легко вспоминают радостные ситуации из прошлого, акцентируя внимание на том, что получили желаемое.

В табл. 4 отражены результаты факторного анализа у детей с нормальным протеканием психического развития по фактору 2 «Злость».

Таблица 4 / Table 4

**Показатели фактора 2 «Злость»
у детей с нормальным психическим развитием**
**Indicators of factor 2 «Anger» in children
with normal mental development**

Фактор 2 «Злость»	Параметры	Сила связи
	Злость	0,79
	Тазобедренная зона (пах)	0,52
	Руки (кулаки)	0,57
	Красный	0,72
	Черный	0,70
	Хотелось накричать	0,75
	Хотелось ударить	0,68
	Вербально злость	0,71
	Невербально злость	0,74

Согласно полученным данным у школьников с нормальным психическим развитием место локализации эмоции злости находится в области паха и в руках (кулаках), ассоциируется с красным и черным цветами – высокий уровень силы и повышенная активность. В ситуациях, связанных со злостью, детям хочется кричать и бить. Они успешно распознают злость как через вербальные (крик), так и невербальные проявления (мимика, пантомимика). Дети неохотно вспоминали ситуации, где испытывали гнев. Многие из них отметили, что злиться и проявлять злость очень плохо.

Согласно А. Лоуэну подавление гнева приводит к напряжению тазовых мышц и возникновению мышечного панциря в данной области вплоть до болезненных ощущений [10]. Следовательно, подавленный и невыраженный гнев как ответная реакция на ситуации, связанные с родителями и одноклассниками, приводит к гипертонусу тазовых мышц и излишнему напряжению в кулаках и запястьях.

Исходя из полученных результатов, считаем важным дополнить представленную модель эмоционального реагирования таким компонентом, как телесные реакции. Опираясь на воззрения отечественных и зарубежных исследователей, можно заключить, что телесность и эмоциональные проявления тесно взаимосвязаны. Тело дает реакцию на происходящее посредством ощущений и мышечных напряжений. Проявление эмоций обусловлено биохимическими процессами в теле и результатом работы ЦНС. Следовательно, реакция на ситуацию в виде эмоционального отклика «проживается» и на телесном уровне [11–14].

Выводы

Механизмами эмоционального реагирования в детском возрасте являются мышечные напряжения в определенных областях тела, связанные с переживанием эмоций, идентификация эмоций по невербальным признакам и обращение к прошлому опыту реагирования в подобных ситуациях как усвоенная модель поведения. Важно отметить, что дети отслеживают свои телесные реакции и ощущения при выражении различных эмоций как ответ на происходящие ситуации. Ответная эмоциональная реакция на ситуацию позволяет снять накопленное психоэмоциональное напряжения в теле.

У детей с ЗПР в сопоставлении с детьми с нормальным психическим развитием более выражена реакция тела на происходящие ситуации. Они четко демонстрируют место локализации эмоций в теле и описывают их. Младшие школь-

ники с ЗПР успешнее идентифицируют эмоции по невербальным проявлениям и обращаются к имеющемуся опыту относительно подобных эмоциональных реакций. Школьники с нормальным психическим развитием лучше описывают эмоции, подбирают синонимы, их словарный запас существенно больше.

Список литературы

1. *Верхотурова Н. Ю.* К проблеме определения структуры и механизмов эмоционального реагирования // *Сибирский педагогический журнал*. 2012. № 5. С. 150–154.
2. *Верхотурова Н. Ю.* Эмоциональное реагирование : функции, компоненты, характеристики, проблемы и перспективы исследования // *Вестник Российского университета дружбы народов : научный журнал*. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 94–99.
3. *Психология мотивации и эмоций : учебное пособие для вузов / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман.* 2-е изд. М. : ЧеРо ; Московский психолого-социальный университет, 2002. 752 с.
4. *Психология эмоций / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер.* 2-е изд. М. : Издательство МГУ, 1993. 304 с.
5. *Хомская Е. Д., Батова Н. Я.* Мозг и эмоции : нейропсихологическое исследование. 2-е изд. М. : Российское педагогическое агентство, 1998. 268 с.
6. *Izard C. E.* Emotion Theory and Research: Highlights, Unanswered Questions, and Emerging // *Annual Review of Psychology*. 2009. Vol. 60. P. 1–25.
7. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб. : Питер, 2018. 782 с.
8. *Tomkins S. S.* Affect imagery consciousness: the complete edition: in 2 vols. Vol. 1: The Positive Affects. N.Y. : Springer Publishing Company, 2008. 588 p.
9. *Изотова Е. И.* Социокультурная вариация модели эмоционального развития в детском и подростковом возрастах // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10, № 55. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.09.2021).
10. *Лоуэн А.* Психология тела: биоэнергетический анализ тела / пер. с англ. С. Коледа. 2-е изд. М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2018. 225 с.
11. *Горячева Т. Г., Султанова А. С.* Проекция телесности в тесте «Рисунок человека» // *Междисциплинарные проблемы психологии телесности : материалы межведомственной научно-практической конференции (Москва, 21–22 октября 2004 г.) / ред. сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви.* М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2004. С. 507–517.
12. *Правдина Л. Р.* Телесность как ресурс здоровья и ее развитие в телесноориентированном тренинге. Ананьевские чтения – 2014: Психологическое обе-

спечение профессиональной деятельности : материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 21–23 октября 2014 г.) / отв. ред. Г. С. Никифоров. СПб. : Скифия-принт, 2014. С. 20–22.

13. *Тренинг по сказкотерапии / под ред. Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой.* СПб. : Речь, 2006. 176 с.
14. *Nummenmaa L., Glerean E., Hari R., Hietanen J. K.* Bodily maps of emotions // *PNAS*. 2014. Vol. 111 (2). P. 646–651.

References

1. Verhoturova N. Yu. On the problem of determining the structure and mechanisms of emotional response. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2012, no. 5, pp. 150–154 (in Russian).
2. Verhoturova N. Yu. Emotional reacting: functions, components, characteristics, problems and investigation perspectives. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov: nauchnyj zhurnal. Seriya Psihologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2012, no. 1, pp. 94–99 (in Russian).
3. Yu. B. Gippenrejtter, M. V. Falikman, eds. *Psihologiya motivatsii i emotsii* [Psychology of Motivation and Emotions]. Moscow, CHeRo Publ., Moskovskiy psihologo-social'nyj universitet Publ., 2002. 752 p. (in Russian).
4. V. K. Vilyunas, Yu. B. Gippenrejtter, eds. *Psihologiya emotsii*. 2-e izd. [Psychology of Emotions. 2nd ed.]. Moscow, Moscow University Press, 1993. 304 p. (in Russian).
5. Homskaya E. D., Batova N. Ya. *Mozg i emotsii: neyropsihologicheskoe issledovanie*. 2-e izd. [The Brain and Emotions: A Neuropsychological Study. 2nd ed.]. Moscow, Rossiyskoe pedagogicheskoe Agentstvo Publ., 1998. 268 p. (in Russian).
6. Izard C. E. Emotion Theory and Research: Highlights, Unanswered Questions, and Emerging. *Annual Review of Psychology*, 2009, vol. 60, pp. 1–25.
7. Il'in E. P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and Feelings. 2nd ed.]. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. 782 p. (in Russian).
8. Tomkins S. S. *Affect imagery consciousness: the complete edition: in 2 vols. Vol. 1: The Positive Affects*. New York, Springer Publishing Company, 2008, 588 p.
9. Izotova E. I. Sociocultural variation of the model of emotional development in childhood and adolescence. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 2017, vol. 10, no. 55, pp.12. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 10 September 2021) (in Russian).
10. Lowen A. *Bioenergetics: The Revolutionary Therapy That Uses the Language of the Body to Heal the Problems of the Mind*. London, Penguin Arkana, 1994. 368 p. (Russ. ed.: Lowen A. *Psihologiya tela: bioenergeticheskij analiz tela*. Moscow, Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy Publ., 2018. 225 p.). (in Russian).
11. Goryacheva T. G., Sultanova A. S. The projection of corporeality in the test «Human drawing». In: V. P. Zinchenko, T. S. Levy, eds. *Mezhdistsiplinarye*

- problemy psihologii telesnosti* [Interdisciplinary Problems of the Psychology of Corporeality. Materials of the interdepartmental scientific and practical conference (Moscow, October 21–22, 2004)]. Moscow, Izdatel'stvo Moscovskogo gumanitarnogo universiteta, 2004, pp. 507–517 (in Russian).
12. Pravdina L.R. Physicality as a health resource and its development in body-oriented training. G. S. Nikiforov, ans. ed. *Anan'evskie chteniya – 2014: Psihologicheskoe obespechenie professional'noj deyatel'nosti. Materialy nauchnoy konferentsii (St. Petersburg, 21–23 oktyabrya 2014)* [Ananyev Readings – 2014: Psychological Support of Professional Activity: Materials of the Scientific Conference (St. Petersburg, October 21–23, 2014)]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2014, pp. 20–22 (in Russian).
13. Zinkevich-Evstigneeva T. D., ed. *Trening po skazkotera-pii* [Training on Fairy Tale Therapy]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. 176 p. (in Russian).
14. Nummenmaa L., Glerean E., Hari R., Hietanen J. K. Bodily Maps of Emotions. *PNAS*, 2014, vol. 111 (2), pp. 646–651.

Поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 26.09.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 20.12.2021

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 85–89

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 85–89
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-85-89>

Научная статья
УДК 372.881.111.1

Межкультурные виртуальные производственные туры как лингво-профессиональная составляющая обучения иностранному языку студентов технических специальностей

Д. К. Воронина

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

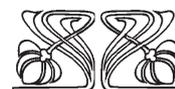
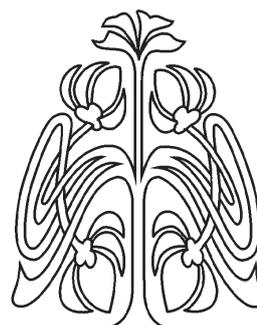
Воронина Дарья Константиновна, преподаватель, аспирант кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, darya_d_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3234-7992>

Аннотация. Наличие профессионально ориентированной составляющей в содержании обучения иностранному языку в вузе рассматривается в качестве важного условия соответствия требованиям ФГОС ВО в условиях компетентного подхода. Привлечение информационных технологий и интернет-ресурсов вносит значительный вклад в расширение поля возможностей профессионализации иноязычной подготовки студентов-нелингвистов. Внедрение технологий, позволяющих виртуализировать нахождение в удаленном объекте, обладает определенной ценностью с точки зрения организации учебно-образовательного процесса по иностранному языку. Технологии проведения виртуальных экскурсий начинают заимствоваться как социокультурная и страноведческая составляющие процесса обучения иностранному языку. Виртуальные производственные туры рассматриваются автором как один из способов создания профильно-ориентированных заданий для студентов технических направлений подготовки. Цель статьи – обоснование целесообразности привлечения технологии межкультурных виртуальных туров на производственные и ИТ-предприятия к процессу обучения иностранному языку студентов технических специальностей. В качестве иллюстрации приводится пример проблемно-поискового задания, разработанного на основе виртуального посещения офиса компании Google в Лондоне. Сделан вывод о положительном потенциале привлечения технологии межкультурных виртуальных производственных туров к процессу обучения иностранному языку в высшей школе как основе создания практико-ориентированных заданий профессиональной коммуникативной сферы.

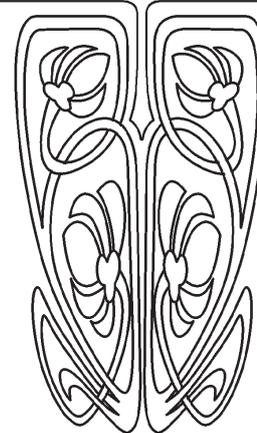
Ключевые слова: виртуальные туры, виртуальные экскурсии, виртуальные путешествия, межкультурные виртуальные производственные туры, технология виртуальных туров, профильно-ориентированное обучение иностранным языкам

Для цитирования: Воронина Д. К. Межкультурные виртуальные производственные туры как лингво-профессиональная составляющая обучения иностранному языку студентов технических специальностей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 85–89. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-85-89>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Article

Intercultural virtual industrial tours as a means of linguo-professional component of foreign language teaching for engineering students

D. K. Voronina

K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russia

Daria K. Voronina, darya_d_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3234-7992>

Abstract. Profession-oriented component in foreign language teaching at a university is considered essential for compliance with the requirements of the Federal State Educational Standard of Higher Education within the competence approach. Information technology and the Internet resources involvement contribute much to the increased opportunities of professional development in foreign language training. The virtual reality technology development has a certain value for foreign language teaching process. Virtual excursion technologies are used as socio-cultural and country studies specific components of the process. Innovative virtual industrial tours are considered by the author as a means of profession-oriented exercises and task development for engineering students. The aim of the article is to justify virtual industrial tours introduction into foreign language teaching process for IT and technical education students. The author also gives a problem-based task of a virtual tour to the Google office in London as an example. The conclusion is made that there are plenty of opportunities for introducing virtual industrial tours into foreign language teaching and developing professional foreign language communicative competence.

Keywords: virtual tour, virtual excursion, virtual industrial tour, virtual tours technology, profession-oriented foreign language teaching

For citation: Voronina D. K. Intercultural virtual industrial tours as a means of linguo-professional component of foreign language teaching for engineering students. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 85–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-85-89>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Требования компетентного подхода в отношении иноязычной подготовки предполагают наличие профессионально-профилирующего компонента в содержании и методах системы обучения иностранному языку в высшей школе. Акцентируется внимание на преобладании самостоятельных проблемно-поисковых видов деятельности обучающихся с разной степенью учебной автономии в процессе решения профессионально значимых задач средствами изучаемого языка.

Появление программных возможностей создания виртуальных путешествий вносит существенный вклад в развитие туристической, рекламной индустрий, музейного дела, гостиничных сервисов и т.п. Совершенно очевидно, что подобные технологии имеют и ярко выраженный образовательный потенциал, а значит, могут быть заимствованы для достижения различных целей в учебно-образовательном процессе.

Т. В. Черевичко и Е. А. Александрова в подробном анализе возможностей образовательных путешествий устанавливают соответствие образовательного туризма основным положениям средового подхода, возвращая читателей к основам педагогической мысли Я. Корчака, А. С. Макаренки, В. А. Ясвина и др. Формирование индивидуальной образовательной траектории, как отмечают исследователи, естественнее протекает в условиях эмоционально окрашенного погружения в информационную среду, оказывающую определенное образовательное воздействие [1].

Целью данной работы является иллюстрация возможностей виртуального туризма в учебно-образовательном процессе по иностранному языку в высшей школе как одного из перспективных направлений расширения круга образовательных и программных средств, привлекаемых преподавателями для интенсификации, диверсификации и профессионализации описываемого процесса.

Результаты и их обсуждение

Объем проведенных исследований свидетельствует о том, что технология виртуальных туров (путешествий, экскурсий) имеет глубокое теоретическое обоснование для различных предметных областей и реализации в учебно-образовательном процессе по большому спектру учебных дисциплин. Описаны дидактико-методический, социализирующий, развивающий, культурно-воспитательный потенциалы технологии виртуальных туров на уроках физики, химии, географии, литературы, краеведения, биологии и, что особенно актуально для настоящей работы, иностранного языка.

На основе анализа исследований попытаемся конкретизировать понятие виртуальной экскурсии (тура) применительно к образовательным целям. Виртуальные экскурсии рассматриваются в качестве педагогической технологии, позволяющей достигать целей эмпирического познания фрагмента действительности в условиях удаленного наблюдения за реально существующими объектами, явлениями и процессами посредством трехмерных технологий визуализации и геоинформационных систем.

Исследователями выделяются следующие сущностные характеристики, обуславливающие нарастающий интерес к применению технологии на различных этапах образовательного процесса (от дошкольной подготовки до вуза):

ярко выраженный деятельностный и личностно-ориентированный потенциал, рассматриваемый в условиях компетентностного подхода в качестве важного условия для соответствия требованиям федеральных образовательных стандартов;

обеспечение инклюзивности образования для обучающихся с ограниченными возможностями физического здоровья;

усиление практико-ориентированной составляющей, наглядности и реалистичности в представлении учебного материала (отмечается усиление связей между порциями учебной информации и реальной жизнью);

обеспечение целостности в представлении информации – наблюдение за реальным природным, социальным, физическим процессом или явлением во всем многообразии его форм и сопутствующих условий – рассматривается в качестве средства развития аналитических умений, способностей к выделению главного и исключению несущественного, обобщению, сопоставлению, синтезу и оценке входящей информации;

предоставление образовательных возможностей для удаленных или слабо развитых регионов (сельских школ, техникумов и вузов в регионах с неразвитой научно-производственной сферой), а также в случаях невозможности организовать посещение предприятий, имеющих высокий класс радиационной или технологической опасности;

значительное снижение временных и материальных издержек по сравнению с организацией непосредственного посещения объектов;

соответствие особенностям мышления обучающихся «цифрового поколения», естественность форм получения и восприятия информации с точки зрения специфики когнитивной сферы обучающихся, родившихся после 2000 г.;

высокий уровень адаптивности к условиям вынужденного или сознательного перехода на дистанционное обучение, что в современных условиях рассматривается в качестве важного критерия целесообразности применения той или иной технологии [2–4].

Стоит отметить особую актуальность описываемой технологии для дисциплины «Иностранный язык».

В публикациях последних лет научно обосновано привлечение виртуальных экскурсий по городам и объектам культурного наследия (музеи, выставки, экспозиции) на занятиях по ино-

странному языку в качестве социокультурного и страноведческого компонентов учебно-образовательного процесса [5–7]. В отличие от просмотра фото-, видеофрагментов презентаций участник экскурсии имеет возможность самостоятельно управлять маршрутом своего следования, заходить в помещения, останавливаться для детального изучения отдельного объекта, поворачивать в нужную сторону, оглядываться, возвращаться в любую точку маршрута. Очевидно, виртуальная реальность может служить цели моделирования аутентичной среды, где естественнее происходит присвоение единиц языка и речи, необходимых в конкретной ситуации, в которой оказался обучающийся с помощью виртуального тура.

Таким образом, виртуальные экскурсии в иноязычном образовании, с одной стороны, служат цели визуализации мирового историко-культурного наследия и погружения в повседневные реалии стран изучаемого языка, а с другой – могут вносить посильный вклад в расширение лингво-профессионального опыта и картины мира обучающихся.

Большой интерес для настоящей работы представляет возможность совместить социокультурный потенциал виртуальных экскурсий на занятиях по иностранному языку и промышленно-технологические предпосылки к их проведению для обучающихся технических направлений подготовки. В этой связи уместно ввести понятие «межкультурные виртуальные производственные туры».

Возможность виртуального посещения современных производственных и ИТ-предприятий в странах изучаемого языка отвечает требованиям интерактивности, естественной наглядности и, что особенно актуально в условиях компетентностного подхода, *межпредметной интеграции* иноязычной и профилирующей подготовки студентов технических специальностей. Вне временных и географических рамок, без финансовых затрат и наличия специального пропуска в образовательных и популяризаторских целях открывается доступ к новейшим технологическим процессам, современным рабочим местам и реальным условиям будущей профессиональной деятельности обучающихся.

Очевидно, что межкультурные виртуальные производственные туры открывают массу методических возможностей для применения в условиях профильно-ориентированного обучения иностранному языку студентов технических специальностей.

Рассмотрим конкретный пример проблемно-поискового задания, реализованного с применением виртуального тура в лондонский офис Google.

В основу положим выделенные Д. К. Бартош, Н. Д. Гальсковой, М. В. Харламовой этапы работы с виртуальной экскурсией на занятиях по иностранному языку (преддемонстрационный, демонстрационный, последемонстрационный этапы) [8].

Актуализация опорных знаний. What do we know about such a corporation as Google? Do you want to work for it? Why (not)?

Создание проблемной ситуации (появление противоречия). Вниманию обучающихся предлагается текст англоязычного блога бывшего сотрудника компании. Текст иллюстрирует «подводные камни» работы в организации мирового уровня. Условно все недостатки можно поделить на три группы: человеческий фактор, специфика проектов компании и организация рабочих условий. Все примеры отражают субъективное видение автора текста. Задача обучающихся проранжировать описанные недостатки с точки зрения значимости для них самих. Далее обучающимся с примерно одинаковыми результатами предлагается объединиться в группы и сформулировать гипотезу, насколько подходящей может оказаться работа в компании для конкретной группы.

Формулировка цели посещения экскурсии. Определяются задачи, выдвигаемые обучающимися для нахождения подтверждений или опровержения своей гипотезы. Студенты могут нарисовать схематический маршрут, разработать алгоритм поиска решений или представить вербальный план работы во время экскурсии на предприятии. Могут быть распределены роли между участниками каждой группы для одновременной проработки сразу нескольких направлений поиска необходимой информации.

Актуализация потенциально необходимого вокабуляра. Обучающиеся совместно или в микрогруппах генерируют идеи, отражающие лексические единицы, которые могут встретиться или понадобиться в процессе вербализации поиска решений и самой экскурсии на англоязычное предприятие. Результаты могут быть отражены в ментальной карте, табличной форме, выписаны на карточки со схематичным изображением объектов.

Поиск решения. В процессе проведения экскурсии обучающиеся делают заметки, обращают внимание на детали, просят преподавателя приостановить или воспроизвести отдельные фрагменты экскурсии либо самостоятельно управляют экскурсией с личного носителя.

Промежуточные итоги. Обучающиеся в группах обсуждают и обрабатывают порции полученной информации с точки зрения полезности для решения поставленных задач. В случае

недостаточности какой-либо информации может быть принято решение об обращении к сторонним ресурсам, и поисковая деятельность возобновляется. Преподаватель может предложить так называемый хот-лист англоязычных источников (блоги, форумы, сайты-отзовики), раскрывающих сопутствующие сведения о работе компании.

Афиширование. Обучающиеся готовят и афишируют результат проведенной работы. В зависимости от уровня владения иностранным языком результат может быть представлен в виде презентации, инфографики, эссе, монологов-рассуждений, тезисных высказываний за (против).

Дискуссия и рефлексия. В рамках всей группы дается критический анализ представленных результатов, полученного культурного, профессионально значимого и лингвистического опыта. Вновь систематизируются привлеченные лексические единицы, обсуждаются трудности, с которыми обучающиеся столкнулись в процессе поиска. Формируются возможные предпосылки и перспективы для продолжения работы по теме, предлагаются свежие идеи для производственных экскурсий, выявляются новые противоречия.

Помимо организации проблемно-поисковой деятельности, материалы виртуальных производственных туров могут использоваться в качестве основы для других видов заданий: составления ментальных карт, описания картинок (скрин-шотов) из посещенных виртуально производственных объектов, а также пересказы, доклады и презентации, диалоги-расспросы, обмен впечатлениями, мнениями, ответы на вопросы преподавателя и т.п.

Выводы

Совмещение технологии виртуальных экскурсий, традиционно используемых на занятиях по иностранному языку в целях усиления социокультурной составляющей содержания обучения, с виртуальными производственными турами, обладающими образовательной ценностью для студентов технических специальностей, реализуется посредством привлечения межкультурных виртуальных производственных туров к процессу профильно-ориентированного изучения иностранного языка. Важно отметить: посещение межкультурных виртуальных производственных туров на занятиях по иностранному языку в высшей школе – не вполне освоенное направление методической науки, однако, с большой долей вероятности, одно из перспективных. Потенциальный вклад, который межкультурные виртуальные производственные туры могут внести в формирование профессионально-коммуникативной иноязычной компетенции обучающихся, обусловлен

наличием кросс-культурной профессиональной составляющей, высокой степенью аутентичности, интерактивности, новизны, способствующих увеличению вовлеченности, заинтересованности и активности обучающихся в процессе изучения иностранного языка в вузе. В сравнении с традиционными текстами профессиональной направленности, дополненными набором лексико-грамматических упражнений, виртуальные производственные туры потенциально могут вызвать сильный эмоциональный отклик со стороны обучающихся, а также в значительно большей степени соответствуют целям расширения кругозора, развития исследовательских умений и повышения уровня учебной автономии обучающихся в процессе иноязычной подготовки в высшей школе.

Список литературы

1. Черевичко Т. В., Александрова Е. А. «Образовательное путешествие» как метод освоения туристского образовательного пространства // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11, № 2 (42). С. 91–97.
2. Морозова З. Г. Виртуальные экскурсии как инновационная форма обучения при изучении географии в школе // География в школе. 2020. № 6. С. 52–54.
3. Осипов В. Ф. Виртуальные экскурсии в учебном процессе // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 11-8 (67). С. 167–171.
4. Баркова И. В. Виртуальное краеведение для детей // Библиография и книговедение. 2016. № 3 (404). С. 66–72.
5. Енбаева Л. В., Чеснокова М. В., Мальцева И. Н. Виртуальные экскурсии как средство развития познавательного процесса внимания на уроках английского языка // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2016. № 12. С. 140–145.
6. Чернышов С. В., Шамов А. Н. Роль виртуальной и дополненной реальностей в обучении иностранным языкам в условиях цифрового информационного пространства // Шатиловские чтения. Цифровизация иноязычного образования. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 32–49.
7. Шамов А. Н., Панкратова Е. Н. Развитие информационной компетенции будущих инженеров // Высшее образование сегодня. 2013. № 7. С. 17–21.
8. Бартош Д. К., Гальскова Н. Д., Харламова М. В. Электронные технологии в системе обучения иностранным языкам : теория и практика : учебное пособие. М. : Московский городской педагогический университет ; Канцлер, 2017. 220 с.

References

1. Cherevichko T. V., Aleksandrova E. A. «Educational travel» as a means of tourist educational space development. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education], 2020, vol. 11, no. 2 (42), pp. 91–97 (in Russian).
2. Morozova Z. G. Virtual tours as an innovative form of learning when studying geography at school. *Geografija v shkole* [Geography in School], 2020, no. 6, pp. 52–54 (in Russian).
3. Osipov V. F. Virtual excursions in the educational process. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Relevant Scientific Studies in the Modern World], 2020, no. 11-8 (67), pp. 167–171 (in Russian).
4. Barkova I. V. Virtual regional local history for children. *Bibliografija i knigovedenie* [Bibliography and Bibliology], 2016, no. 3 (404), pp. 66–72 (in Russian).
5. Enbaeva L. V., Chesnokova M. V., Mal'tseva I. N. Virtual excursions as a means of cognizance process development in English classes. *Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [The Problems of Romance-Germanic Philology, Pedagogy and the Methods of Teaching Languages], 2016, no. 12, pp. 140–145 (in Russian).
6. Chernyshov S. V., Shamov A. N. The role of virtual and augmented reality in international languages teaching in terms of digital information space. In: *Shatilovskie chteniya. Cifrovizaciya inoyazychnogo obrazovaniya* [Shatilov's Scientific Readings. Foreign Languages Education Digitalization]. St. Petersburg, Politech-Press, 2020, pp. 32–49 (in Russian).
7. Shamov A. N., Pankratova E. N. Informational competence development for engineering students. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 2013, no. 7, pp. 17–21 (in Russian).
8. Bartosh D. K., Gal'skova N. D., Harlamova M. V. *Elektronnye tehnologii v sisteme obuchenija inostrannym jazykam: teorija i praktika* [Electronic Technology in the Foreign Language Educational System]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennii universitet Publ.; Kancler Publ., 2017. 220 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.05.2021; одобрена после рецензирования 11.05.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 01.05.2021; approved after reviewing 11.05.2021; accepted for publication 20.12.2021

Научная статья

УДК 378.1

Профессиональная подготовка будущих специалистов сферы государственного управления к деятельности в условиях инновационного государственного управления

Н. В. Провоторова

Луганский государственный педагогический университет, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2

Провоторова Наталия Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, provotorova.natalija@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4597-0903>

Аннотация. Статья посвящена исследованию профессиональной подготовки будущих специалистов сферы государственного управления к деятельности в условиях инновационного государственного управления. Цель – определение особенностей подготовки к профессиональной деятельности специалистов сферы государственного управления в рамках новых моделей. Анализируются такие модели, как «новое государственное (публичное) управление» (New Public Management), «хорошее правительство» (Good Governance), проектный менеджмент, «электронное правительство» (e-government); обозначены проблемы их внедрения в органы государственной власти, определяемые профессиональной компетентностью специалистов; выделены показатели и условия эффективной профессиональной деятельности специалистов сферы государственного управления. Описаны способности, навыки, компетенции и умения, необходимые будущим специалистам для осуществления деятельности при инновационном государственном управлении. Акцентируется внимание на необходимости развития профессионально важных качеств будущих специалистов, способствующих эффективности инновационной профессиональной деятельности. Предложена структура профессионально важных качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности в условиях инновационного государственного управления. В качестве решения проблемы подготовки современных специалистов предлагается создать педагогическую модель формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, будущие специалисты сферы государственного управления, новые модели управления, профессиональные особенности, профессионально важные качества

Для цитирования: Провоторова Н. В. Профессиональная подготовка будущих специалистов сферы государственного управления к деятельности в условиях инновационного государственного управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 90–94. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-90-94>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Professional training of future specialists in public administration to work in the conditions of innovative public administration

N. V. Provotorova

Lugansk State Pedagogical University, 2 Oboronnaya St., Luhansk 91011

Nataliia V. Provotorova, provotorova.natalija@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4597-0903>

Abstract. The article is devoted to the study of professional training of future specialists in public administration to work in the conditions of innovative public administration. The purpose of the article is to determine the features of specialists in public administration in the framework of new management models. The analysis of such models as “new state (public) management” (New Public Management), “good Government” (Good Governance), project management, and “electronic government” (e-government) is presented and the problems of their implementation in public authorities determined by the professional competence of specialists are described. The indicators and conditions of effective professional activity of specialists in the field of public administration within the framework of the designated management models are highlighted. The article presents the abilities, skills, and competencies necessary for future specialists to carry out activities in innovative public administration. Attention is focused on the need of developing professionally important qualities of future specialists that contribute to the effectiveness of innovative professional activities. In this regard, the structure of professionally important

qualities necessary for successful professional activity in innovative public administration is presented. As a solution to the problem of training modern specialists, it is proposed to create a pedagogical model for the formation of professional readiness of future specialists in the field of public administration.

Keywords: professional training, future specialists in public administration, new management models, professional features, professionally important qualities

For citation: Provotorova N. V. Professional training of future specialists in public administration to work in the conditions of innovative public administration. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 90–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-90-94>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении нескольких десятилетий в современном мире наблюдается обновление государственного управления. Процессы модернизации государственного управления выдвигают новые требования к уровню профессиональной подготовки будущих специалистов сферы государственного управления.

Вопросам профессиональной подготовки в сфере государственного управления посвятили свои труды Е. А. Агеева, А. А. Антипов, Г. В. Атаманчук, Т. Б. Батуева, В. Н. Галузо, Е. Ю. Ворончихина, В. Г. Игнатов, А. П. Егоршин, А. Ю. Ильин, З. Э. Исаев, А. М. Колесников, К. О. Магомедов, В. П. Мельников, Т. Е. Наливайко, В. С. Нечипоренко, Е. В. Охотский, Б. Т. Пономаренко, Д. С. Саралинова, А. А. Становой, В. А. Тимченко, А. И. Турчинов, Л. Б. Филатова, А. А. Хохлова и др.

Опираясь на определения, предложенные М. А. Викулиной, А. Г. Пашковым, Ю. В. Киричковым, В. В. Нестеренко, В. Д. Федоровым, С. У. Гончаренко, Ю. А. Гришко, отметим, что профессиональная подготовка специалистов сферы государственного управления – это система профессионального обучения в высшем учебном заведении соответствующего профиля, направленная на формирование обязательных для будущей профессиональной деятельности знаний, практических навыков, компетенций, профессионально важных качеств и свойств личности, способствующих успешному выполнению профессиональных обязанностей.

Особого внимания заслуживает исследование особенностей профессиональной подготовки, необходимых в условиях инновационного государственного управления. Под инновационным государственным управлением подразумевается форма государственного управления, основывающаяся на новых подходах, которые применяют органы государственной власти для решения возложенных на них задач [1].

Анализ таких подходов, в частности новых моделей управления, определяет понимание особенностей профессиональной деятельности специалистов сферы государственного управления в инновационных условиях.

На сегодняшний день в мировой практике чаще всего применяются:

модель «нового государственного (публично-го) управления» (New Public Management);

модель «хорошего правительства» или «эффективного управления» (Good Governance);

проектный менеджмент;

модель «электронного правительства» (e-government).

New Public Management – это модель публичного управления, с помощью которой государство обеспечивает предоставление услуг гражданам, мотивирует их к самостоятельному решению проблемных ситуаций, координирует деятельность государственных и коммерческих организаций [2].

Основная особенность New Public Management заключается в применении рыночных механизмов в государственном управлении. Выделяются следующие условия «нового государственного менеджмента», способствующие пониманию специфики деятельности будущих специалистов сферы государственного управления в рамках данной модели: применение современных инновационных управленческих технологий; проявление креативности, самостоятельности и открытости; повышение качества публичных услуг [3, с. 122].

Модель «хорошего правительства», или «эффективного управления» (Good Governance), предполагает особый тип управления («управление без правительства») и означает тесное сотрудничество на партнерских началах между государственным и негосударственным секторами, где политики и государственные служащие принимают решения вместе с представителями общественности [4].

Good Governance основывается на условиях «участия общества в управлении, ориентированность на достижение консенсуса, подотчетность, прозрачность, комплиментарность сложившемуся социальному запросу, эффективность и действенность, справедливость и следование принципу верховенства закона» [5, с. 40]. Отличительной особенностью данной модели является стрем-

ление к достижению общего блага с учетом политико-моральных критериев, построенных на сотрудничестве и эффективной коммуникации [6].

При схожести содержания представленных концепций новое государственное управление предусматривает децентрализацию органов государственного управления, а модель «хорошего правительства» – проектный принцип организации. Проектный менеджмент в современном государственном управлении – одна из наиболее актуальных и прогрессивных управленческих технологий. Управление проектами – это совокупность специальных методов и приемов, способствующая решению организационно-технических проблем, предполагающая процесс управления командой, ресурсами в целях успешного осуществления проекта.

Новаторское толкование термина «проект» предполагает понимание проекта как элемента, фрагмента, этапа в выполнении определенных программ, самостоятельного управленческого решения хозяйственного, финансового характера [1]. Следует заметить, что любая инновация, реформа в государственном управлении может быть внедрена только с помощью реализации различного рода проектов. Соответственно, специалисты сферы государственного управления должны обладать знаниями, умениями и навыками, способствующими эффективному внедрению государственных проектов.

E-government («электронное правительство») предполагает использование новых информационных и коммуникативных технологий в органах государственного управления для совершенствования его функционирования и предоставления электронными средствами административных услуг всем категориям граждан и частным структурам, а также их информирование о работе государственных органов, что делает максимально простым и доступным ежедневное общение граждан и бизнес-структур с официальными учреждениями. Одна из основных ценностей e-government – это возможность участия населения в решении вопросов государственного управления.

Учитывая то, что деятельность современных специалистов сферы государственного управления реализуется в сетевой компьютерной среде, необходимым требованием для них является формирование информационной культуры. В целом проблемы, связанные с внедрением новых моделей управления, сводятся к вопросам подготовки будущих специалистов к деятельности в новых условиях. Можно выделить следующие показатели эффективности профессиональной деятельности специалистов сферы государствен-

ного управления: результативность, своевременность, доступность, комфортность, открытость, уважение к личности, профессионализм [7]. Вместе с тем в условиях инновационного государственного управления особое значение приобретает развитие концепции социальной ответственности и формирования клиент-ориентированной организационной культуры. В свою очередь, культурные изменения влекут за собой смену ценностей и представлений специалистов, формирование их профессионально-личностной культуры, уважения к потребителям государственных услуг, стратегического мышления и т.п.

Учитывая вышесказанное, отметим, что профессиональная подготовка будущих специалистов для современного государственного управления предполагает формирование профессиональных умений и навыков, основывающихся на специальных знаниях, развитии необходимых способностей, психических познавательных процессов, личностных качеств, а также мастерстве применения средств и методов управленческой науки. Поэтому важным является изучение требований, предъявляемых к будущим специалистам сферы государственного управления в условиях инновационного управления.

Современные ученые, учитывая специфику профессиональной деятельности специалистов сферы государственного управления, выделяют следующие способности, качества и умения, необходимые им для успешной профессиональной деятельности:

открытость мышления и поведения, инновационность, социальные навыки, нацеленность на результат, организованность, дисциплинированность и пр. [8, с. 284];

предрасположенность к «разумному» риску, готовность к изменениям, положительное отношение к инновациям, работа на перспективу, желание учиться и применять новые знания и пр. [9, с. 100];

способность действовать в интересах людей, социальная и профессиональная ответственность, мобильность, переключаемость, установка на успех и достижение результата, целеустремленность, умение прогнозировать, планировать, стремление к профессиональному развитию и пр. [10, с. 45];

высокий уровень развития коммуникативных, волевых, мотивационных, регуляторно-личностных, социально значимых качеств и пр. [11, с. 117].

Опираясь на труды вышеназванных ученых, предлагаем структурировать профессионально важные качества, необходимые для деятельности будущих специалистов сферы государственного управления (таблица).

Структура профессионально важных качеств будущих специалистов сферы государственного управления
Structure of professionally important qualities of future specialists in public administration

Основные группы профессионально важных качеств		
Качества, определяющие предрасположенность и являющиеся основой профессиональной деятельности	Качества, непосредственно влияющие на эффективность профессиональной деятельности	Качества, способствующие дальнейшему профессиональному и личностному развитию
Ценностные ориентации, цели и интересы, связанные со служением государству и народу	Надежность, активность, эмпатийность, настойчивость, коммуникабельность, мобильность и пр.	Гибкость, самостоятельность, требовательность к себе, стремление к саморазвитию и пр.

В заключение подчеркнем, что подготовка будущих специалистов сферы государственного управления должна проводиться с учетом условий и требований современности. В связи с этим первоочередной задачей видится создание педагогической модели формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления, обоснованию и разработке которой будет посвящена наша дальнейшая работа.

Список литературы

1. Федорчук О. В. Проектный подход как инновационный механизм государственного управления // Государственное управление : теория та практика : электрон. наук. фах. вид. НАДУ. 2006. № 1. URL: <http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/dutp/2006-1/txts/TEKNOLOGIYA/06fovmdu.pdf> (дата обращения: 07.02.2021).
2. Dunleavy P., Hood C. From old public-administration to new public management // *Public Money & Management*. 1994. № 14 (3). P. 9–16.
3. Охотский Е. В. Государственное управление : на пути к современной модели государственного менеджмента // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3 (36). С. 115–127.
4. Governance for Sustainable Human Development // *World Bank. Proceedings of the World Bank Annual Conference on Development Economics*. Washington : [s. n.], 1992. 38 p.
5. Понкин И. В. О понятии и концепте «Хорошего управления» («Good Governance») // Государственная служба. 2013. № 4 (84). С. 39–42.
6. Долгих У. О. Good governance – альтернативный путь государственного управления // Наука. Мысль : электронный периодический журнал. 2017. № 6. С. 23–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/good-governance-alternativnyy-put-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 05.03.2021).
7. Вернигор І. Ю. Якість надання державних послуг в умовах розвитку інформаційного суспільства в Україні // Результат-орієнтовані підходи, інстру-

менти та технології в публічному управлінні: наук.-практ. конф. За тіжнорю участю / за ред. Ю. П. Шарова (Дніпропетровськ, 28 жовтня 2012 р.). Дніпропетровськ : ДРІДУ НАДУ, 2012. С. 61–64.

8. Загороднюк С. О. Акімов О. О. Компетенції державного службовця як основа психологічної готовності до професійної діяльності у євроінтеграційних умовах // «Ефективність державного управління» збірник наукових праць. 2013. Вип. 36. С. 277–286.
9. Коновалова М. Інноваційність у державній службі як чинник розвитку національної інноваційної системи України // Вісник Національної академії державного управління. 2012. № 3. С. 96–103.
10. Новосельская И. Б. Взаимосвязь особенностей профессиональной деятельности государственных служащих и их профессионально важных качеств : дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 137 с.
11. Хаудов С. К. Требования органов местного самоуправления к профессионально важным качествам муниципальных служащих // Акмеология. 2013. № 4 (48). С. 113–118.

References

1. Fedorchak O. V. *Project approach as an innovative mechanism of Public Administration. Derzhavne upravlinnja: teoriya ta praktika* (Public Administration: Theory and Practice). Available at <http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/dutp/2006-1/txts/TEKNOLOGIYA/06fovmdu.pdf> (accessed 7 February 2021) (in Ukrainian).
2. Dunleavy P., Hood C. From old public-administration to new public management. *Public Money & Management*, 1994, no. 14 (3), pp. 9–16.
3. Okhotskiy E. V. Public administration: Modernizig the current model of state management. *Vestnik MGIMO University*, 2014, no. 3 (36), pp. 115–127 (in Russian).
4. Governance for Sustainable Human Development. *World Bank. Proceedings of the World Bank Annual Conference on Development Economics*. Washington : [s. n.], 1992. 38 p.

5. Ponkin I. V. About the notion and concept of “Good Governance” (“Good Governance”). *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Service], 2013, no. 4 (84), pp. 39–42 (in Russian).
6. Dolgikh U. O. Good governance – alternative path of public administration. *Nauka. Mysl': elektronnyy periodicheskiy zhurnal* (The Science. Thought: electronic periodical journal), 2017, no. 6, pp. 23–28. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/good-governance-alternativnyy-put-gosudarstvennogo-upravleniya> (accessed 5 March 2021) (in Russian).
7. Vernigor I. Yu. Quality of public services in the context of the development of the information society in Ukraine. In: Yu.P. Sharova, ed. *Rezultat-orientovani pidkhodi, instrumenti ta tekhnologii v publichnomu upravlinni* [As a result, having oriented approaches, tools and technologies in public administration] (Dnepropetrovsk, 28 October 2012). Dnepropetrovsk, DRIDU NADU Publ., 2012, pp. 61–64 (in Ukrainian).
8. Zagorodnyuk S. O., Akimov O. O. Competence of a civil servant as a basis for psychological readiness for professional activity in European integration conditions. *Efektivnist' derzhavnogo upravlinnya* [Efficiency of Public Administration], 2013, iss. 36, pp. 277–286 (in Ukrainian).
9. Konovalova M. Innovation in the civil service as a factor in the development of the national innovation system of Ukraine. *Visnik Nacional'noi akademii derzhavnogo upravlinnja* [Bulletin of the National Academy of Public Administration], 2012, no. 3, pp. 96–103 (in Ukrainian).
10. Novosel'skaya I. B. *The relationship between the features of the professional activity of civil servants and their professionally important qualities*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2000. 137 p. (in Russian).
11. Khaidov S. K. Requirements of local self-government bodies for professionally important qualities of municipal employees. *Akmeologiya* [Acmeology], 2013, no. 4 (48). pp. 113–118 (in Russian).

Поступила в редакцию 11.03.2021; одобрена после рецензирования 20.03.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 11.03.2021; approved after reviewing 20.03.2021; accepted for publication 20.12.2021

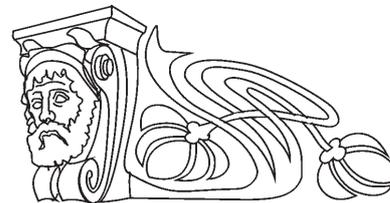

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 95–99
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 95–99
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-95-99>

Научная статья
УДК 372.881.1

Генезис проблемы формирования цифровой межкультурной компетентности в период с 1970-х до начала 2000-х гг.

Н. Х. Савельева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Савельева Нэлли Хисматуллаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и образовательных технологий, nellik1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0311-1430>

Аннотация. Анализ трудов по проблемам педагогики профессионального образования позволил выделить кризисные точки в ее развитии, связанные, прежде всего, с несоответствием содержания образовательных результатов требованиям работодателей и приоритетам государственной политики в области цифровизации и инноваций. Формирование ключевых компетенций работников стало одним из приоритетных условий создания и эффективного функционирования инновационной экономики Российского государства. Активное и повсеместное внедрение современных наукоемких технологий обуславливает повышение требований государства и общества к квалификации выпускников вузов, уровню их межкультурной компетентности, готовности осваивать новые подходы к профессиональной деятельности. Эти факторы объясняют пристальное внимание ученых и специалистов разных отраслей знания к проблемам межкультурной подготовки будущих специалистов в условиях глобализации. Предложена периодизация развития проблемы формирования цифровой межкультурной компетентности; выявлены характерные тенденции на втором этапе ее развития; определены социокультурные, исторические, научно-теоретические предпосылки ее становления и развития. Этимологическая сложность и разноплановость проблемы исследования обусловила выделение исторических тенденций по нескольким направлениям, а именно: становление информационного общества, компетентностного характера системы высшего образования, проблемы формирования межкультурной компетентности.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, цифровая межкультурная компетентность, межкультурное взаимодействие, информатизация, информатизация, информационное общество

Для цитирования: Савельева Н. Х. Генезис проблемы формирования цифровой межкультурной компетентности в период с 1970-х до начала 2000-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 95–99. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-95-99>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genesis of the problem formation of digital intercultural competence in the period from the 1970s until the early 2000s

N. Kh. Savelyeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Yekaterinburg 620002, Russia

Nelly Kh. Savelyeva, nellik1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0311-1430>

Abstract. The analysis of works on the problems of vocational education pedagogy made it possible to highlight the crisis points in its development, associated, first of all, with the inconsistency of the educational results content with the requirements of employers and the priorities of state policy in the field of digitalization and innovation. The system of forming employees' key competencies has become one of the priority conditions for the creation and effective functioning of the Russian state innovative economy. The active and widespread introduction of modern science-intensive technologies leads to an increase in the requirements of the state and society for the qualifications of university graduates, the level of their intercultural competence, and readiness to master new approaches to professional activity. These factors explain the close attention of scientists and specialists from different branches of knowledge and areas of pedagogy, psychology, public administration, sociology, informatics, etc., to the problems of intercultural training of future specialists in the context of globalization. The article proposes the periodization of the development of the problem of forming digital intercultural competence, the identification of characteristic trends at the second stage of the problem development, the identification of socio-cultural, historical, scientific and theoretical prerequisites for its formation and development. At the same time, the etymological complexity and diversity of

the research problem led to the identification of historical trends in several directions: emergence of information society; formation of the competence nature of the higher education system; development of the problem of forming intercultural competence.

Keywords: intercultural competence, digital intercultural competence, intercultural interaction, information, informatization, information society

For citation: Savelyeva N. Kh. Genesis of the problem formation of digital intercultural competence in the period from the 1970s until the early 2000s. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 95–99 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-95-99>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Необходимость организационного оформления образовательной деятельности по формированию цифровой межкультурной компетентности, которая в течение нескольких десятилетий XX в. постепенно, но целенаправленно развивалась в различных отраслях научного знания, для современного общества стоит достаточно остро. В связи с этим предлагается рассмотрение генезиса процесса формирования цифровой межкультурной компетентности будущего госслужащего с 20-х гг. XX в. по сегодняшний день. На наш взгляд, именно этот период связан со значительной сменой общественных и научно-педагогических ориентиров, что позволит объективно оценить динамику интересующего нас феномена.

Данный период мы целенаправленно разделили на 3 этапа:

1-й этап (1920–1970-е гг.) отличается ограничением потока информации, поступающей из-за рубежа, активизацией исследовательской деятельности, появлением в научном вокабуляре понятий «компетенция», «коммуникативная компетентность», зарождением научных подходов к проблеме формирования цифровой межкультурной компетентности;

2-й этап (1970-е – начало 2000-х гг.) ознаменован изобретением персонального компьютера и мультимедиа технологий; появлением первых исследований в области межкультурной коммуникации; введением категории «компетентность» в область обучения иностранным языкам, в обучение общению; Болонским процессом;

3-й этап (начало 2000 г. – сегодняшний день) характеризуется активным формированием глобального информационного общества; переходом понятия «информация» в статус товара и экономической единицы; признанием важности и необходимости внедрения в практику подготовки специалистов идей межкультурного диалога. Профессиональная компетентность становится предметом всестороннего рассмотрения.

Постановка проблемы

Рассмотрим более подробно второй этап (1970-е – начало 2000-х гг.). Появление персонального компьютера и информационных технологий обусловило начало информационной эры, связанной с развитием научных представлений о цифровой культуре и ее характеристиках. Обозначенный период мы характеризуем как этап постепенного оживления и мультилатеральной фундаментализации проблемы формирования цифровой межкультурной компетентности. Для обозначенного периода характерно использование категории компетентность (компетенция) в сфере образования, отбора и подготовки кадров.

Методология

Научная методология служит средством получения ответов на поставленные вопросы, организации научного исследования и интерпретации полученных результатов. Методы научного исследования отражают реальное состояние предмета исследования и могут быть теоретическими или эмпирическими. По целям методы научного исследования мы классифицируем следующим образом: 1) эмпирические методы; 2) аналитическо-синтетические методы (компонентный анализ исследуемого феномена, определение и описание его характеристик и внутривидовых связей); 3) историко-логические методы (описание фактов на основе логического развития, генезиса проблемы); 4) методы систематизации информации.

В настоящем исследовании применялись методы поиска и сбора информации по проблеме формирования цифровой межкультурной компетентности, ее историко-педагогический анализ.

Результаты

Совершенствование методов работы с информацией обусловило необходимость взаимодействия коммуникантов без географического и пространственного ограничения, что потребовало разработки и создания системы удаленных компьютеров посредством модемного соедине-

ния через телефон. Удаленный тип соединения позволил партнерам коммуницировать на расстоянии благодаря возможностям электронной почты, обеспечивавшей обмен короткими текстовыми сообщениями. Следующим шагом в технологической организации информатизации стало обеспечение мобильности, которое связано с появлением сотовой связи в 1978 г., обеспечившей возможность оперативного обмена информацией. Появление мобильного компьютера позволило пользователю работать с информационными ресурсами компьютера мобильно и повсюду.

Конец 80-х гг., ознаменованный началом процесса перестройки и тяжелой экономической и общественно-политической ситуацией в СССР, связан с незначительными попытками со стороны правительства переломить ситуацию благодаря разработке новых технологий. В 1989–1991 гг. разрабатывается ряд концепций и проектов по информатизации общества. К моменту развала СССР ситуация в области информатизации приобрела характер катастрофического отставания от передовых стран Запада.

В 1995 г. появляется «Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов» [1], послуживших основой для создания «Концепции государственной инновационной политики Российской Федерации на 1998 – 2000 годы» [2].

В области межкультурной коммуникации также происходят значительные изменения и сдвиги, связанные с политизацией и социологизацией общества, произошедшие после 1968 г. Методика обучения иностранным языкам этого периода характеризуется ярко выраженными страноведческими аспектами, когда на первый план выносятся современные, общественные и политические реалии изучаемой культуры. Приоритетными в области исследований проблем межкультурного взаимодействия становятся рассмотрение и анализ стереотипов, изучение различных народностей в условиях расширяющегося европейского пространства и мировой глобализации.

В обозначенный период появляются так называемые «Штуттгартские тезисы» по организации учебных занятий по страноведению (1982 г.), в которых были обозначены цели межнационального общения и взаимопонимания [2], предусматривавшие не только наличие декларативных знаний в области культурных традиций партнера по коммуникации, но и принятие его точки зрения с целью понимания образа деятельности и поведения. Считаю вы-

шеуказанный документ началом исследований проблем межкультурного взаимодействия, который изначально был тесно связан с концепцией понимания иного, чуждого (Герберт Крист, Лотар Бределла). Непосредственное обращение к вопросам межкультурного обучения в педагогической науке произошло в 1980-х гг., когда с конца 70-х гг. остро встала проблема организации процесса обучения иностранцев («педагогика для иностранцев»), а именно облегчения процесса преимущественно языковой интеграции детей-иммигрантов («педагогика ассимиляции»). С конца 80-х гг. XX в. акцент в области проблем межкультурного взаимодействия смещается на различия в культурах, происходит признание потенциала межкультурной педагогики. В этот период немецкий ученый Георг Ауэрнхаймер [3] выделяет основные принципы (равенство и признание) и цели межкультурной педагогики (понимание и способность к общению).

С конца 90-х гг. в условиях конструивистской парадигмы усиливается влияние диверсивной педагогики, идей универсализма и культурного релятивизма, что привело к дальнейшей модификации межкультурной педагогики в кросскультурную [4–7].

Одним из первых ученых Европы, посвятивших себя исследованию проблем межкультурного взаимодействия, стал Т. Щёфтхалер. Его разработки основывались на концепциях педагогики для иностранцев 70-х гг. и идеях межкультурной педагогики 80-х гг. В контексте миграционной педагогики и кросскультурного воспитания в отличие от принципов межкультурного обучения и воспитания, ориентированных в первую очередь на интеграцию национальных меньшинств в существующие общественные структуры, Щёфтхалер исследовал процессы совместного воспитания детей национальных меньшинств и местного преобладающего населения [8].

К концу XX в. идеи межкультурного диалога привлекали все большее внимание в системах образования разных стран. Всеобщее осознание тесной взаимосвязи и взаимовлияния родного языка и культуры в воспитательном и образовательном процессах позволило обозначить необходимость более пристального изучения культурных, мыслительных и смысловых характеристик коммуникативных процессов. В этот период активное развитие получает движение за гражданские права, обострившее проблемы этнических, межэтнических и межрасовых отношений, придав характерную антропоцентрическую направленность исследованиям, посвященным взаимодействию языка и культуры.

В обозначенный период Д. Хаймс вводит в научный вокабуляр термин «этнография коммуникации», которая рассматривалась с позиций социолингвистического подхода и анализа типов поведения в коммуникации [9].

Как утверждает О. А. Леонтович [10], для исследований в области межкультурных коммуникаций в России конца XX в. характерен сдвиг научного ракурса в сторону лингвистики. Исследования в сфере коммуникативистики и межкультурной коммуникации, в частности, находятся в зачаточном состоянии. Изучение коммуникационных процессов осуществляется с позиций междисциплинарного подхода, через призму международных политических исследований. Впоследствии в отдельные отрасли научной мысли выделяются такие дисциплины, как введение в теорию перевода, теория и практика перевода, различные аспекты перевода, методика обучения иностранным языкам, сравнительная культурология, психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и т.п.

В этот период в Европе и России активно развивается лингводидактика, предусматривающая обучение отдельным иностранным языкам с позиций межкультурных аспектов. Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез – авторы первого пособия по лингводидактике – посвящают свое исследование влиянию различных аспектов культуры на процесс обучения иностранным языкам. Придерживаясь мнения Г. Нейнера и Г. Гунфельда, Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез признают факт формирования в российской методике коммуникативного обучения иностранным языкам нового направления, вобравшего в себя преимущества социокультурного и культурологического подходов, технологий интегративного страноведения и межкультурного обучения [11].

Конец 90-х гг. связан с появлением в теории и практике обучения иностранным языкам феномена «компетентность». В этот период в Лондоне выходит книга Дж. Равена «Компетентность в современном обществе» [12], посвященная подробному описанию и анализу понятия «компетентность», выделению в его составе взаимозаменяемых когнитивных и эмоциональных компонентов как составляющих эффективного поведения. Рассматривая компетентности в качестве «мотивированных способностей», Дж. Равен называет 37 видов компетентностей, среди которых – способность к критическому мышлению, готовность использовать новые идеи и инновации для достижения цели, отношение к правилам как указателям желательных способов поведения, способность принимать решения,

способность избегать конфликтов и разногласий и при необходимости решать их, терпимость по отношению к различным стилям жизни окружающих и др.

Выводы

Итак, мы полагаем, что для второго этапа исследуемой проблемы характерно активное развитие интереса со стороны государства и научного сообщества к проблемам информатизации общества и межкультурного взаимодействия, обусловленное следующими социокультурными предпосылками:

1. Реорганизация и обновление всех сфер экономики с учетом требований, связанных с глобальной информатизацией общества и широким распространением средств массовых коммуникаций и информационных технологий.

2. Активизация внимания со стороны органов государственного управления на проблему разработки и внедрения правовых норм регулирования процесса информатизации.

3. Актуализация (преимущественно лингвистами и преподавателями иностранных языков) теоретических основ поликультурной педагогики, проблем соотношения языка и культуры, национального характера коммуникативного поведения и выделение межкультурной коммуникации в отдельную отрасль науки, признающую приоритетными основами успешного взаимодействия такие качества личности, как толерантность, эмпатия, уважение к представителям других национальностей и культур и др.

Список литературы

1. Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=240699#3FIGRxsYz7HUo4n> (дата обращения: 18.02.21).
2. О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы: постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832. URL: <http://ivo.garant.ru/#document/179112/paragraph/4:0> (дата обращения: 18.02.21).
3. *Auernheimer G.* Einführung in die Interkulturelle Pädagogik. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft 2., überarbeitete und ergänzte Auflage. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995. 268 S.
4. *Göhlich M.* et al. Transkulturalität und Pädagogik. Interdisziplinäre Annäherungen an ein kulturwissenschaftliches Konzept und seine pädagogische Relevanz. Weinheim ; München : Juventa, 2006. 196 S.
5. *Göhlich M., Liebau E., Leonhard Hans-Walter, Zirfas J.* Transkulturalität und Pädagogik // M. Göhlich, ed. Trans-

- kulturalität und Pädagogik. Interdisziplinäre Annäherungen an ein kulturwissenschaftliches Konzept und seine pädagogische Relevanz. Weinheim ; München : Juventa, 2006. S. 7–29.
6. Datta A. Hrsg. Transkulturalität und Identität. Bildungsprozesse zwischen Exklusion und Inklusion. Frankfurt am Main: Verlag für Interkulturelle Kommunikation, 2005. 226 S.
  7. Gippert W., Götte P., Kleinau E. Transkulturalität. Gender- und bildungstheoretische Perspektiven. Bielefeld : Transcript, 2008. 301 S.
  8. Schöfthaler T. Multikulturelle und transkulturelle Erziehung – zwei Wege zu kosmopolitischen kulturellen Identitäten // *International Review of Education*. 1984. № 3. S. 11–24.
  9. Hymes D. On Communicative Competence // Pride J. B., Holmes J., eds. *Sociolinguistics*. Harmondsworth : Penguin, 1972. P. 269–293.
  10. Леонтович О. А. Россия и США : Введение в межкультурную коммуникацию : учебное пособие. Волгоград : Перемена, 2003. 399 с.
  11. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учебное пособие для студентов учреждений высшего образования / 8-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2015. 363 с.
  12. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация / пер. с англ. М. : Когито-Центр, 2002. 396 с.
  3. Auernheimer G. *Einführung in die Interkulturelle Pädagogik* [Introduction to Intercultural Pedagogy]. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995. 268 S. (in German).
  4. Göhlich M. et al. *Transkulturalität und Pädagogik* [Transculturality and Pedagogy]. Integration to Scientific Culturological Concept and Its Pedagogical Relevancy]. Weinheim, München, Juventa, 2006, 196 p. (in German).
  5. Göhlich M., Liebau E., Leonhard Hans-Walter, Zirfas J. Transkulturalität und Pädagogik. In: Göhlich M., ed. *Transkulturalität und Pädagogik. Interdisziplinäre Annäherungen an ein kulturwissenschaftliches Konzept und seine pädagogische Relevanz* [Transculturality and Pedagogy. Interdisciplinary Links with Cultural Concepts and its Pedagogical Relevance]. Weinheim, München, Juventa, 2006, pp. 7–29 (in German).
  6. Datta A. Hrsg. *Transkulturalität und Identität. Bildungsprozesse zwischen Exklusion und Inklusion* [Transculturality and Identity. Educational Processes Between Exclusion and Inclusion]. Frankfurt am Main, Verlag für Interkulturelle Kommunikation, 2005. 226 p. (in German).
  7. Gippert W., Götte P., Kleinau E. *Transkulturalität. Gender- und bildungstheoretische Perspektiven* [Transculturality. Gender and Educational-Theoretical Perspectives]. Bielefeld, Transcript, 2008. 301 p. (in German).
  8. Schöfthaler T. *Multikulturelle und transkulturelle Erziehung – zwei Wege zu kosmopolitischen kulturellen Identitäten* [Multicultural and Transcultural Education – Two Paths to Cosmopolitan Cultural Identities]. *International Review of Education*, 1984, no. 3, pp. 11–24 (in German).
  9. Hymes D. *On Communicative Competence*. In: J. B. Pride, J. Holmes, eds. *Sociolinguistics*. Harmondsworth, Penguin, 1972, pp. 269–293.
  10. Leontovich O. A. *Rossija i SSHA: Vvedeniye v mezhkulturnuyu kommunikatsiyu* [Russia and the United States: An Introduction to Intercultural Communication]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 399 p. (in Russian).
  11. Galskova N. D., Gez N. I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika. 8-e izd., ispr. i dop.* [Theory of Teaching Foreign Languages. Language Education and Methods. 8th ed., rev. and add.]. Moscow, Akademiya Publ., 2015. 363 p. (in Russian).
  12. Raven Dzh. *Kompetentnost v sovremennom obshchestve. Vyyavleniye, razvitiye i realizatsiya* [Competence in Modern Society. Identification, Development and Implementation]. Trans. from English. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2002. 396 p. (in Russian).

References

1. *Kontseptsiya formirovaniya i razvitiya edinogo informatsionnogo prostranstva Rossii i sootvetstvuyuschikh gosudarstvennykh informatsionnykh resursov* (The Concept of Formation and Development of a Unified Information Space of Russia and the Corresponding State Information Resources). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=240699#3FIGRxSiyZ7HUo4n> (accessed 18 February 2021) (in Russian).
2. О kontseptsii innovatsionnoy politiki Rossiiskoy Federatsii na 1998–2000 gg.: postanovleniye Pravitelstva RF ot 24 iyulya 1998 g. № 832 (About the conception of innovative politics of the Russian Federation for 1998–2000: Resolution of the Government of the Russian Federation of July 24, 1998 No. 832). Available at: <http://ivo.garant.ru/#document/179112/paragraph/4:0> (accessed 18 February 2021) (in Russian).

Поступила в редакцию 19.09.2021; одобрена после рецензирования 29.09.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 19.09.2021; approved after reviewing 29.09.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 100–104

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 100–104

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-100-104>

Научная статья

УДК 376.623/396.4

Образование женщин высшего и среднего сословий в Англии XVII века

Е. В. Ушакова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ушакова Евгения Владимировна, аспирант кафедры методологии образования, e.v-ushakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9831-4267>

Аннотация. В Англии традиции женского образования формировались на протяжении столетий и сохранились до сегодняшних дней. В первую очередь многие учебные заведения в Англии придерживаются идеи раздельного обучения мальчиков и девочек, что служит, по мнению руководителей школ, более качественному образованию. Главный аргумент в пользу раздельного обучения мальчиков и девочек остается все тем же, каким был 100 или 200 лет назад: мальчики и девочки более сосредоточены на учебе отдельно друг от друга. В XVII в. в Англии женское образование в высших кругах общества становится более популярным, чем в прежние века. Это столетие характеризуется ростом числа женских учебных заведений, изменениями в целях и содержании женского образования, переменой в отношении к женской образованности и роли женщины в семье и обществе, на что в немалой степени повлияли исторические события – Английская революция 1640-х гг., Английская республика (1649–1660), Реставрация (1660), религиозные гонения, идеи Просвещения. В статье представлены результаты теоретического исследования особенностей образования женщин среднего и высшего сословий, виды существовавших в XVII в. женских образовательных учреждений, изучаемые в них предметы, специфика домашнего образования.

Ключевые слова: Англия XVII в., женское образование, женские школы, домашнее образование

Для цитирования: Ушакова Е. В. Образование женщин высшего и среднего сословий в Англии XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 100–104. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-100-104>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Female education of the upper and middle classes in the 17th century England

E. V. Ushakova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeniya V. Ushakova, e.v-ushakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9831-4267>

Abstract. In England the traditions of female education were formed over the centuries, and have survived to the present day. First of all, many educational institutions in England adhere to the idea of separate education of boys and girls, which serves a better education, according to school leaders. The most powerful argument in favor of separate education of boys and girls remains the same as it was one or two hundred years ago – boys and girls are more focused on learning being apart from each other. In addition, boys need a competitive environment more than girls who prefer cooperation and teamwork. In the XVII century female education becomes more widespread than in previous centuries. This century is characterized by an increase in the number of women's educational institutions, changes in the goals and contents of female education, changes in the attitude to the female education and the role of women in the family and society, which were largely influenced by historical events – the English Revolution of the 1640s, the Republic under Cromwell, the Restoration, religious persecution, the ideas of the Enlightenment. The article presents the results of theoretical studies of the features of middle and upper class women education, types of women educational institutions existed in the XVII century, subjects studied there, and specifics of home education.

Keywords: XVII century England, female education, women's schools, home education

For citation: Ushakova E. V. Female education of the upper and middle classes in the 17th century England. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 100–104 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-100-104>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В начале XVII в. в Англии мест для обучения девочек высшего и среднего сословий было немного. Количество женских школ значительно увеличилось во второй половине XVII в. При этом доступ в грамматические школы в то время оставался ограниченным для девочек, поскольку привилегией обучаться в них пользовались мальчики, готовящиеся к поступлению в Оксфорд или Кембридж, в которые женщин не допускали. Так, в бесплатной грамматической школе в Ривингтоне в графстве Ланкашир в 1615 г. обучалась одна девочка, две или три – в 1616 и 1617 гг., 12 – в 1672 и 13 – в 1681 г. В 1645 г. сэр Джон Оффлей основал две школы для мальчиков и девочек в Мэйдли, графство Стаффордшир. Их разделяла стена, которая демонстрировала гендерное и учебное разграничение учеников [1, р. 185–187]. Число школ-пансионов для девочек росло, но они в основном были сосредоточены в городах. В Лондоне были учреждены несколько модных пансионов для благородных девиц. Они включали школу Ladies' Hall в Детфорде, основанную в 1617 г., где учениц обучали шитью и музыкально-драматическим выступлениям при дворе, школу миссис Фрейнд в Степни, где в 1628 г. за определенную плату обучали письму, шитью и музыке, несколько пансионов в Хэгни в 1630-х гг. и несколько пансионов в Патни [2, р. 47]. Так как в большинстве грамматических школ обучали только классическим предметам, все возрастающий спрос на другие предметы привел к образованию частных школ, специализирующихся на математике, письме и современных языках. Некоторые из них занимались обучением и девочек. Первая частная академия для девочек была открыта миссис Первич в Хэгни в 1643 г., за 17 лет своего существования обучившая 800 девочек. Около шестнадцати учителей были наняты, чтобы учить девочек пению и музыкальной игре на клавесине, органе, виоле, лютне и других струнных инструментах [3, 4].

По словам историка Ж. Камм, Ladies' Hall и другие школы подобного типа считались публичными, т. е. частными учебными заведениями, в которых девочек из разных семей набирали на пансион и обучение. Многие из таких школ нанимали приезжих учителей, спасающихся от религиозного преследования, которые обучали девочек танцам, музыке и языкам, входившим в программу наряду с разнообразными уроками рукоделия во всех их замысловатых и бесполезных разновидностях. Хэгни, Челси и Патни находились в числе самых популярных центров для девочек [2, с. 47]. На протяжении XVII в. вошли в моду своего рода «академии для до-

черей джентльменов». В состав Хэгни входило несколько таких школ, которые в совокупности называли дамским университетом, хотя университетом его представить было трудно. В то время Хэгни была благоприятной для здоровья деревней в пригороде Лондона, где проживали многие процветающие семьи среднего и высшего сословий и где можно было обнаружить школы одинакового типа с одинаковой клиентурой. Славу этим школам принес визит чиновника морского ведомства Сэмюэля Пипса (1633–1703) в апреле 1667 г. Школы в Хэгни поддерживались годами состоятельными родителями юных леди, но записи не сохранились. Подобные школы были открыты и в других деревнях вокруг Лондона, но записи о них также были утеряны, кроме нескольких фраз из расходных книг [5, р. 9–10].

Многие школы для девочек в XVII в. носили, как правило, религиозную направленность. Один из таких «институтов» был основан Мэри Уорд (1585–1645), блестящей молодой католичкой, поставившей себе в жизни цель – приобщить молодых женщин к католической вере с помощью образования. По ее мнению, достижению данной цели могло помочь создание учреждения скрытых от людских глаз монахинь, которым следовало иметь манеры и носить одежду, соответствующие их окружению, желательно, чтобы это не расходилось с их духовными целями. Однако протестантизм и нелюбовь к католикам в Англии стали помехой для организации подобной школы. Мэри Уорд пришлось уехать из страны и основать свое учреждение для девочек в Сент-Омер во Франции в 1609 г. Вместе с ней на континент бежали еще 5 дам благородного происхождения, среди которых самой близкой Мэри была хорошо образованная Винифред Вигмор, говорящая бегло на пяти языках. Самой младшей в группе Мэри Поинтс было 16 лет, и она полностью положила на Мэри Уорд. У каждой леди имелась компаньонка, так что в Сент-Омер были созданы практически домашние условия. В школе обучались французские и английские девочки, последние находились на полном пансионе. Школа Мэри Уорд была особенно популярна среди многих дворян-католиков, которые планировали отправить своих дочерей обучаться вере и хорошим манерам к дамам в Сент-Омер [6, р. 39]. Программа религиозного института основывалась на иезуитских традициях, английских леди готовили для религиозной и светской жизни посредством обучения чтению, письму, религии, латыни, а также игре в постановках пьес для улучшения устной речи. Английские ученицы института также давали

клятвы в скромности, целомудрии и послушании. После восстановления монархии в 1660 г. многие женские школы были открыты квакерами и другими диссидентами. В 1686 г. для девочек из католических семей была открыта школа Bar Convent в Йорке. Англиканская церковь была также активна в учреждении благотворительных школ для сирот и бедных девочек, чтобы научить их основам грамотности и практическим умениям, таким как шитье.

Одной из самых известных школ для девочек была школа High Cross, основанная учительницей и писательницей Батсуа Мейкин (1600–1675) в 1673 г. в Тоттенхэме, недалеко от Лондона, в которой она пыталась претворить свои педагогические идеи в жизнь [7]. Для миссис Мейкин целью образования являлось воспитание характера на религиозной основе, но для этого необязательно, чтобы весь процесс обучения сводился к религиозным предметам. Она не находила признаков разумных принципов воспитания в Англии периода Реставрации. При разработке программы своей школы Батсуа Мейкин придерживалась идеи, согласно которой девочки 8–9 лет, умеющие хорошо читать, могли изучать латынь и французский язык с легкостью наряду с науками. Вдобавок они могли обучаться мастерству писания миниатюр, консервированию, выпечке и приготовлению пищи. Девочки, желавшие остаться в школе на продолжительное время, могли получить дополнительные знания по астрономии, географии, истории и арифметике. Те, кто считал, что одного языка достаточно для женщины, могли воздержаться от изучения языков и заняться изучением только экспериментальной философии и другими предметами, к которым имела склонность [8, р. 93].

В XVII в. образование девочек из знатных семей осуществлялось главным образом в домашних условиях под присмотром родителей и тьюторов, но записей, подтверждающих это, дошло до нас мало. Несколько сохранившихся образцов светского домашнего образования не указывают на какое-либо особое обучение. Однако есть и яркие примеры. Так, миссис Элис Торнтон (1626–1707), леди Энн, дочь графа Страффорда, и леди Арабелла Уэнтурот воспитывались в Ирландии и получили «самое лучшее образование во всем Королевстве». Их обучили письму и французскому языку, пению, танцам, игре на лютне и басовой теорбе (вид лютни), а также вышивке шелком, приготовлению цукатов и другим навыкам, полезным для ведения домашнего хозяйства и необходимым для девиц их социального положения [6, с. 44–45]. Не всегда

домашние условия были поощряющими для юных девиц. Писательница и путешественница, получившая известность благодаря своим «Турецким письмам», леди Мэри Уортли Монтегю (1689–1762) занималась резьбой по дереву, чтобы выставлять деревянный бюст отца на обозрение в дни приемов, по случаю которых она обедала за час до назначенного события. Ее обучили французскому языку в детстве и итальянскому языку, когда ей было 20 лет. Латынь она учила сама тайком в течение двух лет в отцовской библиотеке, работая по 5–6 часов в день, когда другие считали, что она проводит время за чтением романов [9]. То же самое можно сказать и об Элизабет Элстоб (1683–1756), авторе самой ранней «Старой английской грамматики», занимавшейся изучением англо-саксонских языков, образование которой вначале поощряла ее мать, которая умерла, когда Элизабет было 8 лет, и гувернантка, не одобрявшая женской образованности, отказала ей в обучении, которого так жаждала ее подопечная. Она не стала даже заниматься с ней французским языком, посчитав, что женщине достаточно знать один язык. Однако Элстоб смогла самостоятельно выучить этот язык, читая книги, принадлежавшие ее брату Уильяму, выпускнику Оксфорда, который и поощрял ее интеллектуальное развитие. Она проживала с братом 13 лет сначала в Оксфорде, а затем в Лондоне, где он служил пастором в двух приходах. Именно брат способствовал тому, чтобы она занималась наукой и стала серьезным ученым. Элизабет говорила бегло на восьми языках, в том числе старом германском, готическом и франкском, и стала признанным ученым в области саксонских языков [10, р. 36; 11].

Пример Элстоб можно считать показательным, поскольку таким же образом могли получить приличное образование и другие благородные девушки, которым посчастливилось иметь образованных отца, братьев или других родственников-мужчин, не препятствовавших их образованию, а наоборот, всячески ему способствовавших. Часто муж сам обучал необразованную жену и впоследствии своих детей, не делая различий между мальчиками и девочками. Однако в большинстве случаев считалось, что женщине ни к чему быть образованной, и все, что от нее требовалось, это быть хорошей хозяйкой в доме супруга. Образование сыновей, которым предстояло овладеть профессией, оставалось в приоритете. Женских профессий не существовало в то время, поэтому и смысла давать дочерям хорошее образование не было. Тем не менее во многих семьях дочерям стремились

дать приличное образование с целью привлечь будущего мужа и радовать его в замужестве игрой на музыкальных инструментах, пируэтами или рисованием. К концу XVII в., когда традиционный взгляд на подчиненное положение женщины в браке сменился на признание супруги равным компаньоном мужа, изменился и взгляд на женское образование, поскольку, чтобы быть ближе к мужу по уму и знаниям, даме из высшего и среднего сословий надлежало получить приличное образование. Такой брак обещал процветание и взаимопонимание, но это при условии, что сам будущий супруг был также далеко не глуп. Писатель Джонатан Свифт (1667–1745) сетовал на то, что половине хорошо образованной знати и джентри приходится либо оставаться холостяками, либо сосуществовать с женщинами, к которым они не испытывают никакого уважения, поскольку те являются глупыми кокетками, болтушками, лентяйками, картежницами и интриганками [12].

После Реставрации 1660 г. большее количество учебных заведений для девочек появилось и в провинции. В Оксфорде было два пансиона для девочек в 1670-е гг. В Манчестере в период с 1638 по 1673 гг. существовал пансион под управлением миссис Парнелл Эмье, в котором за 11 фунтов в год девочек обучали чтению и шитью, а также другим предметам – письму, танцам и музыке – за дополнительную плату. Между 1680 и 1714 гг. в Манчестере некая миссис Фрэнклэнд управляла пансионом для дочерей диссидентов. В Лестере в 1687 г. миссис Энджелл, жена директора грамматической школы, готовила ученых дам благородного происхождения. Отсылки на эти школы встречаются лишь в переписках, дневниках или автобиографиях, но и они позволяют предположить, что к середине XVII в. в каждом городе имела академия для девочек [1, р. 187–188].

Начиная с XVII в. под влиянием исторических событий и перемен в обществе все больше женщин высказывали в своих трудах мысль о том, что их униженное положение происходит из-за недостатка образования. Это время можно считать началом активной публицистической деятельности женщин, все чаще выражающих в тексте свои мысли и идеи женского образования и положения женщин в обществе. Именно в этом столетии благодаря все чаще звучащим в печати женским голосам общество начинает задумываться над проблемой женского образования и роли женщины в обществе и браке. Женщины пишут, требуют, вносят свои предложения в организацию женского образования, желая хотя бы

в этом добиться равенства с мужчинами. Именно в это время появляются яркие памфлеты об образовании таких авторов, как Батсуа Мейкин и Мэри Эстелл, которые, наряду с Мэри Монтегю, Элизабет Элстоб, Маргарет Кавендиш, Афрой Бен и другими, могли служить образцом образованнейших женщин [13–16].

Список литературы

1. O'Day R. Education and society 1500–1800 : The social foundations of education in early modern Britain. London : Longman, 1982. 324 p.
2. Kamm J. Hope deferred: girls' education in English history. London : Routledge, 1965. 324 p.
3. A biographical encyclopedia of early Modern Englishwomen : Exemplary lives and memorable acts, 1500–1650 / ed. by C. Levin, A. Bertolet, J. Carney. London and New York : Routledge, 2016. 660 p.
4. Ogilvie M., Harvey J. The biographical dictionary of women in science: pioneering lives from Ancient times to the mid-20th century. New York and London : Routledge, 2000. Vol. 1. 1640 p.
5. A companion to Early Modern women's writing / ed. by Anita Pacheco. UK, Blackwell Publishing Ltd., 2002. 414 p.
6. Reynolds M. The Learned Lady in England, 1650–1760. Boston and New York : Houghton Mifflin Company, 1920. 545 p.
7. Kersey S. N. Classics in the education of girls and women. London : Scarecrow Press Inc., 1981. 323 p.
8. Teague F. Bathsua Makin, woman of learning. London : Associated University Presses Inc., 1998. 196 p.
9. Stone L. The family, sex and marriage. In England 1500–1800. New York ; Hagerstown ; San Francisco ; London : Harper & Row, Publishers Inc., 1977. 860 p.
10. Lerner G. The creation of feminist consciousness : From the Middle Ages to Eighteen-seventy. Oxford University Press, 1993. 410 p.
11. Robin D. M., Larsen A. R., Levin C. Encyclopedia of Women in the Renaissance. Italy, France, and England. California, ABC – CLIO, 2007. 459 p.
12. Swift J. Of education of ladies. The works of the Rev. URL: <https://en.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 09.06.2020).
13. Donawerth J. Rhetorical theory by women before 1900 : An anthology. Boston, Rowman & Littlefield, 2002. 337 p.
14. Ostovich H., Sauer E. Reading early modern women : An anthology of texts in manuscript and print 1550–1700. New York & London : Taylor & Francis Group Inc., 2004. 520 p.
15. Women writers and the early modern British political tradition / ed. by Hilda L. Smith. Cambridge University Press, 1998. 407 p.
16. Women's worlds in seventeenth-century England / ed. by Patricia Crawford and Laura Gowing. London and New York : Routledge, 2005. 342 p.

References

1. O'Day R. *Education and society 1500–1800: The Social Foundations of Education in Early Modern Britain*. London, Longman, 1982. 324 p.
2. Kamm J. *Hope Deferred: Girls' Education in English History*. London, Routledge, 1965. 324 p.
3. C. Levin, A. Bertolet, J. Carney, eds. *A Biographical Encyclopedia of Early Modern Englishwomen: Exemplary Lives and Memorable Acts, 1500–1650*. London and New York, Routledge, 2016. 660 p.
4. Ogilvie M., Harvey J. *The Biographical Dictionary of Women in Science: Pioneering Lives from Ancient Times to the Mid-20th Century*. New York and London, Routledge, 2000, vol. 1. 1640 p.
5. Anita Pacheco, ed. *A Companion to Early Modern Women's Writing*. UK, Blackwell Publishing Ltd., 2002. 414 p.
6. Reynolds M. *The Learned Lady in England, 1650–1760*. Boston and New York, Houghton Mifflin Company, 1920. 545 p.
7. Kersey S. *Classics in the Education of Girls and Women*. London, Scarecrow Press Inc., 1981. 323 p.
8. Teague F. *Bathsua Makin, Woman of Learning*. London, Associated University Presses Inc., 1998. 196 p.
9. Stone L. *The Family, Sex and Marriage. In England 1500–1800*. New York, Hagerstown, San Francisco, London, Harper & Row, Publishers Inc., 1977. 860 p.
10. Lerner G. *The creation Of Feminist Consciousness: From the Middle Ages to Eighteen-Seventy*. Oxford University Press, 1993. 410 p.
11. Robin D., Larsen A., Levin C. *Encyclopedia of Women in the Renaissance: Italy, France, and England*. California, ABC – CLIO, 2007. 459 p.
12. Swift J. *Of Education of Ladies. The Works of the Rev.* Available at: <https://en.wikisource.org/wiki/> (accessed 9 June 2020).
13. Donawerth J. *Rhetorical Theory by Women Before 1900: An Anthology*. Boston, Rowman & Littlefield, 2002. 337 p.
14. Ostovich H., Sauer E. *Reading Early Modern Women: An Anthology of Texts in Manuscript and Print 1550–1700*. New York & London, Taylor & Francis Group Inc., 2004. 520 p.
15. Hilda L. Smith, ed. *Women Writers and the Early Modern British Political Tradition*. Cambridge University Press, 1998. 407 p.
16. Patricia Crawford and Laura Gowing, eds. *Women's Worlds in Seventeenth-Century England*. London and New York, Routledge, 2005. 342 p.

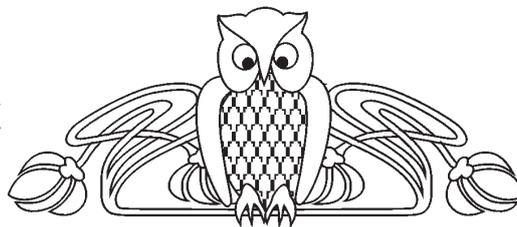
Поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 26.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 20.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 105–109
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 105–109
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-105-109>

Научная статья
УДК 372.881.111.1

ESP как средство формирования универсальных и профессиональных компетенций будущих юристов

О. М. Шерехова

Петрозаводский государственный университет, Россия, 185910, г. Петрозаводск, ул. Ленина, д. 33

Шерехова Ольга Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных направлений, olmili@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2817-7700>

Аннотация. В условиях развития процессов глобализации и международной интеграции специалисты различных областей сталкиваются с новыми вызовами современного общества, связанными с внедрением новых технологий, поиском современных подходов к решению профессиональных задач, а также с острой необходимостью эффективного обмена профессиональной информацией с коллегами из других стран. Особую актуальность для специалиста приобретает владение иностранным языком в профессиональном контексте. Анализ педагогических исследований, а также изучение потребностей обучающихся позволяют сделать вывод о необходимости использования современных методик обучения иностранному языку с учетом направления подготовки будущих специалистов. В статье описывается опыт преподавания английского языка для специальных целей в нелингвистическом вузе на основе разработанного курса для бакалавров-юристов преподавателями Петрозаводского государственного университета. Представленный автором курс основан на положениях коммуникативного и личностно-ориентированного подходов и содержит тексты и упражнения профессиональной направленности для успешного вовлечения обучающихся в коллаборативную деятельность на занятиях, что не только дает возможность повышать их мотивацию к изучаемому предмету, но и способствует формированию универсальных и профессиональных компетенций, необходимых для успешного осуществления деятельности юриста.

Ключевые слова: английский для специальных целей (ESP), универсальные и профессиональные компетенции, иноязычное образование, бакалавры-юристы, мотивация, моделирование ситуаций

Для цитирования: Шерехова О. М. ESP как средство формирования универсальных и профессиональных компетенций будущих юристов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 105–109. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-105-109>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

ESP as a tool for the formation of universal and professional competencies of future lawyers

O. M. Sherekhova

Petrozavodsk State University, 33 Lenin St., Petrozavodsk 185910, Russia

Olga M. Sherekhova, olmili@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2817-7700>

Abstract. At the time of increasing globalization and international integration, specialists in various professional spheres face new challenges of modern society which relate to the introduction of new technologies, the search for modern approaches to solving professional problems, as well as the urgent need for an effective exchange of professional information with colleagues from foreign countries. Therefore, it is very important for a professional to speak English fluently and be able to use the language in a professional context. The analysis of pedagogical research, as well as the study of the students' needs allows us to conclude that it is necessary to use modern approaches of teaching a foreign language, taking into account students' future profession. This paper discusses the experience of teaching ESP in a non-linguistic university based on the course for law students prepared by the professors of Petrozavodsk State University. The communicative and personality-oriented approaches fundamentally form the basis for this course. It contains texts and exercises connected with students' future profession. It enables teachers to successfully involve students in collaborative activities in foreign language classes, which makes it possible to increase their motivation for the subject, and also contributes to universal and professional competencies development necessary for the successful work of a competitive lawyer.

Keywords: English for special purposes (ESP), universal and professional competences, foreign language education, law students, motivation, simulation

For citation: Sherekhova O. M. ESP as a tool for the formation of universal and professional competencies of future lawyers. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 105–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-105-109>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Владение иностранными языками (далее – ИЯ) обеспечивает современному специалисту конкурентоспособность на рынке труда, предоставляя ему возможности общаться с зарубежными партнерами и первым получать информацию о достижениях науки и техники. В связи с этим изучение профессионально ориентированного языка или языка для специальных целей (ESP), который является необходимым инструментом, позволяющим результативно включаться в профессиональное межкультурное общение, становится все более востребованным для современного специалиста.

Спрос на получение знаний по ИЯ с целью использования их в различных областях появился в 70-е гг. прошлого столетия. На сегодняшний день существует множество определений ESP, которые основываются на идее обучения ИЯ с учетом потребностей обучающихся для возможности его дальнейшего использования в академических исследованиях и в профессиональных целях. Зарубежные и российские ученые не только разъясняют само понятие ESP и описывают его характеристики, но и представляют разработки в области методики обучения ESP [1, с. 38]. Такое обучение базируется на знаниях, полученных в процессе изучения общего английского, и осуществляется для того, чтобы сформировать у обучающихся коммуникативную компетенцию в соответствии с будущей профессиональной сферой и целевыми потребностями [2, с. 84].

На основе анализа педагогической литературы (А. А. Контримович, М. В. Паюнена, К. П. Чилингарян) и проведенного анкетирования среди студентов и преподавателей ИЯ в вузе были выявлены основные проблемы в реализации программ ESP:

1. Низкий уровень владения обучающимися ИЯ на момент поступления в вуз.
2. Отсутствие опыта обучения ESP и дополнительной профессиональной подготовки у преподавателя вуза.
3. Отсутствие современных учебно-методических комплексов для преподавания ESP.

Актуальность данного исследования состоит в поиске новых методов, форм и средств, обеспечивающих наиболее результативное овладение обучающимися ИЯ в рамках выбранной профессии. Цель данной статьи – описание и анализ опыта использования курса ИЯ для юристов как эффективного средства формирования универсальных и профессиональных компетенций будущих специалистов.

Преподаватели кафедры иностранных языков гуманитарных направлений (ИЯГН)

осуществляют иноязычную подготовку будущих юристов согласно подходам обучения, используемым в ESP. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13 августа 2020 г. утвердил новый ФГОС для бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция», согласно которому определяются универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции будущего юриста. Одной из ключевых компетенций специалиста является «способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке РФ и иностранном(ых) языке(ах)» [3].

Согласно опросу, проведенному среди бакалавров-юристов I курса, большинство респондентов (92%) считают, что обучение ИЯ должно осуществляться с учетом профиля подготовки, поскольку благодаря курсу ESP «возрастают шансы более эффективного обмена профессиональной информацией на ИЯ», «становятся доступными свежие профессиональные материалы на ИЯ», «появляется возможность участия в международных конференциях», «повышаются шансы трудоустройства в международные компании». Большинство студентов (83%) надеются улучшить навыки аудирования и речи с помощью курса ESP. Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты хотят получить практические навыки ИЯ для будущей профессиональной деятельности. 74% респондентов считают, что на занятиях ESP они смогут общаться и практиковаться в ситуационном диалоге, смоделированных ситуациях реального профессионального общения, а не просто слушать, как учитель объясняет правило или просит выполнить упражнения и перевести текст.

По мнению исследователей (Н. Г. Алявдина, О. А. Бондарева, Ю. М. Булаш, Т. Д. Маргарян и других), обучающиеся не смогут овладеть ESP в отрыве от его реального использования. Формирование содержания курса ESP необходимо осуществлять, опираясь на ряд принципов. Во-первых, разработка заданий должна основываться на методологии отрасли обучения, на видах деятельности, выполняемых в профессиональной сфере. Во-вторых, содержание курса ESP следует выстраивать с учетом использования аутентичных материалов [4, с. 336]. В-третьих, задания должны носить коммуникативный характер и быть направленными на организацию взаимодействия обучающихся. Для осуществления успешной коммуникации на ИЯ в сфере профессиональной деятельности необходимо иметь следующие навыки: «Умение использовать характерные особенности жаргона в конкретном

профессиональном контексте; умение использовать более обобщенный набор академических навыков; умение использовать язык для повседневного эффективного общения, независимо от профессионального контекста» [5, с. 149].

Интеграция этих навыков, а также соблюдение принципов отбора содержания материалов для обучения ESP легли в основу курса, разработанного преподавателями кафедры иностранных языков гуманитарных направлений по обучению ИЯ бакалавров-юристов. Содержание курса, его планирование, выбор материалов и заданий, а также оценивание результатов разработаны в соответствии с положениями коммуникативного и личностно-ориентированного подходов к обучению ИЯ. Универсальность предмета «Иностранный язык» дает возможность преподавателю обеспечивать все условия для формирования как универсальных, так и профессиональных компетенций обучающихся.

Курс состоит из 5 модулей, в процессе изучения которых студенты не только овладевают лексикой, необходимой для осуществления профессионального общения, но и участвуют в различных видах коммуникации, смоделированных преподавателем.

1-й модуль курса посвящен профессии юриста. В рамках его изучения студенты получают информацию о лучших университетах мира, обучаясь в которых можно получить юридическое образование, и составляют собственный рейтинг по предложенным критериям. Также студенты просматривают ряд видео, в которых иностранные студенты-юристы делятся опытом организации рабочего дня. Студенты разрабатывают собственную схему «10 шагов к профессии юриста», обсуждают на основе прочитанных статей, что необходимо знать будущему юристу. В рамках данного модуля проводится брейн-сторминг «Профессии, которыми ты можешь овладеть с дипломом юриста». На первой неделе обучения первокурсники участвуют в межинститутском конкурсе «Почему я выбрал эту профессию», подготавливая видеоролик в формате цифровой истории (Digital Story). Далее студенты знакомятся с личными и профессиональными качествами, которыми должен обладать хороший юрист. Они подробно изучают основы профессиональной этики юриста и код судейской этики. Следующая тема модуля посвящена сравнению профессиональной деятельности юриста и условий ее осуществления в разных странах. Студенты самостоятельно выбирают критерии, страны и представляют аналитические доклады в аудитории.

2-й модуль знакомит студентов с формами государства, с системами законодательной власти и правосудия в разных странах. Задания на основе текстов и видео помогают расширить запас лексики, непосредственно связанной с этой темой. Кроме того, обучающимся представляется широкий вокабуляр по теме «Судебный процесс», включая его участников, стадий и мер пресечения.

3-й модуль посвящен соблюдению прав человека. Студенты читают материалы о законодательных актах, сыгравших значительную роль в истории государств, таких как Хабеас корпус акт, Великая хартия вольностей, Билль о правах и др. Профессиональная деятельность юриста включает «знание законов, нормативно-правовых актов, умение толковать их и применять на практике» [6, с. 102]. Студенты смотрят видео о движениях по защите прав человека, на основе которого организуется перекрестная дискуссия. Ее участники разбиваются на две команды и задают по очереди вопросы друг другу. Далее обучающиеся переходят к теме «Правовые вопросы в повседневной жизни», в завершение изучения которой участвуют в «круглом столе» и обсуждают вопросы, касающиеся прав человека, например, «Право на самооборону», «Ограничения на свободу выражения мнений», «Борьба с киберпреступностью» и др. В качестве проекта студентам предлагается представить в виде презентации дело, рассмотренное Европейским судом по правам человека.

4-й модуль посвящен преступлениям и наказаниям. Выполняя упражнения, обучающиеся расширяют свой словарный запас, владение которым позволяет участвовать в различных видах деятельности, проектах, диалогах, а также в смоделированных преподавателем ситуациях. Например, студенты выступают в роли судей, разбирают совершенные преступления и выносят приговор: «Дэн, 17 лет, разбил окно в Мерседесе и украл телефон»; «Анна. 32 года, убила супруга ножом, пока тот спал. Девушка терпела его побои и оскорбления на протяжении 10 лет. Кроме того, он постоянно изменял ей», «Дина, 22 года, задержана на дискотеке во время продажи марихуаны. При обыске квартиры было обнаружено 50 граммов наркотика стоимостью 250 долларов» и др. [7, с. 51]. Обучающиеся обсуждают дела в минигруппах, изучают детали преступлений, рассматривают смягчающие и отягчающие обстоятельства, выносят приговор, руководствуясь системой наказаний согласно УК РФ. Студентам предлагается проранжировать правонарушения по степени их тяжести и

обсудить применяемые к ним наказания, например, езда с превышением скорости; нападение на человека (драка в диско-клубе), вождение в нетрезвом виде, преднамеренное нанесение вреда здоровью (нанесение ножевого ранения в драке) и др.

В рамках данного модуля обучающиеся принимают участие в дебатах по вопросу смертной казни. Одна из команд поддерживает резолюцию о том, что смертная казнь должна быть запрещена, другая возражает против данного мнения. Поскольку в этом модуле студенты значительно обогащают свой словарный запас лексикой, связанной с преступлениями и наказаниями, становится возможным проведение учебных судебных разбирательств (Mock Trials). Обучающимся предлагаются дела, судебные разбирательства над которыми они готовят в течение двух недель и представляют аудитории. Также студенты участвуют в «круглом столе», обсуждая высказывания известных людей, выражая свое согласие (несогласие) с ними и приводя собственные аргументы и примеры. Например, «Сторонники смертной казни мотивированы только желанием мести и возмездия», «Преступность можно значительно снизить только путем устранения социальной несправедливости», «Смертная казнь создает, а не решает проблемы» и др. Все упражнения носят коммуникативный характер, что не только мотивирует обучающихся к изучению предмета, но и способствует формированию их иноязычной компетенции. Кроме того, смоделированные ситуации подразумевают поиск необходимой информации и постоянное обращение студентов к нормативно-правовым актам, источникам уголовного, гражданского и административного права, что способствует формированию не только универсальных, но и профессиональных компетенций будущих юристов.

5-й модуль посвящен международному праву. В его рамках студенты изучают историю создания, основные направления деятельности международных организаций и их роль в международном праве. Поскольку международные организации оказывают огромное влияние на мировое сообщество, «осуществляют нормотворческую, кодификационную деятельность, а также выполняют контрольную функцию» [8, с. 8], обучающиеся изучают не только их структуру и основные проекты, но и регулирование деятельности этих организаций международным правом, готовят мини-доклады об участии разных стран в работе ООН.

В ходе решения коммуникативных задач в процессе иноязычного образования создаются условия для формирования ключевых универсальных компетенций, а именно: умение критически мыслить, работать в команде, быстро адаптироваться к изменениям, принимать решения, самостоятельно организовывать деятельность и др. [3]. Материалы, используемые в рамках курса, дают возможность студентам развивать коммуникативные стратегии, изучать межкультурные особенности процесса юридической консультации, видеть, как юридические термины функционируют в контексте реальных ситуаций. В процессе участия в смоделированных ситуациях и обсуждениях студенты учатся правильно применять нормы материального и процессуального права при решении задач профессиональной деятельности, анализировать основные закономерности формирования, функционирования и развития права в разных странах, а также логически верно, аргументированно и грамотно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием профессиональной юридической лексики. Все это способствует формированию профессиональных компетенций будущего юриста.

Таким образом, изучение ИЯ является необходимой составляющей в профессиональной подготовке специалистов. Формирование универсальных и профессиональных компетенций студентов становится более результативным, если организация иноязычного образования осуществляется с учетом их профессиональной направленности. Интеграция курсов ESP в процесс обучения в соответствии с потребностями обучающихся повышает их уровень владения ИЯ, что в дальнейшем способствует эффективному взаимодействию специалистов в межкультурном пространстве, делает их конкурентоспособными на глобальном рынке труда. Сочетание традиционных и современных методов обучения, использование аутентичных материалов, правовых актов и документов в сфере юриспруденции, моделирование профессиональных ситуаций не только делает изучение ИЯ практикоориентированным, но и создает благоприятную психологическую обстановку в аудитории и повышает мотивацию студентов.

Список литературы

1. Agystina T. English for Specific Purposes (ESP) : An Approach of English Teaching for Non-English Department Students // Beta. 2014. Vol. 7, iss. 1. P. 37–63.
2. Bilokcuoglu H. English for Specific Purposes // Journal of Social Sciences. 2012. № 6. P. 78–91.

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» : приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13 августа 2020 г. № 1011. URL: <http://study.garant.ru/#/document/74607104/paragraph/1:0> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Булаш Ю. М. Особенности создания курса английского языка для специальных целей // Иностранные языки : инновации, перспективы исследования и преподавания : сборник статей по итогам III Международной научно-практической конференции / под ред. Е. А. Пригодич [и др.]. Минск : Белорусский государственный университет, 2020. С. 333–337.
5. Чилингарян К. П. Английский для специальных целей в современном обществе // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 3. С. 145–150.
6. Бондарева О. А. Педагогическая модель процесса формирования профессиональных компетенций бакалавра юриспруденции в условиях реализации ФГОС // Известия Уральского Федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1. С. 102–109.
7. Гусева С. Г. *Brush Up Your Talk* : учебное пособие. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2017. 79 с.
8. Акимова А. В., Мартынцева М. А. Международные организации в международном праве // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права : сборник статей по итогам научной конференции / под ред. В. В. Коровина. Курск : Университетская книга, 2016. С. 7–11.
2. Bilokcuoglu H. English for Specific Purposes. *Journal of Social Sciences*, 2012, no. 6, pp. 78–91.
3. *Ob utverzhdenii federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 40.03.01 Jurisprudentsiya* (On the approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the direction of preparation 40.03.01 Jurisprudence (bachelor's level). Order of the Ministry of Science and Higher Education of 13 August 2020 No. 1011). Available at: <http://study.garant.ru/#/document/74607104/paragraph/1:0> (accessed 20 February 2021) (in Russian).
4. Bulash Ju. M. Peculiarities of an ESP Course Design. In: E. A. Prigodich, ed. *Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya* [Foreign Languages: Innovation, Research and Teaching Prospects. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2020, pp. 333–337 (in Russian).
5. Chilingaryan K. P. English for Specific Purposes and Modern Society. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2014, no. 3, pp. 145–150 (in Russian).
6. Bondareva O. A. Pedagogical Model of Professional Competencies of Law Students Development in the Context of the Implementation of the FSES. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta* [Bulletin of Ural Federal University. Series 1. Problems of Education, Science and Culture], 2013, no. 1, pp. 102–109 (in Russian).
7. Guseva S. G. *Brush Up Your Talk*: education guidance. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 2017. 79 p. (in English).
8. Akimova A. V., Martyntseva M. A. International Organizations in International Law. In: V. V. Korovin, ed. *Aktualnye problemy konstitutsionnogo, munitsipalnogo i mezhdunarodnogo prava* [Actual Problems of Constitutional, Municipal and International Law. Proceedings of the Scientific Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2016, pp. 7–11 (in Russian).

References

Поступила в редакцию 10.03.2021; одобрена после рецензирования 25.03.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 10.03.2021; approved after reviewing 25.03.2021; accepted for publication 20.12.2021

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 110–115
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 110–115
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-110-115>

Рецензия
УДК 1.01.1

Философия и философы во времена глобальных перемен

Рецензия на книгу:

Чумаков А. Н. Путь в философию. Работы разных лет. М. : Проспект, 2021. 608 с.

Т. А. Алексеева

Московский государственный институт международных отношений – университет МИД России, Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д.76

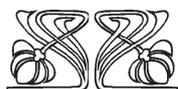
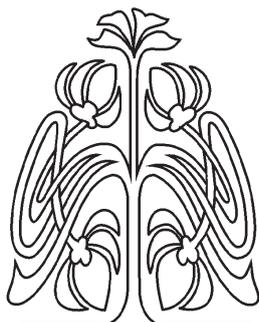
Алексеева Татьяна Александровна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политической теории, заслуженный деятель науки РФ, ataleks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6561-2281>

Аннотация. Рецензия посвящена выходу книги «Путь в философию. Работы разных лет» Александра Николаевича Чумакова – известного философа и организатора науки, теоретика глобалистики. По мнению Чумакова, глобализация – это объективно-исторический процесс, для которого характерны универсализация связей и отношений, становление в масштабах всей планеты единых структур в различных сферах общественной жизни. Будучи частью процессов становления мирового сообщества глобализация сопряжена с целым букетом противоречий на глобальном, региональном и локальном уровнях. Еще одна тема, которую затрагивает философ, – глобализация и цифровизация: кумулятивные аспекты взаимодействия. Автор подчеркивает неразрывную связь между глобализацией, глобальными проблемами и научно-техническим прогрессом. Кумулятивный эффект глобализации и цифровизации проявляется сегодня в таких, вроде бы далеких от них явлениях, как «цветные революции», во внешнем вмешательстве в избирательные процессы суверенных государств, международном терроризме, всплеске на глобальном уровне киберпреступности и т.д., т.е. создает ту среду, в которой все эти крайне опасные своими последствиями явления превращаются в реальную возможность. Большой раздел монографии посвящен роли России в глобальных процессах. Глобализация сегодня переживает системный мировой кризис, а это не просто временная остановка на пути формирования глобального единства. Необходимо переосмыслить глобализацию как таковую.

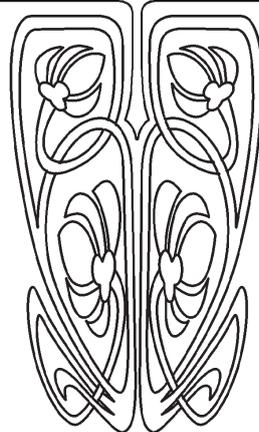
Ключевые слова: глобализация, глокализация, цифровизация, кризис глобализации

Для цитирования: Алексеева Т. А. Философия и философы во времена глобальных перемен. Рецензия на книгу: Чумаков А. Н. Путь в философию. Работы разных лет. М. : Проспект, 2021. 608 с. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 110–115. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-110-115>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Book Review

Philosophy and philosophers in times of global changes

Book review: Alexander N. Chumakov. *The way to philosophy. Works of different years*. Moscow, Prospect Publ., 2021. 608 p.

T. A. Alekseeva

Moscow State Institute of International relations (MGIMO-university), 76 Vernadsky Prospect, Moscow 119454, Russia

Tatiana A. Alekseeva, ataleks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6561-2281>

Abstract. The article is devoted to the book of a famous philosopher, science organizer and globalistics theoretician Alexander N. Chumakov. In Chumakov's eyes the globalization is the objective historical process, characterized by the universalization of the connections and relations, the constitution of the unified structure of different spheres of social life on the world scale. Being simultaneously a part of the formation of the world society, globalization is followed by the whole bunch of contradictions on the global, regional and local levels. One of the themes is globalization and digitization: the cumulative effects of their interaction. The author underlines the inextricable bond between the globalization, the global problems and scientific and technological processes. The cumulative effect of globalization and digitization is appearing today in such seemingly alien events as the "colored revolutions", the outer interventions into the election processes of the sovereign states, international terrorism, the rise of the cybercrimes on the global level, etc. – in other words, the formation of the environment, where so dangerous phenomena turn into reality. The big part of the book is devoted to the role of Russia in the global processes. Globalization today suffers from the systematic world crises, and it is not a mere temporary stop on the way to the global unity. We need to rethink the process of the globalization as such.

Keywords: globalization, glocalization, digitization, crises of globalization

For citation: Alekseeva T. A. Philosophy and philosophers in times of global changes. Book review: Alexander N. Chumakov. *The way to philosophy. Works of different years*. Moscow, Prospect Publ., 2021. 608 p. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 110–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-110-115>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Нужно обладать изрядной смелостью для того, чтобы, следуя известному совету «остановиться, оглянуться...», в преддверии 70-летнего юбилея осмыслить пройденный путь через все тернии и зигзаги последнего полувека. Уж слишком многие, в том числе коллеги, предпочитают «забыть» что, с каким пафосом и о чем писали в прошедшие десятилетия, особенно если это касалось актуальной политико-философской проблематики. Александру Николаевичу Чумакову – известному философу и организатору науки, теоретику глобалистики стесняться совершенно нечего. Он «с молодых ногтей» отличался высоким профессионализмом, упорством, эрудицией и, что еще важнее, честностью по отношению к рассматриваемым вопросам и проблемам, какими бы неоднозначными и запутанными они не были. Поэтому его книга «Путь в философию. Работы разных лет» – отнюдь не очередной юбилейный сборник с панегириками в адрес юбиляра, который вряд ли представил бы интерес для кого-либо, кроме самого «героя» и его близких, а умный и серьезный разговор с читателями о философии и ее месте в современной жизни.

Чумаков не просто рассуждает о философских категориях, а настаивает на рассмотрении их не с чисто рассудочной точки зрения, а опираясь на нравственную и социальную ответственность, которая должна присутствовать в подлинно философских рассуждениях, что гораздо важнее. Эта ответственность в пол-

ной мере присуща автору не только как философу-мыслителю, но и как гражданину.

Кроме того, философия – важнейшая часть образования, требующая пересмотра некоторых не лучших традиций и стереотипов, поскольку его цель – не просто забить головы учащихся множеством фактов и цитат, а научить рассуждать, вести диалог, формировать собственное мнение, т.е. стать образованной личностью. Сам автор последовательно следует этому принципу в отобранных для сборника статьях. Однако в центре его внимания, очевидно, любимая тема – глобализация, причем осмысленная именно с философских позиций. Это не чья-то выдумка, а реальность, в которой с разных сторон отражаются единая природа человека и общие закономерности его эволюции, а это непосредственно философские вопросы. Между тем философских работ почти нет или их крайне мало. Именно эту лауну и заполняет Чумаков.

Так что же такое глобализация с философской точки зрения? На протяжении всей работы ученый последовательно доказывает, что глобализация – это, прежде всего, объективно-исторический процесс, для которого характерны универсализация связей и отношений, становление в масштабах всей планеты единых структур в различных сферах общественной жизни. Если космополитизм – порождение культуры, то глобализация – результат цивилизационного развития общества, причем именно на их стыке

наиболее остро и в явной форме проявляется двойственная, противоречивая природа общественного развития, противостояние космополитизма и национализма как мировоззрений, глобализации и автаркии как процессов развития.

Конечно, глобализация приводит к унификации многих аспектов общественной жизни, но она не противоречит культурному разнообразию, которое всегда было, есть и будет, поскольку каждый народ, как и каждый отдельно взятый человек, неповторим, уникален и ценен. В этом смысл многоаспектности глобализации, которая, помимо воли и желания некоторых ее противников, с необходимостью формирует мировую человеческую цивилизацию как основу мирового сообщества.

Автор книги отнюдь не переоценивает позитивный пафос глобализации, обращая внимание на то, что она сопряжена с целым букетом противоречий на глобальном, региональном и локальном уровнях. Не случайно в политический язык вошел термин «глокализация», фиксирующий непростые отношения между глобальным и локальным, общим и единичным, общечеловеческим и национальным. Таким образом, глобализация не только не смазывает самые разные проблемы, а наоборот, изрядно их обостряет, усиливает напряжение в экономической, политической, военной и культурной сферах. Наконец, никуда не делась и ядерная угроза. Вывод автора: ко всему комплексу глобальных проблем человечества добавилась еще одна, по-видимому, главная угроза – кардинальное и быстрое изменение архитектоники мировых связей и отношений на фоне полной неспособности мирового сообщества адекватно реагировать на все новые вызовы и перемены.

Еще раз обратим внимание, что о глобализации размышляет не просто политолог или социолог, а именно философ, поэтому для него нет банальных утверждений, кочующих из статей в учебники. Каждое из них подвергается тщательному анализу, осмыслению, а зачастую и переосмыслению. Чумаков не ограничивается абстрактными рассуждениями, он бросается в спор с другими авторами, не приемля поверхностности и упрощения. Например, очень интересны его опровержения идеи И. А. Гобозова о том, что глобализация-де носит субъективный характер и вообще «исходит от Соединенных Штатов Америки» [1, с. 153]. Такого рода взгляды весьма распространены в научной литературе и особенно в публицистике. Для Чумакова этот тезис не кажется убедительным. Более того, он не допускает мысли о схоластичности подобных

споров, считая, что речь идет о проблеме принципиальной важности, ибо глобалистика и все ее аспекты непосредственно связаны с поведением людей и принятием политических решений. В то же время, будучи последовательным сторонником объективно-исторического истолкования природы глобализации, он предлагает своим оппонентам не полемику, не терпящую других точек зрения, а дискуссию, диалог, понимая, что и его точка зрения может не быть единственно правильной, быть истиной в последней инстанции. Другое дело, что ученый настаивает на диалоге, построенном не на повторении общих мест, а на глубоком анализе, основанном на первоисточниках. Во многих текстах, включенных в сборник, «красной нитью» проходит идея ответственности при участии в предметном и конструктивном споре с коллегами, как того требовали древние греки, настаивавшие на стремлении к истине, а не личных отношениях, переносимых в область науки и философии.

Хотелось бы обратить внимание на пленарный доклад А. Н. Чумакова на одной из международных конференций «Глобализация и цифровизация: кумулятивные аспекты взаимодействия». Хотя все об этом говорят, Чумаков, как и в других случаях, предлагает сначала разобраться, с чем, собственно, мы имеем дело. Обычно под цифровизацией понимается такое преобразование информации, когда она обретает цифровое выражение, т.е. кодируется посредством определенных операций с цифрами. Философ ставит вопрос более широко: а что происходит, когда цифровые технологии внедряются в самые разные сферы общественной жизни – в промышленность, экономику, образование, культуру и т.д.? Что это, еще один инструмент, связанный с компьютеризацией, или же нечто качественно иное? В отличие от информатизации, указывает автор, цифровизация решает более сложные задачи. Цифровые системы обладают независимостью действий, умеют анализировать и прогнозировать, выбирая при этом наиболее оптимальные способы решения, могут выполнять задачи, которые перед ними ставит пользователь [2, с. 107].

Информация, поясняет Чумаков, позволяет создать электронный учебник, но только цифровизация как интерактивная система в состоянии подстроить его под конкретного пользователя. А это уже выход на качественно иной уровень – рождается новая парадигма не только экономических структур, но и в целом планетарной динамики, т.е. глобального процесса. Философ подчеркивает неразрывную связь между глобализацией, глобальными проблемами и на-

учно-техническим прогрессом, связь, которую фиксируют далеко не все авторы, пишущие на сходные темы. По его мнению, однако, категорическим императивом в процессе исследования становится смотреть на сложную систему не только со стороны ее частей, но и на ее части со стороны целого [2, с. 109]. Вследствие этого процесс исследования глобализации обретает специфические черты – это не просто констатация сближения множества проблем, а, прежде всего, повторяет он вновь и вновь, объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни.

Шаг за шагом Чумаков подводит читателя к важнейшему выводу о наличии кумулятивного эффекта глобализации и цифровизации, проявляющегося сегодня в таких вроде бы далеких от них явлениях, как «цветные революции», во внешнем вмешательстве в избирательные процессы суверенных государств, международном терроризме, всплеске на глобальном уровне киберпреступности и т.д. Именно кумулятивный эффект и создает ту среду, в которой все эти крайне опасные явления превращаются в реальности.

Отдельный раздел работы посвящен глобальным проблемам. Речь идет не просто о широковещательных рассуждениях, с чем мы нередко встречаемся в публикациях на эту тему. Чумаков обеспокоен происходящим и весьма конкретен в авторских оценках. Он показывает в своих статьях, как обсуждались и обсуждаются глобальные проблемы на всемирных конгрессах, отмечает сдвиги, хотя и довольно медленные, в раскрытии проблематики и делает вывод о том, что откладывать все эти вопросы далее слишком опасно.

Хотелось бы обратить внимание на рассуждения автора о роли национальных языков в ситуации сближения стран и народов. У человечества, подчеркивает Чумаков, сегодня уже не осталось выбора – у него нет альтернативы в виде одного из естественных языков. По всей видимости, таким языком станет английский. Несмотря на то, что в мире известны более 6500 языков, доминирование английского, в том числе в научно-технической литературе и в Интернете, сегодня уже совершенно очевидно. Но можно ли считать английский язык в настоящее время носителем всемирной культуры, которая, как известно, являет собою совокупное целое, состоящее из национальных культур всех народов, проживающих на Земле? В конечном счете утрата языка тождественна утрате национальной идентичности. В результате навязывается

не просто чужой язык, а чужие взгляды, мировоззрения, иная картина мира. Это относится в том числе и к России.

Какой же выход из создавшейся ситуации видит философ? Решаться, полагает он, эта проблема должна не на уровне языков, а выше – через создание соответствующих структур глобального управления. Речь идет не о создании какого-то специального мирового правительства, как об этом много говорят, в частности и в среде научного сообщества, а о формировании сложнейшей системы мирового управления, включающей в себя, помимо единого языка общения, такие важнейшие элементы управления, как всеобщие нормы морали и права.

Однако ситуация существенно усугубляется вследствие демографических проблем, о чем Чумаков говорит в статье «Грядущая демографическая лавина: на пороге великого переселения народов». Автор отнюдь не случайно рассматривает эту группу вопросов как глобальную проблему, вставшую перед человечеством. До начала реальной глобализации перемещения людей все же носили локальный, максимум – региональный характер. Сегодняшний демографический взрыв – уже сам по себе неотъемлемая часть современного миропорядка – помножен на многоаспектную глобализацию вкупе с разворачивающейся новой гоббсовской, теперь уже глобальной войной «всех против всех». «Миграционный поток» сталкивается и во многих случаях опрокидывает сложившиеся культурно-миграционные системы. Мультикультурализм, очевидно, не справляется с нарастающим напряжением. Это не просто философская проблема, а проблема остро политическая, более того, уже не терпящая отлагательства.

Но как же обстоит дело с исследованием и оценкой происходящего в современной науке? На этот вопрос отвечает раздел сборника статей «Глобалистика». Чумаков напоминает, что одним из первых изданий в отечественной периодике, начавших разрабатывать проблемы глобалистики, был журнал «Вопросы философии», инициировавший обсуждение этих проблем сперва в режиме «круглых столов» еще в 1980 г. С самого начала проблемы рассматривались не только с философской точки зрения. Довольно быстро стало понятно, что это направление исследований может быть только междисциплинарным. Однако философский фундамент, безусловно, существенно необходим, доказывает автор, «современная эпоха добавила принципиально новую, никогда не существовавшую ранее тему единой судьбы человечества и сохранения жизни на Земле» [2, с. 217].

Основная тема глобалистики – глобализация во всей ее многоаспектности и многогранности. Многообразие точек зрения и подходов к ее изучению и оценке во много объясняется не только сложностью самой проблемы, но еще и недостаточной разработанностью темы исследований. Первый этап становления глобалистики, отмечает Чумаков, был связан с рассмотрением «глобальных проблем современности», изучение которых началось почти полвека тому назад еще в советский период. Как это ни парадоксально, такой подход и способы рассуждения зачастую попросту игнорируются сегодняшними учеными, по-видимому, черпающими вдохновение из зарубежных источников. Поэтому довольно часто можно встретить утверждение, согласно которому систематическое изучение глобализации едва ли насчитывает более полутора десятилетий, это, мол, «зарождающаяся наука». Другое дело, что поменялась тематика исследований – от глобальных проблем к проблемам глобализации.

Чумаков подробно и тщательно изучает процесс становления этой области знания, показывая, что потребность в интеграции теоретического и практического знаний осознавалась и ранее учеными самых разных специальностей. Нарождавшиеся мировые тенденции осмысливали еще классики – Т. Мальтус, И. Кант, Ж. Ламарк, К. Маркс и Ф. Энгельс, а позднее О. Шпенглер, В.И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден, А. Тойнби и многие др. Все они с разных позиций фиксировали и оценивали принципиально новые тенденции развития, нарушавшие естественное равновесие природных и общественных систем. Конечно, процессы глобализации во второй половине XX в., рост взаимозависимости стран и народов вывели эту проблематику на качественно новый уровень. Это был уже второй этап развития глобалистики как отдельной области знаний.

Необходимость и востребованность глобалистики во всех ее ипостасях совершенно очевидна. Чумаков предвидит переход исследований на следующую стадию, которая вызовет первостепенный интерес к формированию нового международного порядка в целостном взаимозависимом мире, чтобы он стал, наконец, безопасным и стабильным; а эта проблематика самым тесным образом связана с еще более трудной задачей – проблемой человека и формированием нового «этоса глобального мира» [2, с. 219].

Но глобалистика – не только наука, это еще и знание, которое можно и нужно передавать следующим поколениям мыслителей и международников. Поэтому появление в книге такого

раздела, как «Геополитика. Образование», вполне закономерно. Потребность в специалистах по глобалистике, подчеркивает автор, назрела уже давно, но по сей день так и не решена, причем не только у нас, но и в мире в целом. И хотя в последние годы появилось немало интересных работ, посвященных глобалистике, не секрет, что обозначилась также тенденция растаскивания вопросов по разным дисциплинарным «квартирам», когда представители одной науки с упорством, достойным лучшего применения, «не замечают» сделанного в смежных отраслях. В то же время целостный мир требует целостного восприятия. Поэтому можно приветствовать открытие на базе МГУ имени М. В. Ломоносова факультета Глобальных проблем, а также начало выхода двух специализированных научных журналов «Век глобализации» и «Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика». Во многом именно потому, констатирует Чумаков, наши, отечественные позиции на мировой арене в области глобалистики, завоеванные в 1970–1980 гг., как минимум, не ослабли. Между тем уровень поддержки, которую получали в последние годы центры, институты, кафедры и т.д., за рубежом был значительно выше. А вот с точки зрения подготовки специалистов западные центры заметно отстают от МГУ, ибо продолжают идти проторенной дорожкой дифференциации научного знания. Глобалистика по определению интеграционна и мультидисциплинарна, а стало быть, и специалистов нужно готовить по особым программам. Сегодня же крайне важно констатировать, что такие специалисты нужны, ибо общемировые процессы не только не уходят в прошлое, а наоборот, становятся все более значимыми и актуальными, причем не только для стратегии внешней, но и для внутренней политики и экономики России.

Пожалуй, наиболее яркий раздел монографии посвящен роли России в глобальных процессах, и не только потому, что мы, естественно, как читатели и как граждане в наибольшей степени интересуемся своей страной, но и потому, что вхождение России с глобальный мир сопряжено с изрядными трудностями и ее опыт весьма поучителен для других «игроков». Можно с полным основанием поддержать идею автора о том, что «...обсуждать проблемы России, не принимая во внимание мировой контекст общественного развития, сегодня не только не конструктивно, но и бесперспективно. Являясь частью глобального сообщества, мы вынуждены строить внутреннюю и внешнюю политику, равно как и отношения внутри страны, и с остальным

миром, с учетом объективных тенденций современных процессов глобализации» [2, с. 392].

Хотелось бы подчеркнуть, что значимость предпринятого Чумаковым анализа проблем состоит в том, что он рассматривает глобализацию отнюдь не в экономическом ключе, что присуще многим авторам, пишущим на сходные темы. Философ тесно увязывает ее с культурно-цивилизационным диалогом и изначальным признанием многополярности современного мира. Для обеспечения успешности такого диалога необходимо понимание важности общих цивилизационных принципов организации общественной жизни:

признание и защита основных прав человека;

приемлемая для всех система этических норм и ценностей (общечеловеческая мораль);

единое правовое поле, т.е. универсальное (глобальное) право;

религиозная толерантность и свобода совести.

Иными словами, речь идет о гуманитарной составляющей глобального мира, не менее, а вероятно, и более важной, нежели экономическая и политическая составляющие.

Одной из особенностей данной работы является включение «малых форм», опубликованных в разные годы. Это и актуальные эссе, и тексты выступлений на различных мероприятиях, интервью, рецензии на справочные издания и книги – то, что обычно утрачивается. В то же время такие «малые формы» нередко содержат интересные, новые идеи, сравнения, оценки, многое дают для понимания процесса научной работы и для личности самого исследователя.

Не секрет, что глобализация переживает сегодня определенный кризис, особенно ярко высветившийся на фоне КОВИДа. Это системный мировой кризис, а не просто временная остановка на пути формирования глобального единства. Кризис показал недостатки и точки уязвимости так называемой «глобализации 1.0.», причем во всех ее аспектах – экономическом, политическом, военно-техническом, культурно-гуманитарном. О многих из этих текущих и потенциально значимых проблемах предупреждали отечественные и зарубежные исследователи, в том числе и А. Н. Чумаков. Поэтому, возможно, его статьи и тексты сегодня приобретают особенно важное значение именно потому, что сейчас в преддверии разговоров и планов о «глобализации 2.0.» самое время вернуться к уже написанному и осмысленному как фундаменту для разработки проблем глобализации.

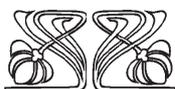
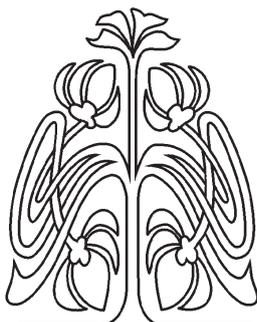
Список литературы

1. *Гобозов И. А. Государство и национальная идентичность : глобализация или интернационализация?* М. : Либроком, 2013. 198 с.
2. *Чумаков А. Н. Путь в философию. Работы разных лет.* М. : Проспект. 2021. 608 с.

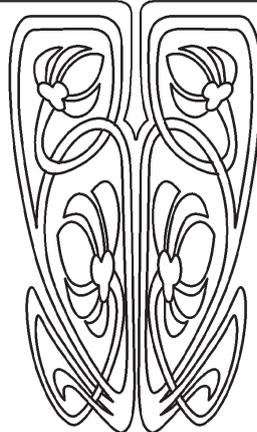
References

1. *Gobozov I. A. Gosudarstvo i natsional'naya identichnost': globalizatsiya ili internatsionalizatsiya?* [State and National Identity: Globalization or Internationalization?]. Moscow, Librokom Publ., 2013. 198 p. (in Russian).
2. *Chumakov A. N. Put' v filosofiyu. Raboty raznykh let* [The Way to Philosophy. Works of Different Years]. Moscow, Prospect Publ., 2021. 608 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 13.10.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 26.09.2021; approved after reviewing 13.10.2021; accepted for publication 20.12.2021

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36014
Оформить подписку на печатную версию можно
в Интернет-каталогах
«Пресса России» (www.pressa-rf.ru)
«Пресса по подписке» (www.akc.ru)
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7 (845-2) 27-85-29
E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
философский факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12
E-mail: aporia@inbox.ru
Website: <https://phpp.sgu.ru>